

ИТАЛЬЯНСКІЙ
ПОХОДЪ КАРЛА VIII
И ПОСЛЕДСТВІЯ ЕГО ДЛЯ
ФРАНЦІИ.

СОЧИНЕНІЕ
ВАСИЛІЯ АВСѢБЕНКО.

Изъ журнала „Университетскія Извѣстія“ 1863 г. № № 4 и 5.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1863.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Влади-
міра.

Ректоръ Н. Иванишевъ.

Итальянскій походъ Карла VIII и послѣдствія его для Франціи.

Очеркъ внутренняго состоянія Италіи временъ возрожденія, и вліянія итальянской культуры на Францію.

Намѣреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи.

Политическая и военная сторона похода Карла VIII въ Неаполь очень маловажна и представляетъ мало фактовъ, заслуживающихъ вниманіе; но это дурно расчитанное и вполнѣ неудавшееся предпріятіе важно для насъ въ другомъ отношеніи. Какъ прологъ француско-итальянскихъ войнъ, безспорно представляющихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій переходнаго времени, оно имѣетъ обширное значеніе въ исторіи европейской цивилизаціи. Здѣсь французская нація, въ умственномъ, художественномъ и экономическомъ быту которой ясно обозначались еще слѣды средневѣковой эпохи, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ итальянской культурой, находившейся тогда въ полномъ цвѣту возрожденія; здѣсь наблюдаемъ мы столкновеніе двухъ различныхъ цивилизацій, столкновеніе, довершившее внутреннее перерожденіе Франціи, начатое хитрою политикою Людовика XI; здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать также, какими послѣдствіями отразилось на французскомъ народѣ вліяніе глубокой нравственной порчи, которою страдала Италія временъ возрожденія.

Сообразно всему сказанному, политическія и военныя событія, которыми ознаменовался итальянскій

походъ Карла VIII, отойдутъ на второй планъ въ моемъ изложеніи. Я не буду также распространяться о нѣкоторыхъ специальныхъ вопросахъ, преимущественно интересующихъ Французскихъ историковъ, напр. вопроса о томъ, вѣнчался ли Карль VIII императорскою короною, и дѣйствительно ли уступилъ ему Андрей Палеологъ византійскій престолъ. Всѣ мелочи, имѣющія совершенно частное, специальное значеніе, войдутъ въ мой рассказъ только въ томъ случаѣ, если съ ними связаны болѣе важныя и вліятельныя событія разсматриваемой эпохи, или если онѣ ярко характеризуютъ степень умственного и экономическаго развитія того или другаго народа. Преимущественное вниманіе будетъ обращено мною на политическое, умственно-художественное и нравственное состояніе Италіи въ концѣ XV столѣтія, на внутреннее содержаніе и характеръ итальянской цивилизаціи временъ возрожденія. Слѣдя за французами въ ихъ неаполитанскомъ походѣ, я буду не столько излагать, что они дѣлали, сколько, что они видѣли, чему были свидѣтелями, и въ особенности, что перенесли они на собственную почву. Французы и Франція явятся исключительнымъ предметомъ наблюденія только въ заключеніи моего труда. Здѣсь я постараюсь сгруппировать въ одномъ очеркѣ сумму преобразованій, внесенныхъ въ умственный, художественный и политическій бытъ Франціи итальянскимъ вліяніемъ, и прослѣжу въ краткомъ обзорѣ дальнѣйшее развитіе итальянской культуры на Французской почвѣ до временъ Катерины Медичи.

Что касается до источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой монографіи, то они распадаются на три группы. Къ первой относятся официальные акты и документы, въ довольно значительномъ числѣ находящіеся въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Коммина (изданіе аббата Lenglet du Fresnoy, съ первоначальнаго изданія Godefroy, 1747 г. 4 тома in 4), также въ приложеніяхъ (*pièces justificatives*) къ нѣкоторымъ

новѣйшимъ монографіямъ, и въ драгоцѣнной коллекціи Cimber'a; Archives curieuses de l'histoire de France.

Ко второй группѣ относятся хроники, мемуары, реляціи, дневники, большею частью принадлежащія современникамъ и очевидцамъ итальянскаго похода Карла VIII, и заключающія въ себѣ обширный запасъ свѣдѣній о событіяхъ разсматриваемой мною эпохи. Изъ источниковъ этого разряда, особеннаго вниманія заслуживаютъ мемуары Коммина, лѣтопись Гвиччардини; дневникъ Бурхарда, честнаго и наблюдательнаго церемоніймейстера двора Александра VI, и стихотворная поэма де-Виня (*Vergier d'honneur*), съ особенною подробностью описывающая походъ Карла VIII изъ Рима въ Неаполь и обратный путь его во Францію. Наконецъ, третью группу составляютъ изслѣдованія и монографіи новѣйшихъ историковъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ: Michelet, въ своемъ *Renaissance* обозрѣвающей вліяніе итальянской культуры на Францію, Gordon (*Vie du pape Alexandre VI*, пер. съ англ.), описывающей дѣла римской куріи въ первый періодъ француско-итальянскихъ войнъ и особенно важный потому, что онъ пользовался въ рукописи интереснымъ дневникомъ Бурхарда, до сихъ поръ нигдѣ не изданнымъ вполне; William Roscoe (*Leben des Lorenzo Medici* и *Vie et pontificat de Leon X*, то и другое перев. съ англ.), въ послѣднемъ своемъ сочиненіи служащій продолженіемъ Гордону и важный по богатству собраннаго имъ матеріала и по приложеніямъ въ концѣ каждаго тома, гдѣ онъ впервые обнародовалъ много замѣчательныхъ документовъ; Sismondi (*Histoire des républiques d'Italie au moyen age*) Leo (*Geschichte der italienischen Staaten*), Kortum (*Geshpichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit*), въ болѣе или менѣе полныхъ очеркахъ изображающіе внутреннее и внѣшнее состояніе Италіи въ концѣ XV вѣка, и мн. др. Изъ этого краткаго обозрѣнія источниковъ видно, что собранный мною матеріаль, при кажущемся съ перваго взгляда богатствѣ и разнообразіи,

не вполне достаточно, однакоже для выполнения одной изъ главныхъ задачъ, предположенныхъ мною въ этомъ трудѣ, — задачѣ изобразить внутреннее перерожденіе Франціи, произведенное итальянскимъ вліяніемъ, прослѣдить развитіе итальянской культуры на французской почвѣ. Исторію культуры можно изучать самостоятельно только по литературнымъ и художественнымъ памятникамъ, изъ которыхъ первые часто недоступны по своей рѣдкости, а вторые требуютъ ознакомленія съ ними на мѣстѣ. Этимъ извиняется въ нѣкоторой степени неполнота послѣдней части моего труда, такъ какъ здѣсь почти единственными руководителями служили мнѣ извѣстный трудъ Мишле: *Histoire de France*, и роскошное изданіе Поля Лакруа; *Moyen age et Renaissance*¹.

Въ половинѣ XV вѣка, замѣтная пустота образовалась въ жизни европейскаго общества. Въ эту эпоху, всѣ главнѣйшіе факторы средневѣковой исторіи приходятъ въ состояніе изнеможенія и безсилія. "Всѣ великія, міровыя идеи, нашедшія свое осуществленіе въ средневѣковой жизни, потеряли наконецъ нравственное обаяніе, которымъ такъ долго были облечены онѣ въ глазахъ западныхъ народовъ. Папство и имперія, два противоположные угла зданія, въ которое сложилась средневѣковая эпоха, истощили свои средства въ вѣковой взаимной борьбѣ и въ борьбѣ съ новыми идеями, проникавшими во всѣ слои западнаго общества. Крестовыя походы, ереси средневѣковыхъ рационалистовъ, авиньонское плѣненіе папъ, великій расколъ, вселенскіе соборы, все это одно за другимъ, словно систематически, потрясало папство, пока не разрушило въ конецъ его политическую силу. Что касается до католицизма, то онъ былъ такъ тѣсно связанъ съ папствомъ, что паденіе одного неминуемо должно было поколебать авторитетъ

¹Ссылки на источники, непоименованные в этомъ краткомъ обзорѣ, находятся ниже, в примѣчаніяхъ.

другаго. Католическій догматъ оставался еще въ силѣ тамъ, куда не проникла ни одна изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ ересей, но то политическое значеніе, которое было связано съ католицизмомъ въ средніе вѣка, было имъ утрачено, и утрачено невозвратно. Основной принципъ средневѣковой эпохи, единство, всемірная централизація, всюду долженъ былъ уступить мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Стремленіе къ которой подъ конецъ среднихъ вѣковъ становится повсемѣстнымъ и преобладающимъ. Въ XV вѣкѣ, никого уже не могла соблазнить и увлечь стереотипная средневѣковая формула: „одинъ Богъ, одинъ папа, одинъ императоръ“. Повсюду, изъ подъ коры католическаго и цезарскаго космополитизма, широкою струею пробивалась народная жизнь выяснялись и осмысливались народныя фізіономіи, опредѣлялись національные интересы. Развитіе учреждений, обнимавшихъ своими притязаніями весь европейско-хрістіанскій міръ, остановилось; начался процессъ усиленнаго развитія національныхъ единицъ, мѣстной народной жизни. На развалинахъ императорской власти, на обломкахъ ея вселенскихъ притязаній, возвышается власть королевская, источникъ и сила которой коренятся въ элементѣ народности, національной самобытности и особенности. Отовсюду возвышается протестъ противъ идеи всемірной монархіи, осуществить которую пытались папство и имперія. „Всеми́рная монархія, говоритъ одинъ французскій легистъ XIV вѣка, есть дѣло несправедливости и насилія; оно противно волѣ Божіей, раздѣлившей владычество надъ міромъ между королями, герцогами и князьями.“¹ „Власть императора ничтожна, говоритъ Эней Сильвій, обращаясь къ нѣмецкимъ князьямъ. Вы повинуетесь ей на сколько хотите, а хотите вы какъ можно менѣе; каждый думаетъ только о своихъ выго-

¹Songe du Vergier, I.I. ch. 36 (apud Laurent, La Papauté et Empire, p. 316).

дахъ. Христіанскій міръ представляетъ тѣло безъ головы. Папу и императора окружаетъ блескъ ихъ высокихъ достоинствъ; но это только блѣднѣющіе призраки; они не имѣютъ силу повелѣвать, и никто имъ не повинуется. Каждая страна управляется своимъ государемъ, и каждый государь имѣетъ свои интересы"¹. То, что говоритъ Эней Сильвій о Германіи, относится въ равной мѣрѣ ко всему европейско-христіанскому міру. Во второй половинѣ XV вѣка повсюду, отъ Атлантическаго океана до Волги, наблюденіе историка представляются аналогическія явленія: вездѣ монархическое, мѣстно-централизованное, государственное начало торжествуетъ надъ обломками старины и захватываетъ въ свои руки регулированье народною жизнью. Во Франціи, Людовикъ XI наноситъ рѣшительный ударъ Феодализму и основываетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мірѣ; въ Англіи, королевская власть, въ лицѣ Генриха VII, выходитъ торжествующею изъ внутренней неурядицы, произведенной распрями бѣлой и алой розъ и вѣковыми войнами съ Франціей; въ Испаніи, Фердинандъ и Изабелла соединеніемъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и изгнаніемъ Мавровъ довершаютъ зданіе національнаго единства, и на этой прочной опорѣ основываютъ торжество монархическаго принципа. Въ Германіи, тяготѣніе частей къ центру замѣтно ослабѣваетъ, и идея имперіи замѣняется идеею земства, народно-федеративной союзности, органомъ которой являются рейхстаги. Наконецъ, въ Россіи исчезаютъ остатки федеративно-вѣчевой старины, и Новгородъ Великій падаетъ подъ ударами умнѣйшаго изъ собирательей русской земли. Въ этомъ новомъ движеніи, какъ и во всѣхъ вообще политическихъ переверотахъ западной Европы, инициатива и первенствующая роль принадлежитъ Франціи. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ

¹Germania, cap. 43 (apud Laurent. Ibid.).

жестокаго собирателя своей земли, лучше всѣхъ предшествовавшихъ государей уяснившего себѣ задачу и средства королевской власти, и умнѣе и неуклоннѣе всѣхъ стремившагося къ достиженію сознанной имъ цѣли. Задача его была трудная: прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, ему надлежало залѣчить тяжелыя раны, которыми страдала страна, вынесшая на своихъ плечахъ сто-тритцатилѣтнюю внѣшнюю войну и вѣковой гнетъ феодализма. Страшную картину представляла Франція въ половинѣ XV вѣка. Опустошительная, вполнѣ средневѣковая война покрыла ее развалинами. Города и села дымились отъ недавнихъ пожарищъ; въ цѣлыхъ округахъ, казалось, жизнь вымерла; плодородныя поля превратились въ необитаемые пустыри; въ лѣсахъ и по дорогамъ бродили хищныя звѣри. Матеріальное благосостояніе народа, никогда не достигавшее высокаго уровня, теперь было въ конецъ разрушено. Земледѣліе и промышленность едва удовлетворяли насущнымъ потребностямъ страны. Гордое, праздное дворянство, неспособное ни къ труду, ни къ пожертвованіямъ, давило крестьянское сословіе всею тяжестью своихъ феодальныхъ правъ. Наемныя войска, одичавшія среди нескончаемыхъ войнъ, грабили страну и обременяли народъ налогами, необходимыми для ихъ содержанія.¹ Толпы бездомныхъ бродягъ (*routiers, escorcheurs, retondeurs*) разбойничали днемъ и ночью по большимъ дорогамъ, врываются въ селенія, съ звѣрскою жестокостью мучили беззащитныхъ поселянъ и заставляли ихъ нести за ними въ ихъ притоны награбленную добычу.² Въ правительствѣ, въ администраціи, царствовалъ первобытный хаосъ. Феодальное начало упорно отстаивало свое существованіе и полагало неодолимую преграду

¹Ср. Kortun, *Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit*. I. Isqq.

²Ср. Kortun, *Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit*. I. Isqq.

дѣятельности центральной власти. Дворянство вело непрерывную, открытую борьбу съ королемъ. Избалованные слишкомъ столѣтними войнами, привыкшіе къ бивачной жизни, французскіе дворяне не могли усидѣть спокойно по заключеніи мира; они возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ, часто безъ всякой сознательной цѣли, единственно чтобъ чѣмъ нибудь наполнить праздную пустоту своей жизни. Въ послѣднюю половину царствованія Карла VII, не проходило ни одного года безъ того, чтобъ не вспыхнуло гдѣ нибудь возстаніе. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописей. Въ 1439 году принцы крови и нѣкоторые вассалы подняли знамя бунта въ Блуа, и во главѣ возмущенія сталъ дофинъ, будущій Людовикъ XI; это возстаніе, которое народъ назвалъ прагеріей (praguerie), потому что сопровождавшія его жестокости напоминали войны пражскихъ гусситовъ, продолжалось до 1442 года. Въ этомъ году герцоги Орлеанскій, Валансонскій, Бургундскій, Бретанскій, графъ Вандомъ и герцогъ Бурбонъ взволновали провинцію Пуату, и для усмиренія ихъ потребовались чрезвычайныя усилія со стороны правительства. Въ слѣдующемъ году возмутился графъ Арманьякъ и завязалъ измѣнническія сношенія съ королями Англійскимъ, Кастильскимъ и Арагонскимъ.¹ Примѣрами подобныхъ возмущеній переполнены французскія лѣтописи XV вѣка. Феодальныя стихіи такъ прочно были укоренены на французской почвѣ, что Людовикъ XI, будучи еще дофиномъ, долженъ былъ употребить въ дѣло всю свою хитрость и энергію, всю силу своего характера, чтобъ прекратить междоусобныя распри феодаловъ въ своей вотчинѣ, провинціи Дофине, и при всемъ томъ, усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Королевская власть была совершенно опутана феодальными узами; что могъ сдѣлать среди такихъ условій благона-

¹Lenglet du Fresnoy, Preface aux Memoires de Commines, 3 sqq.

мѣренный, но слабый и безхарактерный Карль VIII? Эоть молчаливый король съ угловатымъ черепомъ и неуклюжимъ туловищемъ, только два раза въ день принимавшій пищу, но три раза слушавшій обѣдню¹, бросался во всѣ стороны, издавалъ указы за указами, работалъ безъ отдыха, а дѣла все шли по прежнему. Да а что могъ онъ противопоставить феодальнымъ силамъ онъ, который не всегда имѣлъ достаточно денегъ, чтобъ купить себѣ пару сапоговъ?² Весь ежегодный государственный доходъ Франціи едва-едва простирался тогда до двухъ съ половиною милл. ливровъ, собственные домены Карла VII доставляли ему всего 500,000 ливровъ, что немногимъ превышало доходы богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ.³ Какъ слабо было тогда вообще государственное начало передъ феодальными, видно изъ того поразительнаго факта, что король, казнившій смертью преступника изъ несвободнаго состоянія, платилъ за него выкупныя деньги вассалу, которому принадлежалъ

¹Clement. I. 49.

²Leber, Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge, 58, note. Анекдотическая бедность Карла VII выражается также в следующей народной пѣснѣ, приводимой Клеманом (Jacques Coeur. I. 54):

Un jour que la Hire et Poton
Le (Charles VII) veindre veoir, pour festoyment
N'avoit qu'un queue de mouton
Et deux poulets tant seulement.
Las! cela est bien aux rebours
De ces viandes delicieuses
En des mets qu'on a tous les jours
En des tables plus comptueuses.

³Leber, 97. Clement, I. 93. Болѣ точныя цифры королевскихъ и государственныхъ доходовъ Франціи при Карле VII слѣдующія:

Доходы королевскихъ доменовъ	500,000
ливровъ.	

Доходы фиска (преимущ. Taille). 1,800,000 –
Всего 2,300,000 ливр.

казненный¹. Ко всѣмъ этимъ безпорядкамъ слѣдуетъ присоединить еще глубокую деморализацію народа, выражавшуюся въ отсутствіи всякаго патріотическаго чувства, о чемъ свидѣлствуютъ непрерывныя дезертерства, измѣны, предательства. Народъ отвыкъ отъ труда, усыпиль совѣсть; лѣность, бродяжничество, грязный развратъ овладѣли нисшими классами. Таково было внутреннее состояніе Франціи, когда судьба ея изъ слабыхъ рукъ Карла VII перешла въ руки его злаго и умнаго сына. Людовика XI не устрасила трудность выпавшей на его долю задачи. Никогда еще дѣло обширной государственной реформы не находило себѣ такого способнаго исполнителя. Въ характерѣ Людовика XI соединялась осторожная, выжидательная хитрость нашего Ивана III съ подозрительною жестокостью Ивана Грознаго. Расчетливый, холодный, кровожадный Людовикъ XI былъ какъ будто созданъ для того, чтобъ затопить въ крови послѣдніе обломки феодализма. Натура въ высшей степени прозаическая, трезвая, онъ сталъ въ разрѣзъ съ преданіями своего вѣка, въ которыхъ слышались еще отголоски поэтической старины. Рыцарскій, романтическій, элементъ былъ совершенно чуждъ его характеру. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ всякое проявленіе чувства; онъ презиралъ поэзію, искусство, презиралъ идеальную любовь къ женщинѣ, презиралъ великодушіе, состраданіе. Прекрасно образованный, начитанный, онъ глубоко презиралъ науку, говоря о ней, что для людей умныхъ она бесполезна, а глупцовъ дѣлаетъ только напыщенными². Въ вѣкѣ, въ которомъ были еще живы и полны обаянія преданія рыцарской эпохи, онъ презиралъ турниры, поединки, пышные праздники; единственной забавой его была охота на дикихъ звѣрей, кото-

¹Lenglet du Fresnoy, 6.

²Memoire d'un particulier touchant Charles VII, etc. 194. (Помѣщено в "Archives curieuses de l'histoire de France", 1-re serie, t. I).

рой предавался онъ съ кровожаднымъ увлеченіемъ. Онъ пренебрегалъ шелкомъ и золотомъ; одежда его была самая простая и грубая. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ дворянъ и окружилъ себя людьми изъ низкаго званія: самымъ приближеннымъ къ нему человѣкомъ былъ его брадобрѣй Оливье, въ народѣ прозванный чертомъ. Систематически отрекаясь отъ всего, завѣщаннаго средневѣковою эпохою, кромѣ суевѣрной набожности, доходившей до Фетишизма, Людовикъ XI отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и идеаль благородства и чести, созданный и освященный рыцарствомъ. Его не могло связать никакое общаніе, никакая клятва. Онъ нарушалъ ежеминутно данное слово, подкупалъ, поддѣлывалъ подписи и печати. Ничего не было для него святаго въ человѣческой природѣ, ничего не уважалъ и не цѣнилъ онъ, кромѣ холоднаго, расчетливаго, эгоистическаго разума. Хитрость и вѣроломство считалъ онъ необходимыми элементами и высшимъ проявленіемъ государственной мудрости. Холодный разсудокъ, эманципированный отъ всѣхъ гуманнхъ инстинктовъ, былъ единственнымъ орудіемъ и единственной стихіей его политики. Жестокій отъ природы и по расчету, онъ поддерживалъ свою кровожадность подозрительностью, которою былъ зараженъ онъ подобно всѣмъ тиранамъ. Въ своемъ неприступномъ замкѣ, окруженномъ лѣсами и рвами, онъ подозрѣвалъ всѣхъ и cadaго: подозрѣвалъ свою жену, своего сына, подозрѣвалъ вельможъ, духовныхъ, даже своихъ собственныхъ слугъ и шпіоновъ.

Таковъ былъ человѣкъ, задумавшій политически переродить Францію, и на развалинахъ Феодализма устроить свое собственное хозяйство. Съ высокимъ практическимъ тактомъ, съ осторожною, выжидательною хитростью устремился Людовикъ XI къ выполнению предпринятой имъ реформы. Шель ли онъ къ этой цѣли вполнѣ сознательно, расчитанно, или только ловко пользовался обстоятельствами, во всякомъ случаѣ въ его дѣятельности нельзя не замѣтить единства плана

и послѣдовательности. Онъ понялъ, что для того, чтобы свободно дѣйствовать, ему надо было прежде создать для себя прочную политическую власть, сосредоточить въ своихъ рукахъ правительственную диктатуру, раздробленную между феодальными единицами. И вотъ, онъ начинаетъ долгую, упорную борьбу съ феодализмомъ, борьбу безчестную, жестокою, въ которой нѣтъ мѣста состраданію и пощадѣ; холодный расчетъ руководить его планами, палачъ приводитъ ихъ въ исполненіе. Онъ не охотно прибѣгаетъ къ открытой силѣ; онъ больше любитъ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ; мелкимъ плутомъ онъ является чаще, чѣмъ тираномъ. При встрѣчѣ съ препятствіемъ, прежде, чѣмъ ниспровергнуть его, онъ ищетъ, нельзя ли обойти его. Онъ часто безъ нужды проливаетъ кровь, но никогда безъ нужды не подвергаетъ себя опасности. Одна верховная идея управляетъ его политикою — идея государства, сильной центральной власти. На осуществленіе этой идеи, на борьбу съ препонами, которыя противоположало ей начало мѣстнаго самоуправленія, сословной, корпоративной или индивидуальной самобытности, Людовикъ XI потратилъ всѣ силы своего ума, всѣ средства своей коварной, гибкой, изворотливой природы. Хитростью, обманомъ, обольщеніемъ, угрозою, онъ истощилъ и привелъ въ трепетъ дворянъ, ревниво наблюдавшихъ до того времени за сохраненіемъ своихъ правъ и своей феодальной независимости. На богатыхъ, могущественныхъ вассаловъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями и значительною политическою силою, онъ обрушился всею тяжестью своей власти, не щадя даже близкихъ родственниковъ. Строптивый парижскій парламентъ и опасный по своимъ притязаніямъ университетъ онъ сдѣлалъ послушными орудіями своей воли. Папской юрисдикціи не придавалъ онъ никакого значенія и замышлялъ по своему произволу вакантныя епископства и

аббатства. Огромная подати¹, собираемая имъ со всякаго подданнаго, къ какому бы званію и состоянію тотъ ни принадлежалъ, дали ему средства содержать многочисленное наемное войско, на которое, въ случай надобности, онъ могъ съ увѣренностью опереться. Чтобы возвысить авторитетъ центральной власти, ему надо было вооружить ее строгимъ и неумолимымъ правосудіемъ; съ этою цѣлью, онъ пустилъ въ ходъ цѣлую систему страшныхъ, звѣрски мучительныхъ казней, которыя устроили самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ и очистили лѣса и дороги отъ разбойниковъ. Расширяя и устраивая такимъ образомъ свое хозяйство, онъ не упускалъ изъ виду и матеріальнаго возрожденія отвоеванной у феодализма страны, и цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ старался возвысить земледѣліе, торговлю и промышленность. На все обращалъ онъ свой строгій, проницательный взглядъ, и во всемъ дѣйствовалъ съ неограниченнымъ самовластьемъ. Необъятная диктатура его захватывала даже предметы чисто отвлеченные, управлять которыми не рѣшалось еще ни одно правительство: такъ напр. силою своей королевской власти, онъ объявилъ споръ реалистовъ съ номиналистами рѣшеннымъ, и разогналъ изъ парижскаго университета профессоровъ богословія, схоластическіе приемы которыхъ ему не нравились².

Такимъ образомъ, въ политической сферѣ, переходъ отъ старыхъ отношеній къ новымъ совершился. Цѣль, къ которой стремился Людовикъ XI, была достигнута: онъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между феодальными

¹Доходы Фиска по всѣмъ статьямъ сильно возвысились въ царствованіе Людовика XI; такъ напр. одни доходы королевскихъ доменовъ возросли до 1 милл. тогдашнихъ франковъ. См. Leber, 58, note.

²Ср. Kortum, I. 9-10.

единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народнаго единства, сплотилась въ одну національность. Раздробленныя феодальныя силы слились въ одинъ широкій политическій резервуаръ; множество маленькихъ частныхъ правительствъ, раздѣлявшихъ въ средневѣковой Франціи королевскую миссію, были уничтожены, или приведены въ зависимое положеніе. Строгой государственной централизаци, конечно, не далъ и не могъ дать Франціи Людовикъ XI, потому что подобныя реформы совершаются вѣками. Людовикъ XI ничего не создалъ и ничего не разрушилъ вполне: съ одной стороны, организуя центральную власть, онъ не организовалъ никакихъ дѣйствительныхъ гарантій, могущихъ обеспечить ея силу въ будущемъ, а съ другой, сословные и корпоративные элементы, съ которыми Людовикъ XI враждовалъ всю свою жизнь, были имъ задавлены, но не уничтожены: рано или поздно, они могли всплыть на поверхность. Централизаторамъ XVII вѣка предстояло еще много труда, чтобы укрѣпить окончательно государственные узы, завязанные Людовикомъ XI, и довершивъ формацию государства, осуществить на немъ знаменитый принципъ Людовика XIV, высшее выраженіе свѣтскаго абсолютизма: *l'etat, c'est moi*. Но при всемъ томъ, первый и самый трудный актъ перерожденія совершился при Людовикѣ XI: когда онъ умеръ, государства въ современномъ смыслѣ слова еще не существовало, но не существовало также и средневѣковаго феодализма.

Итакъ, Франція вышла политически обновленною изъ суровыхъ рукъ Людовика XI. Оставалось, обновить ее умственно и нравственно, сдѣлать ее участницею научнаго и художественнаго движенія, охватившаго въ то время Италію, раздѣлить съ нею плоды завоеваній, совершенныхъ человѣческой мыслью въ XV вѣкѣ. Надо было провести ее сквозь животворный процессъ возрожденія, гуманизировать, итальянизировать ее. Надо было, чтобъ французскій дворъ, сдѣлавшись проводникомъ возрожденной науки и искусства, озарилъ и освятилъ

обновленное монархическое начало; чтобъ французское правительство, искусившись въ макиавелизмѣ, этой хитрой наукѣ итальянскаго деспотизма, открыло въ ней новый источникъ силы и новыя средства для продолженія великаго дѣла государственной централизаціи, начатаго Людовикомъ XI. Кто же сдѣлаетъ первые шаги на этомъ широкомъ поприщѣ?

Карлу VIII было тринадцать¹ лѣтъ, когда умеръ Людовикъ XI; Бѣдный ребенокъ приносилъ съ собою на тронъ очень мало надеждъ и много грустныхъ воспоминаній. Подозрительный отецъ, опасаясь потерять вліяніе на сына, умысленно пренебрегалъ его воспитаніемъ² и держалъ его въ удаленіи отъ общества³. Мать Карла, робкая, запуганная женщина, жившая въ уединеніи подъ строгимъ надзоромъ мужа⁴, не могла имѣть на сына никакого вліянія. Безъ всякаго образованія, съ сбивчивыми, незрѣлыми понятіями, застѣнчивый, нерѣшительный, Карлъ VIII былъ притомъ очень некрасивъ собою. На его маленькомъ, неуклюжемъ туловищѣ помѣщалась голова такой несоразмѣрной величины, что Итальянцы прозвали его головастикомъ (*sabezzucco*)⁵. Большіе на выкатѣ глаза, огромный носъ съ горбомъ, плоскія губы, короткая шея и широкая грудь довершали его без-

¹Карлъ VIII родился въ 1470 г. Людовикъ XI умеръ въ 1483.

²Forsemagne, *Eclaircissements historiques sur quelques circonstances du voyage de Chfrles VIII en Italie*, etc. (Помѣщено въ *Memoires de l'Academie des Inscriptions*, XVII. 539).

³Roscoe, *Vie et Pontificat de Leon X*. I. 152.

⁴*Memoire d'un part.* 165. Подозрительный Людовикъ XI такъ строго держалъ свою жену, что она могла говорить только съ двумя-тремя довѣренными слугами, и не могла отлучаться изъ своего амбуазскаго замка, гдѣ Людовикъ XI, по выраженію одного анонимаго хроникера, посѣщалъ ее только pour le desir d'avoir des enfans. *Mem. d'un part.* 165.

⁵*Mem. d'un part.* 163-164. Roscoe, *Leon X*. I. 152.

образіе¹. При этой непривлекательной наружности, съ слабымъ умомъ, не обогащеннымъ ни знаніемъ, ни опытомъ, Карль VIII соединялъ нѣкоторое честолюбіе; но это было, по выраженію Роско, честолюбіе людей ограниченныхъ, которое, ослѣпленное блескомъ предпріятія, не хочетъ знать опасностей и не умѣетъ пользоваться результатами². Мелочной и сластолюбивый, Карль VIII постоянно находился подъ вліяніемъ женщинъ, страсть къ которымъ доходила у него до самага неблагоприятнаго разврата и рано разрушила его здоровье³. Единственными качествами Карла, выкупавшими отчасти эти недостатки, была необыкновенная доброта, о которой съ увлеченіемъ говорить Комминъ⁴, и какое то инстинктивное

¹Ibid. 164. Варооломей Коклесь, знаменитый астрологъ и физиономистъ XV вѣка, слѣдующимъ образомъ описываетъ наружность Карла VIII: "Il avoit la teste grosse et le nez excessivement aquilin et grand, les levres assez plates, le menton rond avec une petite fosse, les yeux grands et sortants au dehors, le cor trop cour et non assez roide la poitrine et le dos assez larges, les flanes assez plein, et lo ventre assez charnu, le siege de bonne largenre, mais les cuisses et les jambes fort gresles, quoique binh longues". Mem. d'un part. 163-164.

²Roscoe. I. 152.

³Mem. d'un part. 184 et 192. Женщины имѣли вліяніе на самыя рѣшительныя событія царствованія Карла VIII. По свидѣтельству Mem. d'un part. (р. 184) придворные старались склонить Карла къ неаполитанскому походу чрезъ вліяніе его метрессъ. Намѣреваясь во второй разъ завоевать Неаполь, и темъ поправить первую неудачу Карл VIII прибылъ въ Лионъ, гдѣ все было приготовлено къ походу, но отсюда неожиданно вернулся въ Туръ, чтобы повидаться съ одною жившею тамъ дѣвушкой; затемъ, походъ былъ отложенъ (ibid. 192). Сифилитическая язва, появившаяся в концѣ XV вѣка, избрала Карла VIII одною изъ первыхъ жертвъ своихъ (ibid. 185. Michelet. Renaissance, 236 et 492).

⁴„Le Roy ne fut jamais que petit homme de corps et peu entendu, mais etait si bon, qu'il ne fut jamais possible de voir meilleure creature". Commynes, apud Roscoe, I. 152.

благоговѣніе къ книгамъ, столь свойственное людямъ неученымъ и недалекимъ¹.

Съ такимъ королемъ на тронѣ Франція, обремененная богатою добычею, награбленною Людовикомъ XI, находилась въ опасномъ положеніи. Множество частныхъ и сословныхъ интересовъ, нарушенныхъ самовластіемъ Людовика XI, потребовало реставраціи. Принцы крови вельможи, корпораціи, всѣ въ одинъ голосъ требовали возвращенія ихъ имуществъ, конфискованныхъ въ предшествовавшее царствованіе; сосѣднія правительства также предъявляли свои требованія². Кажалось, Франція должна была разорвать себя на клочки, чтобъ удовлетворить всѣ эти притязанія, и отказаться отъ богатаго наслѣдія, завѣщаннаго Людовикомъ XI. Но два обстоятельства помогли Франціи выйдти изъ этого затруднительнаго положенія.

Во первыхъ, народъ стоялъ за политику Людовика XI, которая была тѣсно связана съ его интересами. Аристократическая, Феодальная реакція, обнаружившаяся тотчасъ по вступленіи Карла VIII на престоль, и пытавшаяся сдѣлать своимъ органомъ государственные чины, не встрѣтила никакого сочувствія въ народныхъ массахъ; напротивъ, враждебное аристократіи расположеніе непривилегированныхъ классовъ высказалось очень громко на государственномъ сеймѣ 1484 года. Несоразмѣрныя притязанія и угрозы аристократовъ разбились объ упругую стойкость парламента и городовъ. Все,

¹Карль VIII часто говорилъ: мечъ и копьѣ — оружіе наступательное; латы и щитъ—оружіе оборонительное; но книги—то и другое вмѣстѣ (Mem. d'un part. 194). Въ этомъ взглядѣ на науку нельзя не распознать чловѣка, посѣтившаго Италію во время ожесточенной полемики гуманистовъ. (Объ этой полемикѣ см. Voigt, die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus).

²Michelet, Renaissance, 179 sqq.

чего добилась аристократическая партія отъ государственныхъ чиновъ, состояло въ незначительной суммѣ денегъ, предложенной правительству, и въ согласіи парламента на казнь Оливье, брадобрѣя Людовика XI. Приобрѣтенія, сдѣланный королевскою властью на счетъ Феодализма въ предшествовавшее царствованіе, остались неприкосновенными¹.

Вторую поддержку нашла Франція въ томъ обстоятельствѣ, что во главѣ правленія, за малолѣтствомъ Карла VIII, стала умная и энергическая сестра его Анна Божё. Дочь Людовика XI, воспитанная въ его школѣ, одаренная холоднымъ, практическимъ, изворотливымъ умомъ, властолюбивая и рѣшительная, Анна Божё, подобно своей современницѣ, Изабеллѣ Кастильской, была создана для широкой политической дѣятельности и могла превосходно выполнить трудную роль, указанную ей обстоятельствами. Едва умеръ Людовикъ XI, она захватила въ свои руки регентство над малолѣтнимъ братомъ, отстранивъ отъ участія свою мать, искусно противопоставила неудовольствіе народныхъ массъ притя-

¹Ibid. Большинство историковъ смотритъ на государственные чины 1484 г. какъ на всеобщую, и преимущественно народную, реакцію противъ политики Людовика XI; но Мишле очень вѣрно, какъ намъ кажется, замѣчаетъ, что это была только реакція аристократическая, т. е. реакція сословія, интересы котораго наиболѣе пострадали въ предшествовавшее царствованіе; народъ же едва ли могъ желать возвращенія ко временамъ Карла VII, о которыхъ вздыхали Феодалы. Единственнымъ обстоятельствомъ, могшимъ возбудить неудовольствіе народа противъ политики Людовика XI, было возвышеніе налоговъ, явившееся вслѣдствіе расширенія государственныхъ потребностей; но это обстоятельство не могло быть значительнымъ если принять во вниманіе, что Людовикъ XI, усиливая налоги, усиливаль вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ ихъ взиманія, и возвышалъ матеріальное благосостояніе страны.

заняемъ аристократической партіи, и такъ ловко и рѣшительно дѣйствовала, что цѣлыя одиннадцать лѣтъ, до самаго похода Карла VIII въ Неаполь, безраздѣльно и неограниченно властвовала надъ молодымъ королемъ и завѣдывала дѣлами правленія. Государствомъ она управляла также легко, какъ своимъ мужемъ, безхарактернымъ герцогомъ Бурбономъ, раздѣлявшимъ съ нею номинально труды правленія. Съ необыкновеннымъ искусствомъ и изворотливостью предупредила она опасность, грозившую Франціи отъ такъ называемой „лиги общественнаго блага“, составившейся изъ вельможъ недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Лигеры призвали на помощь Ричарда III короля англійскаго; Анна Божё противопоставила ему Генриха Тюдора, который, ея помощью, овладѣлъ короной Англій. Но вскорѣ неблагогодарный Генрихъ VII, соединившись съ Максимилианомъ, сыномъ императора Фридриха III, вторгнулся во Францію. Максимилианъ, кромѣ завоеванія сѣверо-восточныхъ провинцій, имѣлъ въ виду присоединить къ своимъ владѣніямъ Бретань, посредствомъ брака съ Анною Бретанской. Но Анна Божё предупредила его и ввела три арміи въ провинцію, которой угрожало вторженіе, и устроила бракъ Анны Бретанской съ Карломъ VIII. Франція обогатилась новой провинціей, союзники отступили¹.

Свидѣтельства современниковъ очень бѣдны извѣстіями о первыхъ десяти годахъ царствованія Карла VIII². Молодой король не принималъ участія въ дѣлахъ правленія, а политика Анны Божё, повидимому, была

¹Met d'un part. 166 sqq. Michelet, Renaissance, 181 sqq.

²Всѣ бывшія въ нашемъ пользованіи лѣтописи о царствованіи Карла VIII начинаются приблизительно 1494 годомъ. Комминъ начинаетъ 1484 г., но вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ быстрый переходъ къ 1494 году; вообще, въ его мемуарахъ нѣтъ никакой связи между царствованіями Людовика XI и Карла VIII.

направлена исключительно къ сохраненію того порядка вещей, въ которомъ оставилъ Францію Людовикъ XI. Но съ 1494: года положеніе дѣль измѣняется. Въмѣсто дальнѣйшаго развитія новыхъ началъ, положенныхъ Людовикомъ XI въ основаніе внутренняго быта государства, Франція устремляется во внѣшнія предпріятія. Наступаетъ эпоха французско-итальянскихъ войнъ, которыя, будучи тѣсно связаны съ реформою Людовика XI, указываютъ начатому имъ движенію новую форму. Борьба монархическаго начала съ сословными и корпоративными стихіями, приведенная Людовикомъ XI къ исходу, благопріятному для центральной власти, прекращается. Побѣжденное въ этой борьбѣ феодальное начало перестаетъ быть значительнымъ факторомъ Французской исторіи; остатокъ неугомонныхъ феодальныхъ силъ пережившихъ критическую эпоху борьбы, находитъ исходъ въ итальянскихъ войнахъ. На поляхъ Форнуи, Равенны, Мариньяно королевская власть собираетъ обильную жатву съ феодализма. Цвѣтъ французскаго рыцарства падаетъ въ кровавыхъ битвахъ; храбрый, великодушный Баярдъ, послѣдній представитель средневѣковаго рыцарства, послѣдній „chevalier sans peur et sans reproche", истекаетъ кровью въ битвѣ при Романьяно. Короли, не тревожимые болѣе беспокойными средневѣковыми стихіями, направляютъ свою дѣятельность въ другую сторону. Очарованные пышнымъ цвѣтомъ итальянской культуры, ослѣпленные идеей свѣтскаго абсолютизма, такъ широко и разнообразно развившейся на разорванной въ клочки итальянской почвѣ, они стремятся перенести въ предѣлы своего государства, итальянскую цивилизацію времени возрожденія. То, что коварствомъ, угрозою, грубою силою пріобрѣлъ Людовикъ XI, они стремятся сохранить за собою силою нравственнаго вліянія. Ставъ во главѣ цивилизующаго движенія, они пріобрѣтаютъ новый авторитетъ въ глазахъ народа: они являются передъ нимъ среди пышной придворной обстановки, окруженные

всѣми тонкостями итальянскаго этикета. Легко понять, впрочемъ, что французскіе короли, устремляясь во внѣшнія предпріятія, не вполне сознавали ихъ важность и значеніе и не во всемъ объемѣ предъугадывали громадное разнообразіе ихъ результатовъ. Въ дѣйствительной жизни, причины и послѣдствія событій далеко не имѣють той преднамѣренной связи, какою соединяетъ ихъ историческій прагматизмъ. Внѣшняя политика Карла VIII, Людовика XII, и даже Франциска I, если исключить его войны за политическое равновѣсіе, была обусловлена рядомъ мелкихъ, частныхъ, разнородныхъ побужденій; но мы должны были указать на ея отдаленные результаты, чтобы вѣрнѣе оцѣнить историческое значеніе событій, разсмотрѣнію которыхъ посвященъ нашъ трудъ.

Ближайшею причиною французско-итальянскихъ войнъ была честолюбивая мысль, запавшая въ голову Карла VIII. Со времени завоеванія Неаполитанскаго королевства Карломъ Анжуйскимъ, братомъ Людовика Святаго, французскіе короли не переставали заявлять на него свои притязанія. Іоанна II, послѣдняя королева Неаполитанская изъ дома Карла I (Анжуйскаго), умерла бездѣтною, завѣщавъ престоль герцогу Анжуйскому Рене; но вельможи Неаполитанскіе отказались присягнуть ему и призвали Альфонса V Арагонскаго, владѣвшаго уже Сициліей. Рене, побѣжденный въ борьбѣ съ Альфонсомъ, но не отказавшійся отъ своихъ притязаній, завѣщаль королевство Неаполитанское своему племяннику, Карлу Анжуйскому, который въ свою очередь, умирая бездѣтнымъ, передалъ его Людовику XI. Занятый внутренними дѣлами и не любившій рисковать ради отдаленныхъ и сомнительныхъ предпріятіи, Людовикъ XI не спѣшилъ воспользоваться своими правами въ Италіи; такимъ образомъ, по смерти его, Карлъ VIII оказался прямымъ наследникомъ притязаній на Неаполитанское королевство, и едва достигнувъ совершеннолѣтія, решился искать

завоеваній за Альпами. На первыхъ порахъ, честолюбивый планъ его былъ встрѣченъ сильнымъ сопротивленіемъ со стороны однихъ, и восторженнымъ увлеченіемъ со стороны другихъ. Французскій дворъ представлялъ тогда двѣ партіи, постоянно враждовавшія между собою. Одна изъ нихъ, имѣвшая во главѣ Анну Божё, и состоявшая изъ старыхъ сподвижниковъ Людовика XI, воспитанныхъ въ его школахъ, заботилась исключительно о сохраненіи порядка вещей, созданнаго предидущимъ царствованіемъ, и враждебно относилась къ честолюбивымъ замысламъ Карла. Вторую партію составляли молодые любимцы Карла VIII, щеголеватые миньоны съ распущенными нравами, о которыхъ иронически говоритъ одинъ современникъ:

Pour assaillir un feminin donjon

Trop plus propres que dix aultres milliers¹.

Эти люди должны были сочувствовать отдаленному предпріятію, которое представляло имъ возмож-

¹Mem. d'un part. 169. Странно, что ни одинъ историкъ не обратилъ вниманія на существованіе двухъ партій при дворѣ Карла VIII, между тѣмъ какъ на него ясно указываютъ Гвиччардини, Комминъ и Mem. d'un part. Оттого многія обстоятельства царствованія Карла VIII остаются у нихъ необъясненными; Мишле, напр. не можетъ понять, почему Комминъ и др. лѣтописцы такъ рѣзко отзываються о Брисонне и Вексѣ, тогда какъ ихъ дѣйствія обнаруживаютъ замѣтныя дарованія. По нашему мнѣнію, это объясняется очень просто: Комминъ принадлежалъ къ старой придворной партіи, а Брисонне и Вексѣ были любимцами Карла VIII и сторонниками неаполитанскаго похода. Впрочемъ, Комминъ самъ себѣ противорѣчитъ, говоря въ одномъ мѣстѣ, (р. 431) что Брисонне былъ чловѣкъ очень свѣдущій въ финансахъ, homme riche et bien entendu en finance, а черезъ нѣсколько страницъ (р. 439) отзываясь о немъ и о Вексѣ, какъ о людяхъ ни къ чему неспособныхъ: deux hommes de petit estat, et qui de nulle chose n'avoient eu experience.

ность окончательно овладѣть довѣріемъ короля и достигнуть почестей и славы; по свидѣтельству Гвиччардини¹, одни изъ нихъ, кромѣ того, были подкуплены Людовикомъ Сфорцой, другіе надѣялись получить помѣстья въ завоеванномъ королевствѣ. Руководимые этими побужденіями, миньйоны Карла употребляли всѣ усилія, чтобъ поддержать въ молодомъ королѣ его честолюбивые замыслы. Людовикъ Орлеанскій (будущій Людовикъ XII), стоявшій во главѣ придворной молодежи, старался пробудить въ Карлѣ страсть къ военнымъ упражненіямъ, и съ этою цѣлью устроилъ пышные турниры въ Ліонѣ, гдѣ жилъ король. Рыцари, переодѣтые Греками, Римлянами, Маврами, Турками, украшенные гордыми девизами, выходили ежедневно на арену, окруженную блестящею публикою². Вдохновеніе поэтовъ, симпатіи дамъ были направлены въ одну сторону, къ завоеванію Неаполя. То прибѣгая къ вліянію метресъ молодого короля, то дѣйствуя на его воображеніе чудесными разказами о почестяхъ и славѣ, ожидавшихъ его въ этомъ предпріятіи³, фавориты Карла воспламеняли его честолюбіе и увлекали его къ необдуманному походу. Скоро воображеніе молодого короля разгорѣлось въ такой степени, что завоеваніе Неаполя не удовлетворяло уже его честолюбивыхъ стремленій: онъ предпринялъ намѣреніе изгнать Турокъ изъ Европы, овладѣть восточной имперіей, освободить св. землю изъ рукъ невѣрных⁴; въ этомъ обширномъ планѣ, завоеваніе Неаполя являлось только незначительнымъ эпизодомъ. Идея крестоваго похода еще разъ возродилась въ воображеніи французскаго народа; но это была только минутная реакція противъ новаго порядка вещей, созданнаго ходомъ событій. Карлъ VIII, руководимый Брисонне и Вескомъ,

¹Guicciardini, Histoire des guerres d'Italie, 1. 29.

²Mom. d'un part, 164.

³Ibid. 184. Guicciardini I. 22.

⁴Foncemagne, 512 sqq. Guicciardini I. 22

поспѣшили однако же обратить въ свою пользу это неожиданное обстоятельство: прикрываясь религіознымъ характеромъ предпріятія, онъ могъ успѣшнѣе помогать-ся субсидій отъ духовенства¹, волновать массы, возбуждать въ нихъ сочувствіе къ святому дѣлу. Ничто не было имъ упущено изъ виду, чтобъ склонить на свою сторону народныя симпатіи; заказаны были процессіи и публичныя моленія да, успехъ, предпріятія; поручено было опытнымъ людямъ распускать подъ рукою слухи о томъ, что древнее пророчество предопредѣлило Карлу короны іерусалимскую и константинопольскую². Появились въ печати памфлеты, заключавшіе въ себѣ прѣдсказанія о несомнѣнныхъ успѣхахъ короля въ его святомъ предпріятіи. Въ одномъ изъ нихъ, Андрей де-Винь рассказываетъ пророческій сонъ, въ которомъ, между прочимъ, христіанство взываетъ къ Карлу: „не ты ли тотъ великодушный мститель, котораго обѣщала мнѣ Сивилла, сказавъ, пятьсотъ лѣтъ назадъ, что меня вознесетъ на высочайшую ступень славы молодой король, по имени Карль, вѣнчанный на тринадцатомъ году своей жизни?“³. Новое немаловажное обстоятельство явилось содѣйствовать рѣшимости Карла: къ нему прибыли послы

¹Foncemagne, 549.

²Ibid. 542.

³Ibid. 543—544. Фонсманъ говоритъ, что онъ видѣлъ въ рукописи еще два памфлета, изъ которыхъ одинъ, принадлежащій Гилльйому изъ Бордо, и появивійся въ 1494 году, заключалъ въ себѣ слѣдующее пророчество о Карлѣ VIII:

Il fera de si grant batailles,
Qu'il subjuguera les Ytaillies (Naples),
Ce fait, d'llec (d'ici) il s'en ira,
Et passera dela (au-dela) mer...
Entrera puis dedans la Grece,
Ou, par sa vaillant proesse (prouesse)
Sera nomme le Roy des Grecs...
En Jerusalem entrera
Et mont Olivet montera... (p. 545).

Людовика Сфорцы, правившаго Миланомъ за малолѣтствомъ герцога Джіованни Галеаццо, и который, тревожимый властолюбивыми замыслами, не встрѣчавшими поддержки въ Италіи, решился прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ. Въ длинной и напыщенной рѣчи, которую, можетъ быть въ изукрашенномъ видѣ, передаетъ на четырехъ страницахъ in 4 Гвиччардини¹, послы Людовика Сфорцы старались убѣдить Карла VIII въ чрезвычайной легкости, съ какою соединено было завоеваніе Неаполя, и воспламенить его воображеніе блистательными тріумфами, ожидавшими его въ этомъ предпріятіи². Противъ совокупной силы подобныхъ побужденій ничего не могли сдѣлать благоразумныя увѣщанія Анны Божё и старой придворной партіи. Умная дочь Людовика XI понимала, что итальянскій походъ, объщая, даже въ случаѣ удачи, только отдаленныя и сомнительныя выгоды для Франціи, въ то же время грозилъ существенною опасностью ея собственному положенію въ государствѣ. Легко было предвидѣть, что молодые любимцы Карла VIII, овладѣвъ особою короля, постараются упрочить при немъ свое вліяніе ко вреду противной партіи; что Карль VIII, изъ благодарности къ миньйонамъ, поддерживавшимъ его воинственное рѣшеніе и раздѣлявшими съ нимъ труды и опасности предиріятія, по возвращеніи изъ похода не откажетъ имъ въ своемъ довѣрїи; а въ такомъ случаѣ, участь Анны Божё и ея партіи не представляла ничего утѣшительнаго. Движимая подобными соображеніями, дальновидная правительница употребляла всѣ усилія, чтобъ отклонить Карла VIII отъ его легкомысленнаго предпріятія³. Нѣкто-

¹Commins, 431. Guicciardini I. 23-27.

²Комминъ прибавляетъ, что послы Людовика Сфорцы старались при этомъ дѣйствовать также на любимцувъ Карла VIII, генерала Брисонне и Стефанфа Веска (р. 431).

³Commines, 439. Guicciardini I. 27 sqq. Michelet, Renaissance, 184.

рое время, дѣйствительно, молодой король находился въ нерѣшимости: походъ то откладывали, то снова принимались за приготовленія¹; но наконецъ вліяніе любимцевъ одержало верхъ надъ благоразумными предостереженіями Анны Божё, и Карль VIII началъ дѣятельно готовиться къ походу. Съ Людовикомъ Сфорцой заключенъ былъ договоръ, по которому послѣдній обязывался дать Карлу свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія, снарядить для него на свой счетъ отрядъ изъ 500 человекъ, дозволить ему вооружить въ генуэзской гавани нужное число кораблей, и снабдить его, до выступленія изъ Франціи, 200,000 дукатовъ. Карль VIII, съ своей стороны, обязывался защищать оружіемъ герцогство миланское и поддерживать въ немъ правительство Людовика Сфорцы. Независимо отъ того, Карль VIII обязывался особымъ актомъ уступить Людовику, тотчасъ по завоеваніе Неаполя, княжество Тарентское². Чтобъ добыть необходимыя денежныя средства, Карль VIII занялъ въ генуэзскомъ; банкѣ 100 т. дукатовъ, на весьма тягостныхъ условіяхъ³. Затѣмъ изданъ былъ манифестъ, которымъ Карль VIII объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что предпринимая завоеваніе Неаполя, онъ не намѣренъ оскорблять свободу и независимость Италіи, а стремится только освободить Неаполь отъ ига узурпатора. При этомъ присовокуплялось, что немедленно по завершеніе итальянскаго похода, Карль VIII отправится на отыщеніе св. земли, оскверненной присутствіемъ невѣр-

¹Commines, 440. Guicciardini, I. 30.

²Guiccardini 1. 30. Гвиччардини прибавляетъ, что въ этомъ договорѣ со стороны Франціи принимали участіе только Брисонне и Вескъ. Нѣкоторое время его отъ всѣхъ таили.

³Карль VIII обязывался вносить въ генуэзскій банкъ 14 т. дукатовъ каждыя четыре мѣсяца, что составляло въ годъ 42 %. Commines, 440.

ныхъ¹. Окончивъ всѣ эти приготовленія, Карль VIII принялъ личное начальство надъ войсками и выступилъ изъ предѣловъ Франціи.

“Италія была счастлива и безмятежна, пока война не нарушила ея покоя. Въ продолженіи тысячи лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ римская имперія, ослабленная порчею нравовъ, начала ниспадать съ той высоты, на какую вознесли ее ея счастье и ея геройскія добродѣтели, никогда Италія не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ 1490 году. Глубокій миръ царствовалъ во всѣхъ областяхъ ея; горы и долины были одинаково плодородны; богатая, хорошо населенная, и не признававшая никакого чужеземнаго владычества, она блистала щедрымъ великолѣпіемъ своихъ государей, красотою и многочисленностью, своихъ знаменитыхъ городовъ, величіемъ Рима, столицы вѣры. Науки и искусства процвѣтали въ нѣдрахъ ея; у нея были тогда и великіе государственные люди, и искусные полководцы. Счастливая внутри, она пользовалась извнѣ уваженіемъ и удивленіемъ иностранцевъ”².

Такъ начинается Гвиччардини свое скорбное повѣствованіе объ “Итальянскихъ войнахъ”. Оскорбленное чувство патріота, ѣдкая, полная раздраженного скептицизма насмѣшка надъ настоящимъ, и грустное сожалѣніе о прошломъ, характеризующія этого историка и проникающія въ каждую страницу его лѣтописи, формулируются въ этой скорбной фразѣ, которою онъ начинается разсказъ о бѣдствіяхъ своей родины: “Италія была счастлива и безмятежна, пока война не нарушила ея покоя”.

Въ чемъ же заключались это счастье, эта безмя-

¹Foncemagne, 547.

²Guicciardini I. 2.

тежность Италіи, объ утратѣ которыхъ сожалѣть ея лѣтописецъ? Былъ ли это мертвый, стоячій покой, результатъ истощенія всѣхъ элементовъ борьбы и развитія, или мирное, спокойное процвѣтаніе, вызванное напряженіемъ жизненныхъ силъ? Въ чемъ заключается смыслъ той эпохи, въ которую Италія, прозябавшая въ теченіе тысячелѣтія, шумно и радостно выступаетъ на поприще исторической дѣятельности, чтобы, пройдя во главѣ челоуѣчества пространство двухъ вѣковъ, снова на нѣсколько столѣтій погрузиться въ тяжелую дремоту? Въ чемъ, однимъ словомъ, заключается внутреннее содержаніе эпохи, которую исторія назвала великимъ именемъ возрожденія?

Мы знаемъ еще другую эпоху, более близкую къ нашему времени, более понятную нашему уму, и сохраняющую поразительное сходство съ той, о которой предстоитъ намъ рѣчь: это вѣкъ Людовика XV. Какъ ни далеко удалены эти эпохи едва отъ другой, но чрезъ пространство раздѣляющаго ихъ времени не трудно различить родственныя черты, подводящія ихъ подъ одинъ и тотъ же историческій типъ. Вѣкъ возрожденія умственное, художественное и политическое движеніе, которое въ концѣ XIV столѣтія, охватило средневѣковую Европу и призвало ее къ новой жизни, играетъ точно такую же роль относительно реформаціи, какую философское движеніе XVIII вѣка играетъ относительно революціи. И тамъ и здѣсь, мы наблюдаемъ аналогическое явленіе: революцію мысли противъ авторитета. Когда религіозные идеалы, повелѣвавшіе жизнью средневѣковаго общества, оказались несостоятельными для того, чтобы продолжать регулировать всѣ отправленія политической и умственной дѣятельности, тогда Макиавелли указалъ другой идеаль — идеаль, правда, не новый, находившійся уже въ государственной практикѣ, но не закрѣпленный еще наукою, не формулированный въ теоріи. Онъ далъ новый авторитетъ обществу — авторитетъ политическій, государственный, національный, и

поставилъ его въ резкую оппозицію авторитету духовному. Но Макиавелли былъ дурно понять новою Европою: изъ его ученія сделали теорію, абсолютную въ пространствѣ и времени, тогда какъ онъ предлагалъ только принципы для своей эпохи, для своего народа. Торжество макиавеллизма, понятаго въ такомъ извращенномъ смыслѣ, скоро обнаружило его узкую односторонность, и потребность реакціи вызвала умственный и политическій переворотъ XVIII вѣка, который, такимъ образомъ, является какъ бы заключительнымъ звѣномъ цѣлаго ряда событій, обнимающаго четыре столѣтія исторической жизни Европы.

Аналогія между этими двумя эпохами простирается еще далѣе. Мы безъ труда можемъ различить еще одну общую, характеристическую черту, которая роднитъ эти два вѣка, такъ далеко отстоящіе одинъ отъ другаго. Черта эта заключается въ томъ, что въ XV и въ XVIII столѣтіи, движеніе вѣка попало въ руки дѣятелей частныхъ, а не официальныхъ, въ руки общества, а не правительства. Обновленіе началось снизу, а не сверху; вождями движенія явились литераторы и ученые, а не власть, противъ которой ополчился духъ времени. Авторитеты, съ которыми боролись реформаторы XV и XVIII вѣка, сохраняютъ во все продолженіе борьбы апатическое бездѣйствіе, или довольствуются крайне слабымъ, пассивнымъ сопротивленіемъ. Они не обнаруживаютъ никакого напряженія, никакой энергіи; имъ какъ будто нѣтъ дѣла до новыхъ идей, новыхъ требованій, проникающихъ во всѣ слои общества. Они не предпринимаютъ никакихъ своевременныхъ мѣръ противъ враждебнаго имъ движенія; напротивъ, они готовы ему покровительствовать, и иногда даже сами поддаются силѣ общаго теченія. Они находятся въ томъ періодѣ исторической перезрѣлости, когда могущественныя прежде учрежденія, прійдя въ ветхость, теряютъ всякій нравственный авторитетъ и ни въ чемъ болѣе не находятъ поддержки для своего существованія, кромѣ злоупотреб-

ленія властью, готовою ускользнуть изъ ихъ рукъ. Сикстъ IV, Иннокентій VIII, Александръ VI, стоятъ точно въ такомъ же отношеніи къ эпохѣ возрожденія, въ какомъ регентъ Филиппъ и Людовикъ XV стоятъ къ умственно-политическому перевороту VIII вѣка: и тамъ и здѣсь, мы встрѣчаемъ нравственное убожество характеровъ, отсутствіе принциповъ, вялость воли убѣжденія, слабость, апатію, порочность. Въ послѣднемъ отношеніи, сравниваемыя нами эпохи представляютъ нашему наблюденію еще одно аналогическое явленіе, въ равной степени любопытное и для историка и для психолога. Подъ этимъ явленіемъ мы разумѣемъ то изумительное паденіе нравственности, тотъ циническій развратъ, которые характеризуютъ названныя эпохи и идутъ рука объ руку съ побѣдоноснымъ движеніемъ разума. Въ эпоху возрожденія, въ вѣкъ Людовика XV, рядомъ съ самыми смѣлыми порывами мысли, съ самыми возвышенными стремленіями духа, мы встрѣчаемъ такія грубыя проявленія чувственной природы челоуѣка, примѣръ которыхъ можно встретить только въ лѣтописяхъ императорскаго Рима. Вѣкъ Петрарки и Макиавелли, вѣкъ Вольтера, Руссо, Монтескье, извѣстны въ исторіи какъ эпохи, наименѣе уважавшія добродѣтель и нравственность. Такія личности, какъ Александръ VI, Цезарь Борджія, Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV невольно представляются нашему воображенію, какъ скоро заходитъ рѣчь о XV или XVIII столѣтіи. И этотъ публичный, оффиціальныи развратъ, это циническое презрѣніе къ принципамъ нравственности, охватываютъ не одну старую, отживающую половину общества: язва проникаетъ въ крѣпкіе, здоровые организмы, поражаетъ силы, полныя энергіи и напряженія. Итальянскіе гуманисты временъ возрожденія и передовые дѣятели XVIII вѣка сами были заражены тою нравственною порчю, которая, на ихъ глазахъ, быстро развѣдала организмъ стараго общества. Недозрѣлыми плодами цивилизаціи одинаково пользовались и люди новаго и люди стараго порядка.

Опасаясь уклониться слишкомъ далеко въ сторону, мы не станемъ продолжать нашей параллели. Указавъ на главнѣйшія аналогическія явленія, замѣчаемыя въ характерѣ и направленіи двухъ эпохъ, связанныхъ однородностью типа, мы тѣмъ хотѣли только яснѣе изобразить историческое значеніе той изъ нихъ, къ которой относится предметъ настоящаго труда. Мы хотѣли показать, что эпоха возрожденія, рассматриваемая въ связи съ предшествовавшимъ ей періодомъ и съ событіями, непосредственно за нею слѣдовавшими, носитъ въ себѣ, въ одно и то же время, и осужденіе стараго, и программу новаго порядка; что она можетъ быть рассматриваема и какъ протестъ противъ тѣхъ началъ, которыми жило средневѣковое человѣчество, и какъ процессъ медленной приготовительной работы, въ которомъ нарождались и зрѣли идеи, разрѣшившія реформаціей. Теперь намъ слѣдуетъ обозрѣть главнѣйшія явленія переходнаго времени и тѣмъ уяснить, на сколько это будетъ возможно, духъ и характеръ этой блестящей, дышащей полнотою жизни и содержанія, эпохи.

Древній міръ, съ его широко-развитой цивилизаціей, съ его художественной религіей, съ его безсмертными памятниками науки и искусства, палъ подъ ударами варваровъ; но, умирая, онъ завѣщаль имъ богатое наслѣдіе. Оно заключалось въ неоцѣненныхъ сокровищахъ его духа, выработавшаго свое самостоятельное воззрѣніе на жизнь, на природу и на человѣка. Художественная миѳологія Олимпа, будучи лучшимъ произведеніемъ народнаго генія, въ свою очередь воспитала въ древнихъ Грекахъ тотъ тонкій, артистическій сенсуализмъ, умѣвшій примириться съ философіей и этикой, который служилъ характеристическимъ отличіемъ эллинской цивилизаціи. Онъ обнаружился, съ разныхъ сторонъ, и въ религіи, и въ искусствѣ древнихъ Грековъ. Въ представленіи Грека, пластическая красота формы сливалась неразрывно съ невидимой и неосязаемой красотой духа, оживотворяющаго эту форму. Древній Грекъ

не могъ совмѣстить въ своемъ умѣ независимаго представленія духа и плоти; то и другое существовало для него только въ одномъ цѣльномъ гармоническомъ сочетаніи. Эта отличительная черта эллинскаго искусства отразилась и въ религіозныхъ представленіяхъ Грековъ: они не выработали и не могли выработать никакой правильной дуалистической системы. При всей сложности ихъ религіознаго міросозерцанія, при всемъ обилии мифологическихъ образовъ, они умѣли сохранить въ своихъ вѣрованіяхъ характеръ художественной цѣльности и единства. Дуализмъ, любимѣйшая форма восточныхъ религій, остался чуждымъ эллинизму, потому что Грекъ не понималъ отдѣльнаго и независимаго существованія добра и зла ни въ человѣкѣ, ни въ природѣ. Въ эту богатую сокровищницу эллинизма, Римляне внесли мало новыхъ вкладовъ. При всемъ богатствѣ своихъ добрыхъ національныхъ качествъ, они были не способны къ широкому художественному развитію. Ихъ умъ, всегда счастливый въ области практической дѣятельности, былъ лишень самобытной творческой силы въ сферѣ искусства или отвлеченнаго мышленія. Поставленные лицомъ къ лицу съ греческой цивилизаціей, они приняли отъ нея только то, что обязано было своимъ происхожденіемъ жизненнымъ условіямъ, общимъ для Греціи и Рима: они приняли ея форму, ея сенсуализмъ, ея эпикурейскіе культы, однимъ словомъ ея грубую, чувственную сторону. Это обстоятельство не отнимаетъ, впрочемъ, у Римлянъ ихъ громадной заслуги передъ человѣчествомъ. Они выполнили далеко не маловажную долю своей исторической задачи, сохранивъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій духовное богатство Греціи и завѣщавъ новымъ народамъ то реальное, художественное возрѣніе на вселеную, тотъ роскошный, полный жизни и свѣжести, культъ природы, которые составляютъ отличительное достояніе древности. Передача этой не суждено было совершиться непосредственно: между паденіемъ древняго міра и возрожденіемъ его духовнаго

ідеала въ XV вѣкѣ, європейскіє народы пережили тысячелѣтній промѣжточный періодъ, въ продолженіе котораго другіє ідеалы, другія стремленія управляли ими. Средніє вѣка, съ высоты своихъ готическихъ башень, сурово и непривѣтливо смотрѣли на міръ: они уносились въ небеса, они презирали землю. Католическій риторизмъ гнушался земными благами; онъ проповѣдывалъ отреченіе плоти, постъ, молитву и страданіе. Земная жизнь, учили отцы церкви, ниспослана намъ въ наказаніе; тѣлесная оболочка — темница. Не веселиться и наслаждаться дарами Божьими пришли мы въ міръ, а для того, чтобъ самоотреченіемъ, страданіемъ и подвигами благочестія заслужить награду въ другой, загробной, таинственной жизни, которую хрістіанство опредѣляло только отрицательно, отсутствіемъ всего земнаго. То былъ таинственный міръ духовъ, незримыхъ, безплотныхъ, идеальное бытіе которыхъ непостижимо для смертнаго. Это отрѣшенное отъ плоти, враждебное всему земному, міросозерцаніе стояло въ рѣзкой противоположности съ преданіями классическаго міра. Древность обожала красоту формы и гармонически сочетала съ ней красоту генія, она вся облекалась въ пластику, въ веселую, радужную оболочку; хрістіанство не признавало тѣлесной красоты оно цѣнило только возвышенную красоту добродѣтели. Древность боготворила природу, хотѣла жить, наслаждаться жизнью; хрістіанство отрывало челоуѣка отъ земли и уносило его на небо.

Таковы были противоположныя, враждебныя стихіи, столкнувшіяся лицомъ къ лицу въ эпоху возрожденія. Кто останется побѣдителемъ въ борьбѣ, возникшей между ними? или возможно для нихъ примиреніе? вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, разсмотримъ главныя стороны гуманистическаго движенія въ религіозномъ, политическомъ, умственномъ и художественномъ отношеніи.

I. Въ религіозной сферѣ, переходъ отъ старыхъ

отношеній къ новымъ обнаружился двумя путями: во первыхъ, поколебался католическій догматъ и связанная съ нимъ система опеки надъ человѣческимъ разумомъ; и во вторыхъ, почти окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о политическомъ значеніи папства. Здѣсь мы рассмотримъ первую часть религіознаго переворота — реформу католическаго догмата, или, лучше сказать, тѣ явленія въ литературной жизни Европы, которыя приготовили эту реформу; вопроса же о политической роли папства мы коснемся позднѣе, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ гуманистовъ къ государству и свѣтской власти. Оговоримся при этомъ, что въ нашихъ очеркахъ мы не будемъ ограничиваться тѣсными предѣлами 1494 года: мы постараемся представить общую картину Италіи XV вѣка, изобразить общій характеръ тогдашняго умственно-художественнаго и политическаго движенія. Первые дѣятели возрожденія — Данте, Петрарка, Боккаччіо, не обнаружили въ своихъ воззрѣніяхъ ничего, враждебнаго средневѣковому православію. Сознавая злоупотребленія римской куріи, порицая личный характеръ папъ или высшихъ чиновъ духовной іерархіи, они не заявляли никакихъ притязаній на религіозную реформу. Истины откровенной религіи были для нихъ дороже и неприкосновеннее афоризмовъ древнихъ мыслителей. Съ этой стороны, они не только являются чуждыми всякаго поступанія впередъ, но даже съ замѣчательнымъ упорствомъ отстаиваютъ преданія средневѣковой эпохи. Петрарка съ негодованіемъ говоритъ объ аверроистахъ, скептически относившихся къ христіанству. Когда одинъ изъ послѣдователей этой школы явился къ Петраркѣ и въ разговорѣ съ нимъ признался, что не вѣритъ библіи, раздраженный поэтъ схватилъ его за полу платья и вытолкалъ за дверь¹. Восторженный поклонникъ Цицерона и Платона, весь погруженный въ классическія студіи, поэтъ любви и другъ Коло ди Ренцо, Петрарка

¹Voigt, Wiederbelebung des classischen Alterthums, 65.

не поддався обаянію античнаго матеріалізма; суровая преданность христіанству осилила въ немъ благоговѣніе къ мыслителямъ Греціи и Рима. Самый послѣдній изъ вѣрующихъ, говорилъ онъ, несравненно выше Платона, Аристотеля и Цицерона, со всею ихъ мудростью; Цицеронъ, по его убѣжденію, непременно сдѣлался бы христіаниномъ, еслибъ жилъ послѣ новой эры¹. Въ 1327 году, когда крестовые походы готовы уже были отойти въ область далекаго прошедшаго, и вся Европа оставалась равнодушною къ великой средневѣковой идеѣ, Петрарка въ пламенныхъ канцонахъ призывалъ христіанскій міръ къ борьбѣ съ невѣрными². Боккаччіо горько сожалѣлъ о своихъ юношескихъ произведеніяхъ, оскорбительныхъ для строгой христіанской морали, и уничтожилъ бы ихъ непременно, еслибъ они не были уже распространены по всей Италиі³. Траверсари былъ ревностный папистъ; онъ не могъ примириться съ идеей вселенскаго собора, какъ независимаго церковнаго органа, и называлъ Базель не иначе, какъ новымъ Вавилономъ⁴. То же, еще въ большей степени, можно сказать объ Антонинѣ, архіепископѣ флорентинскомъ⁵. Самъ Петрарка не рѣшался осудить въ чемъ нибудь папу, и во всѣхъ злоупотребленіяхъ римской куріи обвинялъ кардиналовъ⁶. Изъ этихъ отрывочныхъ фактовъ не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, чтобы враждебное средневѣковому католицизму направленіе слишкомъ медленно проникало въ жизнь и литературу западнаго общества. Самое то обстоятельство, что не только приверженцы преданія, но и передовые дѣятели возрожденія находили нужнымъ противодействовать новымъ идеямъ, вызван-

¹Ibid, 57.

²Michaud, Histoire des croisades, III. 553, 359.

³Voigt, 105.

⁴Ibid. 165.

⁵Объ Антонинѣ см. Voigt, 194.

⁶Voigt, 63.

нымъ знакомствомъ съ классическою древностью, обнаруживаетъ уже, какая серьезная опасность грозила съ этой стороны. "Я чувствую, какъ Юліанъ возстаетъ изъ преисподней"¹ пророчески восклицалъ Петрарка, предвидя возобновленіе грозной борьбы, которую умирающее язычество вело съ христіанствомъ въ IV вѣкѣ. Борьба началась, какъ скоро гуманисты составили себѣ прочное положеніе при дворахъ итальянскихъ государей и съ большей энергіей принялись за изученіе памятниковъ классической древности.

Лоренцо Валла, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ дѣятелей временъ возрожденія, найдя пріютъ и покровительство при дворѣ Альфонса неаполитанскаго, который въ глубокой старости проникнулся любовью къ гуманистическимъ студіямъ², незамедлилъ завязать ожесточенную полемику съ духовенствомъ. Въ его твореніяхъ впервые во всей силѣ развивается античный сенсуализмъ, противопологаемый имъ христіанскому ригоризму. Онъ принимаетъ за исходную точку философіи возвращеніе къ естественному, природному быту, освобожденному отъ всякихъ религіозныхъ стѣсненій. Онъ стремится воскресить античный культъ природы, съ которымъ было связано свободное отношеніе половъ. Онъ возстаетъ противъ обѣтовъ цѣломудрія, называя ихъ неисполнимыми и противными природѣ. "Если мы родились, говорить Валла, по закону природы, то тотъ же законъ повелѣваетъ и намъ самимъ быть производительными." Исходя

¹Laurent, la Reforme, 386, note.

²Фойгтъ приводитъ характеристическій анекдотъ о гомѣ слѣпомъ благоговѣннѣ, какое питалъ Альфонсъ I къ самымъ посредственнымъ изъ гуманистовъ. Однажды, когда Манетти, бездарный и напыщенный ригоръ, читалъ передъ Альфонсомъ одну изъ своихъ рѣчей, муха съла на носъ престарѣлаго короля — и какъ она ни безпокоила его, онъ рѣшился согнать ее не прежде, какъ по окончаніи чтенія.

отъ этого воззрѣнія, онъ стремится облагородить чувственность, какъ установленіе натуры, и почти возводитъ ее въ высшій принципъ челоѳческой нравственности¹. Съ этой стороны, онъ является самымъ опаснымъ противникомъ христіанства и христіанской морали. Дѣйствуя не во имя лишь свободы разума, но также въ интересѣ чувственной, легко воспламеняющейся природы челоѳка, онъ призываетъ на помощь не мудрецовъ Греціи и Рима, а самый духъ, самый смыслъ древности, или, лучше сказать, то, въ чемъ наиболѣе обаятельною, наиболѣе соблазнительною для самаго грубаго организма являлась древность. Съ притязаніями нѣмецкихъ реформаторовъ, требовавшихъ только признаніи разума въ религіозной сферѣ, христіанство могло примириться путемъ уступокъ; съ сенсуализмомъ же древности у него не могло быть примиренія: христіанство должно было или искоренить его, или самоуничтожиться.

Молодой эпикуреецъ Антоніо Беккаделли, по мѣсту рожденія иначе называемый Панормитою, пошелъ по слѣдамъ Валлы. Ученіе, дидактически или полемически высказанное Валлою, онъ вооружилъ обаятельною прелестью поэзіи. Его „Гермафродитъ“ — маленькая книжечка, оказавшаяся однакоже вліятельнѣе громаднхъ фоліантовъ другихъ гуманистовъ — съ невѣроятною быстрою распространился по Италіи, и скоро проникъ всюду, гдѣ только понимали по латыни. Эта книжечка заключала въ себѣ чудовищныя вещи. Здѣсь чарующимъ языкомъ поэзіи воспѣвались самыя грубые и грязныя пороки. Абсолютная эманципація плоти, отрицаніе не только брака, но даже конкубината, противоестественная чувственность, педерастія, все это было воспѣто и прославлено молодымъ поэтомъ въ его маленькой книжечкѣ. Это былъ самый дерзкій и рѣшительный вызовъ христіанской морали. Христіанство

¹Voigt, 223—227.

давно уже отпраздновало свою побѣду надъ педерастіей, этою язвою древняго міра, и вотъ Беккаделли снова вызываль ее къ жизни. Почва, на которую пало ученіе молодого эпикурейца, была такъ хорошо приготовлена, что Беккаделли возбудилъ своимъ твореніемъ всеобщій энтузіазмъ. Шести-десяти-трехлѣтній Гварино, отецъ дюжины дѣтей, наслаждался дивной гармоніей „Гермафродита“. Суровый Поджіо увлекся примѣромъ счастливаго сибарита, и на семидесятомъ году жизни написалъ свои „Фацетіи“, мало чѣмъ уступавшія Гермафродиту. Епископъ Миланскій просилъ Беккаделли прислать ему свою славную книжечку. Король Сигизмундъ, бывъ въ 1433 году въ Сіенѣ, увѣнчалъ шаловливаго поэта лавровымъ вѣнкомъ. Кардиналъ Цезарини поймалъ разъ своего секретаря, какъ тотъ читалъ подъ столомъ запретнаго “Гермафритита” — и все это вопреки духовной цензурѣ, предавшей проклятію всякаго, кто читалъ эту чудовищную книгу¹.

Къ такимъ печальнымъ результатамъ вело слѣпое благоговѣніе передъ древностью, овладѣвшее умами Итальянцевъ XV вѣка. Легкость нравовъ, ведшая за собою паденіе семейнаго начала и всей внутренней стороны христіанства, проникла во всѣ классы общества. Гуманисты подали первый примѣръ. Со временъ императорскаго Рима, нигдѣ не встрѣчаемъ мы такой печальной картины разврата, какъ въ исторіи передовыхъ дѣятелей возрожденія. Развратъ ихъ былъ тѣмъ безобразнѣе, что онъ имѣлъ источникъ не въ греческомъ, а въ римскомъ сенсуализмѣ: это было не художественное, артистическое сладострастіе эллинизма, а грубая чувственность Мессалины. Заразительная язва съ быстротою эпидеміи сообщилась отъ гуманистовъ ихъ покровителямъ — государямъ и владѣтельнымъ князьямъ Италіи, и ихъ противникамъ — духовенству. Развратъ дома Эс-

¹Ibid. 227–230.

те, среди котораго разыгралась чудовищная драма Паризины, превосходить описаніе. Среди духовенства, вездѣ, и особенно въ Италіи, позорившаго себя разгуломъ грубыхъ страстей, новое ученіе нашло для себя наиболѣе воздѣланную почву. Казалось, міръ готовъ былъ преобразиться; реакція противъ средневѣковыхъ преданій грозила Европѣ страшнымъ переворотомъ. вмѣсто католическаго аскетизма явилась необузданная чувственность, вмѣсто слѣпой вѣры — абсолютное безвѣріе. Аббатъ Тритгеймъ съ ужасомъ говорилъ о гуманистахъ: "на чудеса и подвиги святыхъ они смотрятъ какъ на бредъ, и ничего не считаютъ святымъ, о чемъ не говорится у философовъ; откровенія, ниспосылаемыя Богомъ благочестивымъ людямъ, называютъ бабьими сказками и с нами, священныя легенды принимаютъ за басни"¹. Паганизмъ всюду или вытѣснялъ христіанство, или безобразно переплетался съ нимъ.

Трудно опредѣлить, къ какимъ результатамъ привело бы движеніе XV вѣка, если бь гуманистическія студіи, перенесенныя на другую почву, не нашли инаго исхода. Германія спасла Европу отъ необузданной реакціи, возникшей въ Италіи противъ преданій средневѣковой эпохи. Серьезная, философская мысль нѣмецкаго народа не поддавалась обаянію античнаго паганизма: она воспользовалась новыми средствами, которыми вооружила ее классическая мудрость, для иныхъ, болѣе высокихъ и нравственныхъ цѣлей.

II. Въ тѣсной связи съ появленіемъ новыхъ началъ въ религіозномъ и нравственномъ быту Италіи, стоитъ новое направленіе, принятое, съ конца XIV вѣка, ея умственной, и художественною жизнью. Въ той и другой сферѣ источникъ переворота коренится въ пробудившемся стремленіи къ собиранію и изученію памятниковъ классической древности.

¹Laurent, Reforme, 396.

Со времени паденія западной имперіи, въ Европѣ всегда можно было найти нѣсколько лицъ, знакомыхъ съ лучшими произведеніями древней литературы; всегда кто нибудь читаль Цицерона, Виргилія, Горация¹; но число этихъ лицъ было до крайности ограничено. Драгоцѣнныя сокровища греческой литературы служили предметомъ бесплоднаго изученія византійскихъ ученыхъ; латинскіе памятники гнили въ стѣнахъ монастырей западной Европы, нерѣдко навлекая на себя проклятія духовной ценсуры. Но съ конца XIV вѣка, стеченіе многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ положило начало болѣе тѣсному знакомству новой Европы съ твореніями древности. Изъ Византійской имперіи, все болѣе и болѣе тѣснимой Турками, началась продолжительная эмиграція, прогрессивно усиливавшаяся въ теченіе всего XV столѣтія. Въ числѣ бѣжавшихъ изъ имперіи, находилось много людей ученыхъ, близко знакомыхъ съ памятниками классической мудрости и классическаго искусства. Оставляя свою родину въ добычу варварамъ, они заботились спасти по крайней мѣрѣ ея духовное богатство; суда, на которыхъ отбѣзжали они отъ береговъ имперіи, были нагружены грудами рукописей, наслѣдіемъ классической старины. Много драгоцѣнныхъ памятниковъ погибло тогда въ морскихъ волнахъ жертвою бурь, съ которыми не въ силахъ было бороться тогдашнее мореходное искусство; но то, что успѣло спастись и найти пріютъ подъ благословеннымъ небомъ Италіи, дало роскошный плодъ². Впечатлительный, сангвиническій темпераментъ Итальянцевъ не устоялъ противъ чаръ античной цивилизаціи. Какое то благоговѣйное почитаніе древности овладѣло умами всѣхъ. Пробудилось стремленіе открывать и собирать

¹Voigt, 4.

²0 Византійскихъ Грекахъ въ Италіи см. Voigt, и Villemain: *Eludes d'histoire moderne*, гдѣ помѣщена его историческая повѣсть *Lastaris*, мало впрочемъ замечательная.

уцѣлѣвшіе памятники греческой и римской литературы; отдаленныя, полныя трудностей и издержекъ путешествія предпринимались съ этою цѣлью. Огромнаго труда, кромѣ того, стоило гуманистамъ размножить списки открытыхъ ими сокровищъ, пока изобрѣтеніе книгопечатанія не освободило ихъ отъ этой тяжелой работы¹. Результатомъ всѣхъ этихъ самоотверженныхъ усилій былъ колоссальный переворотъ, совершившійся въ области человѣческаго мышленія. Богатый капиталъ идей и знаній, бесплодно хранившійся до того времени въ стѣнахъ монастырскихъ, библіотекъ вошелъ во всеобщій оборотъ. Подъ вліяніемъ быстрыхъ завоеваній, совершенныхъ въ сферѣ мысли, измѣнился весь порядокъ умственной жизни Италіи. Средневѣковая схоластика вдругъ оказалась мертвою и бесплодною въ сознаніи гуманистовъ. Въ лицѣ Петрарки, передовые дѣятели возрожденія заявляютъ требованія, которыя должны были странно звучать для поколѣнія XIV вѣка. Петрарка предаеть посмѣянію всю систему знаній, связанныхъ схоластическимъ методомъ. По его мнѣнію, бесполезна и мертва всякая мудрость, не имѣющая прямого отношенія къ жизни. Онъ ставитъ ученыхъ схоластовъ ниже простыхъ гребцовъ или земледѣльцевъ, работающихъ руками. Цѣль науки, говоритъ онъ, — облагородить и возвысить человѣческую, природу, сообщить ей искру божественнаго огня, направить ее по пути добродѣтели. "Я преданъ только той наукѣ, говирилъ Петрарка, которая дѣлаетъ меня лучшимъ; эта наука — добродѣтель и истина"². Докторовъ философіи, занимавшихъ университетскія каѳедры, Петрарка называлъ напыщенными глупцами, которые, препинаясь въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, упускали изъ виду все живое и существенное. Его полемика съ схоластами получила скоро

¹См. Voigt, кн. 2 и Roscoe, Leben Lorenzo de Medici, - извлечение Spielhagen'a.

²Voigt, 38—40.

обширное значеніе, потому что отъ мелочей и частныхъ споръ не замедлилъ перейти къ важному вопросу объ Аристотелѣ и о всей средневѣковой философіи. Известно, что Аристотель, передъ которымъ благоговѣли средніе вѣка, которымъ благоговѣли средніе вѣка, до XV столѣтія столѣтія былъ знакомъ Европе въ настоящемъ своемъ видѣ, а въ передѣлкѣ арабійскихъ и еврейскихъ ученыхъ. Въ этомъ искаженномъ видѣ, видѣ онъ возбуждалъ удивленіе средневѣковыхъ философовъ и служилъ точкою опоры всей средневѣковой схоластики. Петрарка никогда не читалъ Аристотеля въ подлинникѣ, но онъ зналъ, что этотъ подлинникъ разнится отъ арабской редакціи, и при помощи геніальнаго чутья, которымъ одарила его природа, онъ угадалъ истинный смыслъ греческаго мыслителя. Но вести полемику на основаніи одной догадки было неудобно, и потому Петрарка рѣшился противопоставить средневѣковому Аристотелю классическаго Платона, съ которымъ онъ былъ знакомъ по рассказамъ Боккаччіо¹. Геніальный инстинктъ и здѣсь помогъ ему уразумѣть существенныя черты философіи Платона. Онъ противопоставилъ его нравственный, „божественный" идеализмъ сухой и безжизненной діалектикѣ арабскаго Аристотеля, и возвѣстивъ, что философія есть ученіе о добродѣтели. Споръ, завязанный такимъ образомъ щупью, почти наугадъ, скоро перешелъ въ болѣе опытныхъ руки. Въ XV вѣкѣ, когда итальянскіе университеты наполнили ученые Греки, бѣжавшіе изъ Константинополя, о Платонѣ нельзя уже было судить по догадкѣ, или по рассказамъ Боккаччіо, который далеко не такъ хорошо зналъ греческій языкъ, чтобъ вполне понимать Платона. Тогда Платонъ былъ переведенъ на латинскій языкъ и объяснялся съ каѳедры; сознаніе прояснилось, чутье замѣнилось положительнымъ знаніемъ. Ученые эмигранты приняли въ свои руки полемику, робко возбужденную Петраркою.

¹Ibid. 45—49.

Сначала, споръ вели только Греки. "Въ долгой и упорной борьбѣ платониковъ съ аристотеликами, говоритъ Тирабоски, Итальянцы были простыми зрителями, и ни одинъ изъ нихъ не зналъ, за какую изъ двухъ партій слѣдовало ему сражаться."¹ Борьба, между тѣмъ, велась съ ожесточеніемъ; аристотелики хотѣли, во что бы то ни стало, отстоять свою ветхую систему. Плетонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ борцовъ платонической партіи, упрекалъ Аристотеля въ низкой зависти, руководившей его сужденіями о Платонѣ²; Теодоръ Гезе, послѣдователь Аристотеля, приписывалъ всѣ общественныя бѣдствія философіи Платона³. Если мы не ошибаемся, итальянскіе гуманисты тогда только приняли дѣятельное участіе въ спорѣ, иди, лучше сказать, тогда только рѣшительно стали на сторонѣ Платона, когда ясно обнаружилось, что полемика за философскія системы прикрывала собою борьбу старой схоластики съ новымъ научнымъ направленіемъ, бывшимъ непосредственнымъ результатомъ гуманистическихъ студій. Тогда восторженное поклоненіе Платону овладѣло всѣми. Козимо Медичи основалъ во Флоренціи академію, назначеніе которой было — изъяснять и распространять ученіе Платона. Члены этой академіи ежегодно торжественными обрядами праздновали день рожденія и смерти великаго философа⁴. "Платонъ, говоритъ Тирабоски, былъ въ нѣкоторомъ родѣ ихъ идеаломъ, единственнымъ предметомъ ихъ помышлений, разговоровъ, трудовъ; и восторгъ, внушенный имъ философомъ, былъ таковъ, что побуждалъ ихъ писать о немъ нелѣпости, которыхъ теперь нельзя читать безъ смѣха"⁵. Самымъ дѣятельнымъ

¹Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, VI. 544.

²Voigt, 346.

³Tiraboschi VI. 341: „nè alcuna publica calamita ch'ei non attribucca alla platonica filosofia".

⁴Ibid. VI. 544, Roscoe, Lorenzo de' Medici, 84 sqq.

⁵Tiraboschi VI. 544—545: „e il lor trasporto per esso gi-

членомъ этой, первой въ Европѣ, платонической академіи, былъ Марсильи Фичино, монахъ августинскаго ордена св. Духа. Съ молодыхъ лѣтъ отданный подъ руководство Петраркѣ, онъ въ послѣдствіи измѣнилъ своему учителю: Петрарка старался воспитать въ немъ религіозное чувство и приготовить изъ него будущаго противника аверроистовъ; но Фичино остался равнодушнымъ къ религіи и церкви и сдѣлался самымъ ревностнымъ послѣдователемъ Аверроэса¹. Онъ былъ душою новой академіи. Обладая высокими діалектическими способностями, онъ руководилъ бесѣдами членовъ, упорочилъ популярность Платона между дѣятелями возрожденной науки, и изгналъ изъ ихъ кружка послѣдніе остатки схоластическаго метода².

Изъ Флоренціи, процвѣтавшей подъ просвѣщеннымъ правленіемъ Лоренцо Медичи, гуманистическія студіи быстро проникли въ другія страны Италіи. Георгій Трапезунтскій, родомъ изъ Крита, основалъ высшее училище въ Римѣ, въ которомъ преподавались древніе языки и реторика. Тамъ же образовалась въ скоромъ времени, по образцу флорентинской, другая платоническая академія, въ числѣ членовъ которой находились самыя блестящія имена Италіи, И здѣсь, какъ во Флоренціи, господствовалъ тотъ же духъ, враждебный средневѣковымъ преданіямъ: авторитеты церковной и свѣтской схоластики подвергались осмѣянію, католицизмъ, папство, духовная іерархія служили предметомъ оскорбленій и насмѣшекъ³. Въ Мантуѣ, Витторино да Фельтре основалъ училище для молодыхъ людей, на подобіе греческихъ гимназіумовъ, въ которомъ изученіе

unse a tal scgno, che li condusse sino a soriver pazzie che non si posson leggere senza risa".

¹Voigt, 114-115.

²Roscoe, Lorenzo de' Medici, 18—19. Voigt, 114.

³Voigt, 481.

древнихъ языковъ и упражненія въ реторикѣ были соединены съ уроками живописи, музыки, танцовъ и верховой ѣзды¹. Знаменитые филологи того времени, Джіованни Мальпагино да Равенна, Гаспарино да Барцицца, Мануиль Хризолорасъ. и мн. др. странствовали изъ города въ городъ, обучая жаждавшее науки поколѣніе древнимъ языкамъ², и открывая ему такимъ образомъ путь къ самообразованію. То былъ блестящій подвижной университетъ, въ которомъ самыя благородныя силы Италіи получали первый закалъ гуманизма. То были энергическіе, самоотверженные, исполненные идеальныхъ стремленій люди — великое поколѣніе, котораго ни прежде, ни послѣ не видала Италія. Эти люди были проникнуты возвышенною преданностью наукѣ; они жили ея жизнью, ея интересами, и съ презрѣніемъ отзывались о молодежи старыхъ университетовъ, для которой наука была средствомъ къ достиженію матеріальныхъ благъ. Корыстолюбіе и зависть, позорящія гуманистовъ второй половины XV вѣка, были чужды этимъ первымъ, самоотверженнымъ дѣятелямъ возрожденія. Они были одушевлены высокимъ благоговѣніемъ къ античной цивилизаціи, потому что сознавали въ ней присутствіе великой возрождающей и созидающей силы. Ихъ страсть къ древнимъ языкамъ не заключала въ себѣ ничего школьнаго, буквоѣднаго: они смотрѣли на нихъ какъ на необходимое средство къ знакомству съ древностью, какъ на единственный путь въ міръ классической цивилизаціи. Оттого то придавали они знанію древнихъ языковъ такое всеобъемлющее значеніе: въ ихъ глазахъ, это знаніе было орудіемъ великой реформы, передъ которымъ долженъ былъ сокрушиться весь средневѣковой порядокъ. Оттого то и противники ихъ, собратья нѣмецкихъ обскурантовъ, такъ сильно вооружались противъ все болѣе; и болѣе входившаго въ моду

¹Ibid. 252.

²Ibid. 126—131.

изученія классическихъ языковъ. Одно духовное лицо нищенскаго ордена говорило своей паствѣ: „изобрѣли какой то новый языкъ, который называютъ греческимъ; надо крѣпко его беречься, потому что онъ — отецъ всѣхъ ересей. Что до еврейскаго, то, братія моя, извѣстно, что всѣ изучившіе его тотчасъ превращаются въ жидовъ"¹. Другой проповѣдникъ того же ордена говорилъ: „я вижу въ рукахъ у многихъ греческую книгу, которую называютъ Новымъ Завѣтомъ; но эта книга полна соблазна и яда"². Старые схоласты, сидѣвшіе на университетскихъ кафедрахъ, и для которыхъ гуманизмъ былъ вопросомъ о жизни и смерти, также недружелюбно относились къ возрожденному классицизму. Одинъ гуманистъ, слушавшій лекціи въ кельнскомъ университетѣ, говоритъ, что тамъ такъ любятъ древнихъ писателей, какъ жида свиное мясо³. Доктора оксфордскаго университета составили лигу противъ преподаванія греческаго языка. Члены этой почтенной лиги приняли на себя имя Троянъ и не хотѣли оставить его, не смотря на желчныя сарказмы, которыми преслѣдовалъ ихъ знаменитый Томасъ Моръ. Сорбоннскіе теологастры донесли парламенту, что религія неминуемо погибнетъ, если допущено будетъ въ университетахъ преподаваніе греческаго и еврейскаго языковъ⁴. Такъ далеко заходили обскуранты въ своей безсильной ярости противъ гуманистическаго движенія. И предчувствіе не обманывало ихъ на счетъ грозившей имъ опасности:

"Ce grec, cet hebreu, ce latin

Ont decouvert le pot aux roses" —

какъ говоритъ Маро въ своихъ „Письмахъ пѣтуха

¹Laurent, Reforme, 391.

²Ibid.

³Ibid. 392.

⁴Ibid. 393—394.

къ ослу"¹.

III. То же направленіе, стремившееся стать въ разрѣзъ съ преданіями средневѣковой эпохи, обнаружилось и въ искусствѣ времяъ возрожденія. Источникъ переворота въ этой области, какъ и въ области науки, заключался въ ближайшемъ знакомствѣ съ классическою древностью. Пробудившаяся страсть открывать и изучать памятники древне-греческаго и римскаго искусства не замедлила повести за собою стремленіе подражать этимъ художественнымъ произведеніямъ античной пластики. Старинные образцы средневѣковаго искусства, лишенные всякаго художественнаго достоинства и носившіе на себѣ слѣды бѣднаго, неразвитаго вкуса и безсильной по своимъ средствамъ техники, потеряли всякое значеніе для поколѣнія, знакомаго съ художественными образцами древности. Въ XIII вѣкѣ, произведенія какого нибудь Гвидо Сиенскаго или Чимабуэ возбуждали восторгъ современниковъ; но передъ исполненными дивной прелести созданіями классическаго генія, сохранившимися въ памятникахъ античной скульптуры, они блѣднѣли и казались лишенными дыханія жизни. Между тѣмъ, знакомство съ этими классическими памятниками очищало вкусъ, возвышало цѣли искусства; съ тѣмъ вмѣстѣ, совершенствовалась и усиливалась въ своихъ средствахъ техника. Произведенія Джіотто, ученика Чимабуэ, представляютъ уже значительный шагъ впередъ въ живописи. Вазари говоритъ о немъ, что онъ внесъ жизнь и движеніе въ мертвое средневѣковое искусство: "Вмѣсто грубыхъ, очерчивающихъ кругомъ весь образъ контуровъ, окаменѣлыхъ глазъ, вывороченныхъ рукъ и ногъ, и всѣхъ недостатковъ, въ происходящихъ отъ совершеннаго отсутствія тѣни, фигуры Джіотто имѣють гораздо лучшее положеніе, въ ли-

¹Marot, 2 epitre du coq a l'ane, ap. Laurent, Reforme, 391.

цахъ ихъ больше жизни и свободы, складки падаютъ у него естественнѣе, и даже встрѣчаются попытки къ перспективному изображенію членовъ. Кромѣ всѣхъ этихъ улучшеній, Джіотто первый пытался изобразить въ своихъ картинахъ игру страстей на человѣческомъ лицѣ. Если онъ не пошелъ далѣе, то это должно приписать препятствіямъ, затруднявшимъ совершенствованіе искусства, и недостатку хорошихъ образцовъ¹. Оба эти затрудненія — несовершенство техники и отсутствіе образцовъ, которые могли бы очистить вкусъ художниковъ и вдохновить ихъ, устранялись мало по малу съ теченіемъ времени. Въ эту эпоху напряженія всѣхъ силъ Италіи, каждое новое имя въ искусствѣ означало какое нибудь смѣлое завоеваніе. Мазаччіо ввелъ въ живопись изученіе природы и дѣйствительной жизни, слѣдовательно опрокинулъ всю средневѣковую теорію искусства; Паоло Уччелло сообщилъ своимъ произведеніямъ идеальную глубину Фона, на которой основывается тайна эффекта, производимаго живописью; онъ открылъ также законъ перспективы, такъ обаятельно дѣйствующей на глазъ. Антоніо Поллайuolo внесъ въ пластику изученіе анатоміи человѣческаго тѣла, игру мускуловъ. Андреа да Кастапя изобрѣлъ способъ приготовлять краски на маслѣ, что быстро подвинуло впередъ живописную технику².

Это постепенное совершенствованіе техники, вмѣстѣ съ расширеніемъ задачъ и средствъ искусства, скоро привело къ такому пышному расцвѣту пластики, такому разностороннему развитію всѣхъ видовъ и отраслей ея, передъ которыми должны были поблѣднѣть даже классическія воспоминанія. Сочетаніе античной граціи пластической роскоши формъ съ христіанскимъ идеализмомъ среднихъ вѣковъ дало искусству временъ

¹Vasari, ap. Roscoe, Lorenzo de' Medici, 178 sqq.

²Roscoe, Lorenzo de' Medici 179—181.

возрожденія богатство внутренняго содержанія, котрымъ далеко не въ той мѣрѣ были надѣлены произведенія древней пластики. Въ лицѣ своихъ величайшихъ представителей, Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Тиціана и Рафаэля, живопись временъ возрожденія возвысилась до недосягаемаго совершенства; она рѣшила великую задачу новаго искусства — влить христіанскій идеализмъ въ классическую пластику, облечь средневѣковыя стремленія въ роскошныя античныя формы. Задача эта рѣшена была не безъ борьбы, не безъ увлеченій: многіе художники, воспламенные слѣпымъ энтузіазмомъ къ древности, захотѣли вовсе отрѣшиться отъ преданій христіанства, отъ идеальныхъ образовъ средневѣковой жизни, отъ всего того, что въ послѣдствіи было названо романтизмомъ; они хотѣли погрузиться до дна въ ослѣпляющую ослѣпляющую роскошь колорита, волшебную игру тѣней и полутѣней; хотѣли превзойти древнихъ въ художественномъ сенсуализмѣ. Но та же среда художниковъ временъ возрожденія воспитала, въ лицѣ Рафаэля, генія, произведенія котораго представляютъ дивное сочетаніе христіанскихъ идей съ античною граціей формъ и роскошью колорита; его „Мадонна" и „Преображеніе", лучшіе перлы новой живописи, служатъ разгадкою великой задачи, о которой мы говорили — задачи примиренія античныхъ идеаловъ съ идеалами христіанства.

То же направленіе, тѣ же стремленія встрѣчаемъ мы и въ архитектурѣ временъ возрожденія. Торжеству классическаго идеала въ этой области искусства не мало содѣйствовало то обстоятельство, что готическій стиль никогда не проникалъ въ Италію во всей своей величайшей суровости: средневѣковыя итальянскіе зодчіе держались смѣшаннаго стиля, въ которомъ античная круглая линія сочеталась съ прямолинейными готическими

очертаніями¹. Въ эпоху возрожденія, греко-римскій стиль окончательно вытѣсняетъ готическій и проникаетъ даже въ церковную архитектуру, такъ точно, какъ языческая живопись проникла въ иконопись.

IV. Намъ остается еще разсмотрѣть, какъ относились итальянскіе гуманисты временъ возрожденія къ государству и свѣтской власти, т. е. какъ отразились идеи древняго міра въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Для этого намъ надо обратиться далеко назадъ, къ эпохѣ возвышенія папской власти.

Извѣстно, что въ первыя пять столѣтій, непосредственно слѣдовавшія за паденіемъ западной римской имперіи, папство вовсе не имѣло того универсальнаго, космополитическаго характера, какимъ отличалось оно, начиная съ XI вѣка. Въ этотъ пятисотлѣтній періодъ, папскую власть одушевляли совершенно иныя стремленія хотя, въ то же время, она не разъ громко заявляла тѣ неограниченныя притязанія, поддержаніе которыхъ въ послѣдствіи сдѣлалось ея традиціонной политикой. Источникъ первоначальныхъ тенденцій папства коренится въ событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе западной римской имперіи, т. е. въ явленіяхъ той эпохи, когда развѣнчанная Италія должна была съ собственными скудными средствами противостоятъ наплыву новыхъ народовъ и новыхъ юридическихъ понятій. Въ этой коллизіи, на сторонѣ Италіи были только великія историческія воспоминанія, на сторонѣ враговъ ея была физическая сила; такимъ образомъ, исходъ борьбы можно было предсказать заранѣе. Но мы видимъ, что съ теченіемъ времени классическія воспоминанія Италіи всплыли на верхъ и западный міръ сомкнулся въ двѣ, преемственнословавшія одна за другою, имперіи — сначала Франкскую, потомъ Германскую. Въ обоихъ этихъ явленіяхъ средневѣковой исторіи, Италія прини-

¹Lubke, Geschichte der, Architektur, 508.

мала только страдательное участие: правда, безъ Италіи стала немислима имперія, но имперія была не въ Италіи. Великая страна, заключающая когда то весь цивилизованный міръ въ своихъ предѣлахъ, теперь была не болѣе, какъ провинціей Германіи. Если принять въ соображеніе, какъ живучи были у итальянской націи ея великія классическія преданія, какъ самолюбива была эта нація, которая даже въ XVI столѣтіи называла своихъ заальпійскихъ сосѣдей варварами почти въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли это слово Геродотъ или Тацитъ, то не трудно будетъ понять, до какой степени тяготило Итальянцевъ X вѣка сознаніе ихъ политическаго ничтожества. Они чувствовали потребность возвратить свое прежнее міровое значеніе, а для этой цѣли имъ надо было, централизовавшись сначала у себя дома, сосредоточить потомъ въ этомъ центрѣ интересы всего западнаго міра. И вотъ, обнаруживается въ Италіи патріотическое движеніе, стремившееся стать во враждебное отношеніе къ императорской традиціи, и найти точку опоры въ другомъ, вполнѣ національномъ учрежденіи, въ папствѣ. Папство было именно тѣмъ вполнѣ итальянскимъ, туземнымъ учрежденіемъ, которое могло сосредоточить въ себѣ разрозненныя силы полуострова и стать въ оппозицію къ другому учрежденію, хотя и выросшему на итальянской почвѣ, но воплотившему въ себѣ интересы другой народности, къ императорской власти. Этимъ значеніемъ, которымъ національное честолюбіе Итальянцевъ окружило папскую власть, въ извѣстной мѣрѣ объясняется, по нашему мнѣнію, то упорное, почти систематическое противодѣйствіе притязаніямъ императоровъ, какое постоянно обнаруживала не только римская курія, а вся итальянская нація. Но такое положеніе дѣлъ не могло быть продолжительнымъ. Папство могло служить національнымъ знаменемъ Италіи только до тѣхъ поръ, пока оно было абсолютнымъ, всѣми признаннымъ авторитетомъ, пока его окружало ореолъ величія и славы, пока въ немъ сосре-

доточивались интересы всего христіанскаго міра. Какъ скоро оно упало съ той высоты, на какую возвели его Григорій VII и Иннокентій III, оно должно было утра- тить обаяніе, приковывавшее къ нему умы итальянскихъ патріотовъ. Такъ именно и случилось, когда, со временъ Бонифація VIII, началось нисходящее движеніе папства. Папы сдѣлались вассалами французскихъ королей, по- носили другъ друга бранью и анаѳемами, подчинились авторитету вселенскихъ соборовъ, тѣхъ соборовъ, на ко- торыхъ національная гордость Итальянцевъ была силь- но оскорблена. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобъ лишить папство суевѣрнаго уваженія Европы и въ особенности того великаго національнаго значенія, ка- кое имѣло оно въ глазахъ Итальянцевъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ Италіи могла образоваться сильная гибел- линская партія, достаточно обнаруживаетъ, какъ не ве- лико было въ то время довѣріе Итальянцевъ къ своему національному учрежденію: гибеллинизмъ на итальян- ской почвѣ представляетъ, прежде всего, отрицаніе тѣхъ надеждъ и упованій, которыя Италія возлагала на пап- ство во время его величія и блеска.

Въ такомъ фазисѣ своего развитія находилась вѣчно-живая, никогда не умиравшая идея національнаго единства Итальянцевъ, когда и ученіе памятниковъ классической древности открыло передъ ними новый міръ. Чтеніе Фукидида, Ксенофонта, Ливія, открыло пе- редъ ними картину государственнаго быта, мало сходна- го съ тѣмъ, среди котораго они жили. Въ особенности римскіе историки должны были оказать сильное вліяніе на воспріимчивое воображеніе Итальянцевъ, Древній Римъ, величественно выступающій изъ рассказовъ Ливія, его республиканскія формы, суровый, гордый патріотизмъ его гражданъ, обаятельно дѣйствовали на такихъ людей, какъ Петрарка и Коло ди Ріенцо. Связан- ные чувствомъ дружбы, основанномъ на родствѣ стрем- леній и взаимномъ уваженіи, эти люди шли рука объ руку къ осуществленію классическихъ идей, навѣян-

ныхъ чтеніемъ Ливія; ихъ дѣятельность такъ неразрывно связана, что трудно рѣшить, была ли революція Колоди Ріенцо осуществленіемъ идей Петрарки, или, напротивъ, республиканскія мечты Петрарки были возбуждены дѣятельностью Ріенцо. Въ ихъ личномъ характерѣ было много общаго, хотя и нельзя сказать, чтобъ они во всемъ походили другъ на друга. Петрарка былъ поэтъ и отчасти идеологъ, которому природа отказала въ большомъ практическомъ смыслѣ и большой энергіи къ дѣлу. Ріенцо былъ по преимуществу человѣкъ дѣла, страстная и безпокойная натура, созданная для заговоровъ и революцій. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ способенъ увлекаться великими идеалами, былъ проникнутъ восторженною любовью къ древности. Живя въ Римѣ, онъ съ увлеченіемъ перечитывалъ Ливія, Саллюстія, Валерія Максима, и скоро воображеніе его воспламенилось ихъ рассказами. Образъ древняго міра въ величественной красотѣ возникъ въ его представленіи. Онъ задумалъ обширный политическій переворотъ, и благодаря анархіи, господствовавшей въ Римѣ, благодаря вліянію, какое доставилъ ему дружественный союзъ съ Петраркою, привелъ его въ исполненіе. Средневѣковой Римъ облекся въ классическія формы; столица папъ преобразовалась въ республику; древній форумъ наполнился народомъ, тѣснившимся передъ трибуной Ріенцо. Но обманъ продолжался не долго: Римъ отрезвился, минутная вспышка погасла, и Ріенцо поплатился жизнью за свою классическую комедію¹. Впрочемъ, трагическая развязка дѣла, въ которомъ Петрарка принималъ самое непосредственное участіе, не поколебала его гордаго республиканскаго духа: онъ сохранилъ на всю жизнь свои юношескія стремленія, свое благоговѣніе предъ древнимъ государственнымъ бытомъ, его широкою политическою жизнью. Недовѣрчиво и строго относился онъ къ поколѣнію, среди котораго поставила его судьба;

¹Voigt, 31—34, 76 sqq.

онъ весь уносился въ прошлое, онъ жилъ среди Рима временъ Катона и Сціпіона, и сожалѣлъ о ихъ недостойныхъ потомкахъ, для которыхъ слово „свобода" утратило всякій смыслъ, всякое очарованіе. Въ энергическихъ выраженіяхъ призывалъ онъ Римлянъ оглянуться на свое великое прошлое и почерпнуть въ немъ урокъ для настоящаго. „Если хотя капля древней крови течетъ въ вашихъ жилахъ, страшитесь утратить завоеванную свободу", писалъ онъ къ римскимъ гражданамъ, когда Ріенцо успѣлъ на нѣкоторое время утвердить среди нихъ республиканскія формы¹. Но республика пала, и отъ классическихъ мечтаній Петрарки и Коло ди Ріенцо осталось только продолжительное броженіе въ Римѣ, долгое время бывшее источникомъ смуть и безпорядковъ.

Несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ переворотъ, произведенный въ политическихъ идеяхъ Италіи и всей Европы твореніями Макиавелли. Мы указывали уже на историческое значеніе Макиавелли, какъ дѣятеля возрожденія. Значеніе это заключается въ томъ, что онъ призвалъ къ жизни государственную идею, управлявшую классическимъ міромъ и забытую въ средніе вѣка, что на мѣсто павшаго духовнаго авторитета онъ далъ человѣчеству другой авторитетъ — политическій, національный, государственный. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, заключается главная историческая заслуга Макиавелли, и она, а не его парадоксальная теорія свѣтской власти, изложенная въ извѣстной книгѣ его: „Il Principe", должна была по настоящему упрочить его имя въ исторіи. Макиавелли былъ государственный дѣятель, съ головы до ногъ. Его литературные труды, его общественное служеніе, даже его честная, домашняя жизнь, все въ немъ было посвящено государственнымъ цѣлямъ. „Рѣдко, говорить Блунчли, можно

¹Ibid. 36 sqq. 60 sqq.

встрѣтить человѣка, который бы такъ всецѣло и исключительно былъ преданъ государству, какъ Макиавелли. Какъ вода для рыбъ и воздухъ для птицъ суть единственные стихіи, среди которыхъ они могутъ существовать, такъ Макиавелли могъ жить только среди государства. Онъ — государственный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ чувствуетъ себя призваннымъ играть политическую роль, и не можетъ жить внѣ политики. Его дарованія, его помыслы, его склонности посвящены государству. Онъ страстно любитъ государство, и готовъ пожертвовать ему всѣми своими силами. Онъ жертвуетъ ему своимъ спокойствіемъ, своимъ состояніемъ, своими друзьями, самимъ собою, даже своею честью и совѣстью. Выше политической дѣятельности онъ ничего не знаетъ и ни къ чему такъ не стремится; политическія науки стоятъ для него на второмъ планѣ. Онъ съ большею охотою пишетъ реляцію о посольствѣ, отъ которой онъ ожидаетъ непосредственнаго дѣйствія, нежели рѣчь о какомъ нибудь политическомъ вопросѣ. Четырнадцать лѣтъ (1498—1512), въ теченіе которыхъ онъ, какъ секретарь флорентинской республики, принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ, были счастливѣйшими въ его жизни, хотя многое шло тогда противно его желаніямъ, и хотя онъ занималъ мѣсто, слишкомъ скромное для его необыкновенныхъ способностей. Ему было въ высшей степени больно, когда онъ, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ (онъ род. 1469), въ слѣдствіе государственнаго переворота и возвышенія Лоренцо Медичи, былъ отставленъ отъ своей должности и принужденъ жить частнымъ человѣкомъ. Онъ не могъ перенести этой вынужденной праздности. Какъ трогательны его жалобы, которыя онъ обращалъ къ своему другу Веттори. Какъ страдаетъ онъ, оттого что для него закрыта политическая дѣятельность, какъ бесплодно и бѣдно кажется ему все, что онъ дѣлаетъ! Онъ едва находитъ, чѣмъ убить время. Ему опротивела ловля птицъ, которой онъ издавна любилъ заниматься; чтеніе поэтовъ, прелести приро-

ды развлекають его только на короткое время; печально проводить онъ послѣобѣденные часы за картами и трик-тракомъ, въ обществѣ трактирщика, мясника, мельника и кирпичника. Зато вечеромъ онъ весь сосредоточивается. Онъ снимаетъ свою всегдашнюю нарядную одежду и надѣваетъ платье государственнаго человѣка. Онъ уединяется къ себѣ въ кабинетѣ, ведетъ таинственную бесѣду съ государственными людьми прежнихъ временъ, задаетъ себѣ политическія проблемы и упражняется въ ихъ рѣшеніи. Если онъ не можетъ заниматься дѣйствительными дѣлами, то занимается по крайней мѣрѣ вымышленными. Политическими науками онъ занимается только по нуждѣ; въ нихъ ищетъ онъ только исхода для внутреннихъ стремленій, которыя лучше желалъ бы обнаружить въ политической дѣятельности"¹.

Въ связи съ тѣмъ вліяніемъ, какое необходимо должна была оказать на современниковъ государственная идея, такъ рѣзко высказывавшаяся и въ литературныхъ трудахъ, и въ практической дѣятельности Макіавелли, находятся его патріотическія стремленія, также оказавшіяся не безъ вліянія на западную Европу. Съ этой стороны, политическая дѣятельность Макіавелли является въ самой непосредственной связи съ предшествовавшей исторіей Италіи. Мы старались уже указать, какъ къ концу среднихъ вѣковъ, папская власть, служившая до того времени національнымъ знаменемъ Италіи, потеряла кредитъ въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ, и какъ въ слѣдъ за тѣмъ Петрарка и Коло ди Ріенцо пытались найти выходъ изъ тяготившаго ихъ порядка вещей въ возвращеніи къ государственному и политическому быту классической старины. Теперь, въ лицѣ Макіавелли, патріотическія стремленія Италіи находятъ другой исходъ. Макіавелли точно также, какъ и его предшественники, скорбитъ о политиче-

¹Bluntschli, Deutsches Staatswörterbuch, VI. 512—513.

скомъ ничтожествѣ своей родины, о ея національной разрозненности, разорванности, объ отсутствіи между отдѣльными частями ея единой централизующей связи; но онъ указываетъ другой путь къ достиженію политическаго могущества и единства Италіи. Убѣдясь, что папство не въ силахъ выполнить этой великой задачи, онъ обращается къ свѣтской власти, но не къ чужеземной, не къ императорской, какъ это дѣлали гибеллины, а къ такой власти, которая возросла бы на итальянской почвѣ и дѣйствовала бы итальянскими силами, Онъ ищетъ кругомъ себя итальянскаго государя, который, тѣмъ или другимъ путемъ, честно или безчестно, могъ бы настолько возвыситься надъ другими владѣтельными домами Италіи, чтобъ въ его лицѣ осуществилась идея итальянскаго единства. Такого государя находятъ онъ въ Цезарѣ Борджіа. Сынъ Александра VI, порочный, хитрый, мстительный, жестокій, одержимый безграничнымъ честолюбіемъ и одаренный замѣчательною силою воли. Цезарь Борджіа, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы съ успѣхомъ выполнить задачу, которой такъ сочувствовалъ Макиавелли. Этимъ объясняются дружественныя отношенія, въ которыхъ находился великій флорентинецъ къ Цезарю Борджіа. Онъ видѣлъ въ немъ государя, который могъ силою и коварствомъ сосредоточить въ своихъ рукахъ господство надъ Италіей и вырвать ее изъ рукъ чужеземцев¹. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что планъ, начертанный честолюбіемъ Цезаря Борджіа и патриотизмомъ Макиавелли, не могъ быть приведенъ въ исполненіе; но этотъ планъ все таки имѣетъ великое значеніе, потому что здѣсь смѣло заявленъ принципъ національности, ко-

¹Патріотическими стремленіями Макиавелли объясняется, между прочимъ, и его теорія свѣтской власти, изложенная въ 11 Ptincipe. Цезарь Борджіа служить какъ бы олицетвореніемъ того идеала, который начерталъ Макиавелли въ этой книгѣ.

торому, по видимому, предстоитъ высокая роль въ исторіи. Съ другой стороны, патріотическія стремленія Макиавелли имѣють для насъ тотъ же смыслъ, какъ и классическія мечты Петрарки, и республиканскіе планы Коло ди Ріенцо: это не болѣе, какъ разнообразныя проявленія все той же живучей патріотической идеи, которая не умирала въ продолженіе столѣтій, и которая служитъ мотивомъ современнаго итальянскаго движенія.

Въ этихъ краткихъ очеркахъ, мы разсмотрѣли общую картину итальянскаго гуманизма, какъ важнѣйшаго явленія эпохи возрожденія. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся съ другихъ сторонъ обозрѣть внутреннее состояніе Италіи конца XV и начала XVI вѣка и указать, въ чемъ и насколько отразилось вліяніе его на Францію. Но для этого намъ надо обратиться къ Карлу VIII, котораго мы оставили на границахъ Италіи.

Грозныя знаменія возвѣстили Италіи нашествіе варваровъ. Говорили, что въ темную ночь, среди страшныхъ ударовъ грома и ослѣпительнаго блеска молніи, взошли надъ Апуліей три солнца, окруженныя черными тучами; что масса вооруженныхъ всадниковъ, появилась въ воздухѣ надъ Аренцо; эти всадники сидѣли на коняхъ колоссальнаго роста, и отъ нихъ долеталъ страшный громъ барабановъ и трубъ; что многіе благочестивые люди видѣли, какъ потъ выступалъ на образахъ и статуяхъ святыхъ¹. Этимъ сверхъестественнымъ явленіямъ природы какъ нельзя болѣе вторила вдохновенная рѣчь Савонаролы:

„О Италія! о Римъ! восклицалъ проповѣдникъ. Я призову людей, которые сотрутъ васъ съ лица земли. Они придутъ, голодные и ярые, какъ львы. За ними вслѣдъ я призову чуму, отъ которой никто не убѣжитъ.

¹Guicciardini, I. 67.

Смерть будетъ повсюду. Дома будутъ полны мертвыми, и могильщики начнутъ ходить по улицамъ съ крикомъ: выносите мертвыхъ! Горы тѣль будутъ повсюду, тѣлами завалять рвы и рѣки. По улицамъ ничего не будетъ слышно, кромѣ крика; мертвыхъ! У кого есть мертвые, выносите за ворота! Выйдутъ за ворота семьи, и отдавая трупы, скажутъ; вотъ мой сынъ, мой братъ, мой мужъ. Мало останется живыхъ, травую заростутъ улицы, лѣсами покроются дороги, и варвары наводнятъ Италію... О Римъ, покайся! Покайтесь Венеція, Миланъ!"¹

Эти страшныя знаменія, эти рѣчи, эти стоны, наполняли ужасомъ сердца итальянцевъ, и они съ сомнѣніемъ и страхомъ измѣряли силы приближавшагося врага. Численность французскаго войска, осенью 1494г. вступившаго въ предѣлы Италіи подъ личнымъ предводительствомъ Карла VIII, простиралось, приблизительно, до 60.000 ч². За исключеніемъ Швейцарцевъ, шедшихъ въ авангардѣ, оно состояло исключительно изъ Французовъ, издавна славившихся своею личною храбростью, преданностью королю, патриотизмомъ и честолюбіемъ. Оно не было, подобно итальянскимъ войскамъ, наберено изъ подданныхъ различныхъ государствъ, раздѣленныхъ между собою взаимными антипатіями; оно повиновалось одному государю, шло подъ однимъ знаменемъ, сражалось за одни интересы³. Главную силу его составляла артиллерія, въ которой Франція не имѣла тогда соперниковъ. Карла VIII сопровождали 1000 мортиръ (*grosses bombardes*), 1200, тяжелыхъ ружей на лафетахъ (тогда еще не были извѣстны ручныя ружья),

¹Статья г. Эссена о Савонаролѣ (по Villari), помѣщенная въ Библіотекѣ для чтенія за, 1860 г. стр. 15 sqq. № 9.

²Michelet, Renaissance, 174. Въ сказаніяхъ современниковъ эта цифра различно измѣняется, смотря по тому, берутъ ли они численность французскаго войска до перехода черезъ Альпы, или послѣ перехода.

³Guicciardini 1. 76 sqq.

200 опытныхъ артиллеристовъ, 600 плотниковъ и саперовъ, 300 литейщиковъ, болѣе 8000 упряжныхъ лошадей¹. Огромный багажъ, навьюченный на муловъ, слѣдовалъ за арміей². Французскіе артиллеристы славились своимъ искусствомъ и опытностью; громъ французскихъ выстрѣловъ былъ такъ силенъ, что оглушала большихъ рыбъ, плававшихъ въ окрестныхъ рѣкахъ³. Къ большимъ французскимъ мортирамъ были припряжены лошади, между тѣмъ какъ Итальянцы перевозили свои орудія на волахъ вслѣдствіе чего ихъ артиллерія не всегда могла поспѣвать за арміей. Французы такъ быстро строили батареи, залпы слѣдовали у нихъ за залпами такъ часто, что они, по словамъ Гвиччардини, въ нѣсколько часовъ совершали то, на что Итальянцамъ требовалось нѣсколько дней⁴.

Это превосходство французскихъ войскъ надъ итальянскими уравнивалось до нѣкоторой степени недостаткомъ въ денежныхъ средствахъ, который терпѣлъ Карль VIII. Нужда въ деньгахъ была такъ настоятельна для молодаго завоевателя, что онъ, прибывъ въ Туринъ, долженъ былъ заложить за 12.000 дукатовъ брильянты герцогини Савойской, и потомъ за такую же сумму денегъ заложилъ драгоцѣнности маркизы Монферратской⁵. „Пріятно видѣть, замѣчаетъ по этому поводу наивный комментаторъ Коммина, какъ государыни закладывали для короля свои драгоцѣнности; но прибѣгая къ займамъ, Карль VIII начиналъ тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ, и онъ продолжалъ просить денегъ изъ дому въ домъ — обстоятельство, роковое для его

¹Mem. d'un part. 188.

²Desrey, Relation de l'entreprise du voyage du roy Charles VIII etc (помѣщено въ Archives curieuses de l'histoire de France, 1-re Serie t. I. p. 205.

³Mem. d'un part. 189. Guicciardini 1. 75.

⁴Guicciardini I. 75.

⁵Communes 440. Guicciardini 1. 68.

предпріятія"¹. Въ Асти Людовикъ Сфорца, прибывшій туда на встрѣчу Карлу VIII, еще разъ снабдилъ его деньгами². Эта предупредительная готовность, съ какою владѣтельные лица полуострова жертвовали своимъ достоиніемъ для чужеземнаго завоевателя, указываетъ уже, какою смертельною язвою пораженъ былъ политическій организмъ Италіи. Великая страна заключала въ своихъ нѣдрахъ богатый запасъ политическихъ силъ; но эти силы были убиты, парализованы отсутвіемъ національнаго единства. Разнородныя, большія и малыя, государства Италіи, были разъединены взаимными антипатіями, и для своихъ частныхъ интересовъ жертвовали благомъ цѣлаго полуострова. Если мы взглянемъ на взаимныя отношенія итальянскихъ государей передъ походомъ Карла VIII, то увидимъ путаницу мелкихъ интригъ, личныхъ симпатій и антипатій, частныхъ, разрозненныхъ стремленій, среди которыхъ исчезаетъ идея національнаго единства. Въ семьѣ итальянскихъ государей, всѣ во враждѣ другъ съ другомъ. Людовикъ Сфорца ненавидитъ Фердинанда Неаполитанскаго; жена Людовика поддерживаетъ въ немъ эту ненависть; оба они, кромѣ того, ненавидятъ Джіованни Галеаццо, и жену его Изабеллу, внуку короля Неаполитанскаго; Неаполитанскій домъ, въ свою очередь, оплачиваетъ Сфорцамъ тою же монетою. Внутри миланскаго герцогства та же вражда, то же разъединеніе: народъ ненавидитъ Сфорцу за его тираннію и любитъ Галеаццо; Галеаццо ненавидитъ Сфорцу и равнодушенъ къ народу; Сфорца ненавидитъ и Галеаццо, и народъ. Во Флоренціи, Петръ Медичи держитъ сторону Неаполя, а народъ, волнуемый проповѣдями Савонаролы, сочувствуетъ Карлу VIII. Флоренція угнетаетъ Пизу; Пиза ненавидитъ Флоренцію и съ упованіемъ смотритъ на французское знамя. Папа находится во враждѣ со всей Италіей, и въ собст-

¹Commines, 440, note.

²Guicciardini I. 74.

венномъ семействѣ его братъ ненавидитъ брата, сынъ замышляетъ погибель отца. Подъ стѣнами Рима кипитъ кровавая борьба между Колонна, Орсини и Вителли. Венеція, по видимому, еще въ мирѣ со всѣми; но, не обнажая оружія, она выжидаетъ, пока сосѣди, истощенные взаимной борьбой, сами попадутъ въ лапы льва св. Марка. Подобныя же отношенія существуютъ и между мелкими владѣльцами Италіи. Такимъ образомъ, на пространствѣ всего полуострова, кипитъ междоусобная вражда, открытая и тайная, между государями съ одной, и между государями и подданными съ другой стороны. Подъ радужной оболочкой цивилизаціи, впервые такъ роскошно расцвѣтшей на почвѣ новой Европы, гноятся смертельныя язвы, порожденныя политической разрозненностью и деспотизмомъ. Отсутствіе національнаго единства, недостатокъ гражданскаго чувства и политической честности, какъ неизбѣжное слѣдствіе деспотизма, мертвятъ Италію. Это оборотная сторона медали, которую мы показали въ предшествовавшихъ очеркахъ. Это то больное, истерзанное сердце Италіи, къ которому, по выраженію Муратори, варвары припали сосать кровь¹. Ему ли было противостоять первымъ, грознымъ ударамъ, обрушившимся на него изъ за Альпъ?

Между тѣмъ Карль VIII, оправившись отъ болѣзни, поразившей его въ Асти, продолжалъ свой походъ. Въ какомъ то непонятномъ самозабвеніи, словно торжествуя и радуясь, встрѣчали его Итальянцы. „Весь походъ его, говоритъ анонимный авторъ одной анекдотической хроники Карла VIII, былъ непрерывнымъ триумфомъ, торжествомъ, отпразднованнымъ со всѣми удовольствіями, какія только вообразить можно. Не нашлось ни одного замка, ни одного города, въ которомъ не былъ бы сдѣланъ ему блистательный пріемъ, точно среди полного мира. Всюду были празднества, столы,

¹Библ. для чт. 1860. № 9. Савонарола, стр. 1.

разставленные по дорогамъ и на улицахъ, концерты, стихи, спектакли и тысячи любезностей, такъ что можно было сказать, что онъ шель на завоеваніе королевства при звукахъ флейтъ, ступая по муравѣ и по цвѣтамъ. Дамы особенно выставляли на показъ все, что у нихъ было дорогаго и красиваго, и заявляли ему на тысячу способовъ удовольствіе его видѣть. Въ *Quiers* самыя красивыя дамы, окруживъ Карла VIII и поя вокругъ него разныя рондо и баллады, надѣли на него вѣнокъ изъ фіалокъ и цѣловали его"¹. Войска Карла VIII пользовались вездѣ удобнымъ помѣщеніемъ и довольствомъ, частію благодаря трусливой услужливости Итальянцавъ, частію вслѣдствіе благоразумной распорядительности Луи Вальто, главнаго французскаго квартирмейстера (*grand marechal-des-logis*)². Въ Пiacенцѣ прискакаль къ Карлу VIII курьеръ съ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ герцога Миланскаго³. Такимъ образомъ совершилась развязка кровавой драмы, издавна подготовлявшаяся въ семействѣ Сфорцы. Много было причинъ, такъ трагически рѣшившихъ судьбу злополучнаго герцога. Главная вина его заключалась въ томъ, что онъ, какъ наслѣдный владѣтель Милана, служилъ препятствіемъ къ достиженію честолюбивыхъ плановъ Сфорцы. Людовикъ Сфорца, по необыкновенной смуглости лица прозванный Моромъ (черный), съ 1419 года незаконно захватившій власть въ свои руки, не могъ быть спокоенъ, пока живъ былъ его племянникъ, Джіованни Галеаццо, законный герцогъ Миланскій. Къ этому присоединились также и другія личныя отношенія его къ племяннику. Джіованни былъ женатъ на

¹Mem d'un part. 185—186. Тотъ же авторъ говоритъ, что итальянскія дамы вообще были необыкновенно благосклонны къ Французамъ; за что сильно злобились ихъ мужья и братья. *Ib.* 185.

²*Ib.* 185. Desrey, 205.

³Desrey, 217. Roscoe, *Vie de Leon X*, I, 189.

Изабеллѣ, внукѣ Фердинанда Неаполитанскаго. Когда Людовикъ въ первый разъ увидѣлъ невѣсту своего племянника, въ немъ вспыхнула бѣшенная страсть къ ней. Рассказываютъ, что онъ прибѣгнулъ къ чарамъ, которыя должны были сдѣлать для новобрачныхъ недоступнымъ супружеское счастье. Въ это время, онъ старался соблазнить Изабеллу, но гордая внука Фердинанда отвѣчала презрѣніемъ на его мольбы. Тогда неистовая ярость вытѣснила изъ сердца Людовика прежнюю любовь, и онъ поклялся извести весь родъ Фердинанда Неаполитанскаго¹. Въ этомъ рѣшеніи поддерживала Сфорцу жена его, женщина честолюбивая и тщеславная, которая желала видѣть на головѣ мужа королевскую корону, и не могла простить Изабеллѣ страстной любви, возбужденной ею когда то въ сердцѣ Людовика². Самъ Людовикъ Моръ, по свидѣтельству современниковъ, былъ человекъ хитрый и вѣроломный, не любившій рисковать опасностями, но не разбиравшій средствъ, если предстояла какая нибудь вѣрная пожива³. Долго не рѣшался онъ употребить насиліе противъ Джіованни Галеаццо, выжидая минуты, когда можно будетъ отдѣлаться отъ него безъ всякаго риска. Готовясь къ рѣшительному удару, онъ искалъ поддержки у иностранныхъ дворовъ, и заключилъ сдѣлку съ Максимилианомъ, въ сдѣдствіе которой послѣдній призналъ его герцогомъ миланскимъ⁴; Гвиччардини прибавляетъ, что Максимилианъ, до смерти Галеаццо, считалъ нужнымъ таить отъ всѣхъ этотъ безчестный трактатъ. Изабелла, супруга герцога, женщина необыкновеннаго ума и характера, нѣсколько разъ обращалась къ своему отцу и дѣду, умоляя ихъ поставить ее въ безопасность отъ преступныхъ замысловъ

¹Mem. d'un part. 184—185.

²Ibid.

³Commines, 431. Guicciardini во многихъ мѣстахъ.

⁴Guicciardini I. 40.

Сфорцы¹; но это только еще болѣе раздражало миланскаго узурпатора. Всего тягостнѣе было для Людовика видѣть открытое нерасположеніе къ себѣ народа, ненавидѣвшаго его за корыстолюбіе и тираннію:² онъ естественно долженъ былъ бояться, чтобъ народная симпатія, обращенная на Джіованни, не повела къ опасному для него государственному перевороту. Среди такихъ условій, всеобщее замѣшательство, произведенное въ Италіи походомъ Карла VIII, должно было только ускорить развязку семейной драмы, давно уже задуманную Людовикомъ Моромъ. Онъ не долго медлил: въ октябрѣ 1494 Джіованни Галеаццо погибъ жертвою отравы. Вѣсть объ этой печальной катастрофѣ поразила ужасомъ Карла VIII. Если вѣрить Гвиччардини³, употребленіе яду было еще неизвѣстно за Альпами. Такимъ образомъ Французы, при первомъ знакомствѣ съ Италіей, получили урокъ изъ хитрой науки макиавелизма, которую потомъ съ такимъ успѣхомъ старалась акклиматизировать во Франціи Катерина Медичи. Въ умѣ Карла VIII родились серьезныя опасенія за свою жизнь, за исходъ своего предвзята; многіе, видя вѣроломство и жестокость Итальянцевъ, стали отчаяваться въ успѣхъ⁴. Но легкомысленное честолюбіе Карла VIII, поддерживаемое, по всей вѣроятности, настояніями Людовика Мора, скоро разсѣяло опасенія, и Карлъ устремился далѣе во глубину полуострова.

Дорога въ Римъ, куда направился Карлъ VIII, шла черезъ Тоскану, главный городъ которой, Флоренція, въ XV вѣкѣ былъ средоточіемъ гуманистическаго движенія. Если вѣрить Макиавелли⁵, Флоренція обя-

¹Ibid I. 14.

²Commines, 430. Guicciardini I. 14.

³Guicciardini I. 82.

⁴Commines, 449.

⁵Machiavelli, Le islorie fiorentine, 4 edizione, I. II. 66.

зана своимъ происхожденіемъ древне-римскому городу Фіезоли, отличавшемуся выгоднымъ для торговли мѣстоположеніемъ, и потому быстро расширявшимъ свои предѣлы и свое населеніе. Около 1010 года Флоренція, отдохнувшая отъ многократныхъ вторженій варваровъ, начинаетъ приобрѣтать самостоятельность¹; съ этого же времени ведетъ начало продолжительная борьба партій, которая нѣсколько разъ готова была потопить Флоренцію въ крови ея гражданъ. Демократической партіи удалось наконецъ одержать верхъ надъ аристократической, и во Флоренціи утвердились республиканскія формы правленія. Каждый Флорентинскій гражданинъ имѣлъ право на участіе въ дѣлахъ правленія, хотя и во Флоренціи, какъ вездѣ, богатые и знатныя фамиліи имѣли перевѣсъ надъ простыми горожанами². Въ концѣ XIV столѣтія возвысилась во Флоренціи фамилія Медичи, которой суждено было играть важную роль въ исторіи Тосканы и всей Италіи. Джіованни Медичи, его сынъ Козимо, и внукъ послѣдняго Лоренцо представляютъ самыя блистательныя имена итальянскій исторіи времени возрожденія. Джіованни приобрѣлъ несмѣтныя богатства счастливыми коммерческими операціями и достигъ высшихъ служебныхъ почестей во Флоренціи; онъ до самой смерти пользовался безграничною любовью и уваженіемъ гражданъ. Сынъ его Козимо, счастливо слѣдуя политикѣ отца, придалъ новый блескъ своему дому щедрымъ покровительствомъ наукъ и искусству. Онъ взлѣлялъ дѣтство итальянскаго гуманизма, судьбы котораго остались тѣсно связанными съ судьбами дома Медичи. Внукъ Козимо, Лоренцо, еще съ большимъ успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ своего дѣда. Время, въ которое онъ стоялъ во главѣ флорентинской республики, совпадаетъ съ самой блестящей эпохой итальянской исторіи. То было время расцвѣта классическихъ студій,

¹Roscoe, Leben Lorenzo de' Medici, 2.

²Ibid 3-4.

когда знакомство съ древностью начинало уже фактически обнаруживаться во всѣхъ сферахъ итальянской жизни, когда идеи, почерпнутыя изъ изученія древняго быта, начали утилизироваться и создали удобства жизни, роскошь и великолѣпіе. Покровительствуя этому новому движенію, Лоренцо Медичи понималъ, что для процвѣтанія наукъ, искусствъ и спокойной общественной жизни, необходимо, чтобъ все кругомъ было мирно и безмятежно, чтобъ глубокая тишина царствовала на землѣ. Поэтому, всѣ политическія стремленія его клонились въ одну сторону — къ поддержанію всеобщаго мира въ Италіи, къ умиротворенію закоренѣлыхъ династическихъ и народныхъ антипатій на полуостровѣ¹. Великому Лоренцо Медичи была по плечу такая задача: пока онъ стоялъ во главѣ флорентинской республики, пока на него были обращены взоры всего полуострова, Италія наслаждалась глубокимъ миромъ и могла спокойно развивать свои духовныя силы, давно уже пришедшія въ напряженіе; но съ 1492 года, года смерти Лоренцо, положеніе дѣлъ измѣнилось. Геніальному, любезному, одаренному высокимъ дипломатическимъ тактомъ Лоренцо наслѣдовалъ сынъ его, бездарный, капризный, упрямый Петръ Медичи. Мѣсто искусной, основанной на дипломатіи, политики Лоренцо, заступило раздражительное своеволіе Петра. Лоренцо умѣлъ царствовать надъ Флоренціей, не оскорбляя народной гордости, не враждуя открыто съ республиканскими наклонностями гражданъ; Петръ захотѣлъ дѣйствовать, какъ наслѣдный государь, самовластно, деспотически и притомъ капризно. Несмотря на явную симпатію, какую обнаруживалъ флорентинскій народъ къ Французамъ, Петръ открыто принялъ сторону Неаполя и началъ во-

¹Guicciardini 1. 2. Лоренцо особенно заботился примирить Людовика Мора съ неаполитинскимъ домомъ, какъ бы предвидя, что эта вражда послужитъ источникомъ продолжительныхъ бѣдствій для Италіи. Ibid. 1. 6.

енныя приготовленія¹. Съ своими ничтожными средствами, парализованными, кромѣ того, неудовольствіемъ народа, онъ надѣялся противостоять стремительному шествію Карла VIII. Но обстоятельства приняли вскорѣ такой оборотъ, что Петръ Медичи долженъ былъ убѣдиться въ неисполнимости своихъ надеждъ: во Флоренціи разыгралась странная, невѣроятная драма, историческій смыслъ которой легко можно разгадать, но подробности и ходъ которой навсегда останутся самыми причудливыми эпизодами исторіи. Въ стѣнахъ Флоренціи, столицы итальянскаго гуманизма, раздался голосъ челоуѣка, предававшего анаѳемѣ и гуманизмъ, и науку, и искусство, и все движеніе эпохи возрожденія; и Флоренція, сначала изумленная, потомъ очарованная, не побила камнями, не предала осмѣянію дерзкаго пророка: она увлеклась его восторженною рѣчью, она рыдала и стонала вмѣстѣ съ нимъ, она отреклась отъ своего прошлаго, отъ себя самой; и когда, послѣ нѣсколькихъ годовъ увлеченія, пришло время отрезвиться, она ополчилась на своего пророка во имя того самаго принципа, который управлялъ всею его дѣятельностью: во имя оскорбленнаго католицизма.

Въ обзорѣ гуманистическаго движенія XV вѣка мы имѣли уже случай указать, какъ враждебно относилось это движеніе къ средневѣковому религіозному быту. Соблазнительная жизнь, примѣръ которой подали гуманисты, заразительно дѣйствовала на всѣ классы итальянскаго общества. Призывъ эпохи: „жить и наслаждаться жизнью“, сдѣлался девизомъ каждаго; всѣми овладѣло стремленіе къ достиженію матеріальныхъ благъ, къ артистическому наслажденію дарами природы, культъ Эпикура возрождался въ жизни, въ то время какъ Платонъ и Аристотель возрождались въ наукѣ. Особенно во Флоренціи, этомъ центрѣ гуманизма, порча

¹Guicciardini I. 53. 85.

нравовъ повела къ самымъ безотраднымъ явленіямъ. Брюто въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ состояніе флорентинскаго общества того времени: „Флорентинцы, употребляя всѣ усилія, чтобъ жить въ нѣгѣ и лѣни, пренебрегали завѣтомъ отцовъ и съ нестерпимой наглостью пролагали себе дорогу къ самымъ грубымъ и отвратительнымъ порокамъ. Отцы ихъ своими трудами, заботами и добродѣтелями возвеличили отечество; они же, напротивъ, утративъ всякій стыдъ, ничѣмъ не дорожили. Они предались игре, вину и самымъ грязнымъ наслажденіямъ. Не было такого порока, такого преступленія, которое не пятнало бы ихъ. Всеобщее презрѣніе къ закону и правосудію освобождало ихъ отъ страха наказанія. Храбрость замѣнилась у нихъ дерзостью и наглостью, вѣжливость — преступной угодливостью, любезность — болтовней и злословіемъ. Все дѣлалось медленно, вяло и беспорядочно рабами низости и лѣни¹.

Таково было безотрадное состояніе флорентинскаго общества, утопавшаго въ грубой чувственности, празднаго, корыстолюбиваго, эгоистическаго. Къ нему то обратился Савонарола съ достиженію матеріальныхъ благъ, къ артистическому наслаженію дарами природы; культъ своимъ грознымъ обличеніемъ.

„Флоренція, восклицалъ онъ, что ты сдѣлала? Если хочешь, я скажу тебе. Ты переполнилась беззаконіемъ, готовься къ великой карѣ. Господи! ты свидѣтель, что я силюсь поддержать эту падающую развалину; но слово мое безсилно для этого, а больше что могу я? Возстань ты, Господи! Разве ты не видишь, что мы становимся позоромъ міра? Сколько разъ я призывалъ тебя! Сколько было слезъ! сколько молитвъ! Гдѣ твое Провидѣніе? где твоя благодать? гдѣ твое правосудіе? Прости же на насъ всемогущую руку твою! Что до меня, то я не въ силахъ больше ничего сдѣлать; я не нахо-

¹Библ. для чт. 1860. № 9, стр. 3.

жу даже словъ, чтобы говорить. Мнѣ остается только плакать и заливаться слезами на этой каедрѣ. Сжался, сжался Господи!"¹.

Такъ плакалъ и молился вдохновенный проповѣдникъ, и его отрывистая, нервическая рѣчь, полная угрозъ и заклинаній, наполняла ужасомъ сердца Флорентинцевъ. Стыдъ, раскаяніе, страхъ суда Божьяго овладѣли ими. Совершилась странная метаморфоза. Столица Медичи, веселая вѣтрена, скептическая, развратная, превратилась въ монастырь. Пирь, карнавалы, затихли; богатство и пышность скрылись; предметы роскоши, перлы возрожденнаго искусства, запылали на кострахъ. Надъ блистательной Флоренціей, этимъ Парижемъ XV вѣка, воцарился суровый монахъ, и съ каедрь св. Марка раздалась его грозная проповѣдь:

„О прелаты, опоры церкви! взывалъ обличитель; о владыки! взгляните на этого священника, который проходитъ мимо насъ раздушенный, завитой, разряженный. Войдите въ домъ его: вы найдете тамъ столько же серебра, какъ у вельможи”; всюду ковры, бархатъ и подушки. А сколько у него собакъ, муловъ, лошадей и прислуги! Такимъ ли пышнымъ вельможамъ растворять двери церкви Божьей? Алчность ихъ ненасытна. Посмотрите: въ церквахъ все дѣлается за деньги. Корыстолюбіе звонитъ въ колокола, колокола сзываютъ деньги, хлѣбъ и свѣчи. Изъ за денегъ, ради плебеиды, священники ходятъ служить вечерни и обѣдни. Они не любятъ служить утреню, въ которую не раздается плебеиды. Они продаютъ бенефиціи, торгуютъ таинствами, обрядами погребенія и вѣнчанія. Они ничего не дѣлаютъ безъ денегъ. О, какъ великъ развратъ ихъ! Цѣлые дни они бѣгаютъ по кумушкамъ, да болтаютъ съ любовницами. Не позволяйте дѣтямъ вашимъ оставаться наединѣ съ ними... Сколько разъ въ числѣ пѣвчихъ видѣли пере-

¹Ibid. 1—4.

одѣтыхъ женщинъ, которыя подъ видомъ мальчиковъ прислуживали въ алтаряхъ".

„Вотъ идетъ эта овца, эта женщина, этотъ ребенокъ, заблудшійся въ грѣхахъ. Христось потерялъ ее. Еслибъ добрый пастырь нашель ее, онъ возвратилъ бы ее Христу. Худой же пастырь обольщаетъ ее, оправдываетъ, говорить ей: я знаю, я вѣрю, что нельзя уберечься отъ грѣха и цѣлый вѣкъ прожить благочестиво. Такъ мало по малу онъ привяжетъ къ себѣ овцу и заставитъ ее забыть Христа. Братъ, не берись за эти струны! Я никого не называю, и хочу сказать только правду. Худой пастырь прельщаетъ бѣдную овечку и до того кружитъ ей голову, что она становится безъ ума отъ него, а онъ доить ее и торгуетъ ея молокомъ. Всѣ города Италиі полны такихъ ужасовъ. Еслибъ вы знали все то, что я знаю! Отвратительныя вещи! Страшныя вещи! Вы содрогнулись бы! Когда я думаю обо всемъ этомъ, о той жизни, которую ведутъ священники, я не могу удержаться отъ слезъ"¹.

И вся Флоренція плакала вмѣстѣ съ Савонаролю... Она увѣровала въ вдохновеннаго пророка, грозныя предсказанія котораго сбывались передъ глазами цѣлаго свѣта. Она пошла за нимъ, она отдалась въ его руки, когда онъ спасъ ее своимъ заступничествомъ отъ хищности французскихъ войскъ, Съ этимъ новымъ авторитетомъ въ силахъ ли былъ бороться Петръ Медичи, бездарный и нелюбимый народомъ? При первомъ появленіи Карла VIII на границахъ Тосканы, имъ овладѣло малодушіе и нерѣшительность. Сначала, онъ предпринялъ нѣкоторыя военныя приготовленія и возвысилъ подати и налоги, но видя, что эти мѣры только усиливаютъ народное негодованіе, онъ рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ². Тайно бѣжавъ изъ Флоренціи, явился

¹Ibid. 12-13.

²Roscoe, Leon X. I. 195.

онъ съ немногочисленной свитой передъ французскимъ лагеремъ, и заключилъ съ Карломъ VIII постыдныя условія. Сарзана, Пиза, Либрафатта, Ливорно и Піетра-Санта были выданы Французамъ; кромѣ того, Петръ Медичи обязался снабдить Карла 200,000 дукатовъ.¹

Едва достигла Флоренціи вѣсть объ этомъ мало-душномъ договорѣ, какъ въ городѣ внезапно вспыхнула революція, Набатъ ударилъ тревогу, и негодующая толпа съ грозными криками ринулась ко дворцу Медичи. Подъ градомъ камней, сопровождаемый угрозами озлобленной черни, Петръ едва могъ пробраться въ свой великолѣпный палаццо. Между тѣмъ, распространившіеся слухи о приближенніи Карла VIII и о томъ, что Петръ приготовлялся подавить возстаніе вооруженною силою, увеличивали волненіе. Братъ Петра, кардиналъ Джіованни Медичи (впослѣдствіи папа Левъ X), скакалъ по улицамъ, крича *Palle, palle!* (девизъ дома Медичи) и бросая въ народъ деньгами; но озлобленная толпа преслѣдовала его бранью и угрозами. Петръ и его братья, Джіованни и Джуліано, были объявлены мятежниками и измѣнниками; народъ жегъ и грабилъ ихъ дворцы. Тогда Медичи, видя себя не въ силахъ бороться съ революціей, рѣшили оставить Флоренцію, и всѣ трое бѣжали въ Болонью².

Въ одинъ день съ революціей во Флоренціи, случилось въ Тосканѣ другое происшествіе, бывшее источникомъ продолжительныхъ смуть въ Италиі. Пизанцы, подпавшіе подъ власть Флорейтинцевъ и жестоко угнетаемые ими, давно уже мечтали возвратить себѣ независимость и освободиться изъ подъ ига своихъ притѣснителей. Походъ Карла VIII представлялъ имъ къ тому

¹Ibid.I 1 185. Leo, Geschichte der Italienischen Staaten, V. 81 sqq. Guicciardini I. 87.

²Guicciardini I. 90. Leo V. 82 sqq. Roscoe, Leon X. I. 197 sqq. Библ. для Чт. 1860. № 9. 17. Commines, 454 sqq.

удобный случай. Когда, 9 ноября, король шель къ обѣднѣ, многочисленная толпа народа окружила его съ громкими криками „свобода! свобода"! Мущины и женщины, со слезами на глазахъ, умоляли его освободить ихъ отъ ига Флорентинцевъ. Король, тронутый ихъ мольбами, и не вполнѣ сознавая всю важность такого поступка, обѣщаль дароватьимъ свободу¹. Услышавъ это, Пизанцы предались шумной радости: флорентійкіе гербы была сброшены со всѣхъ публичныхъ зданій, народъ бросился преслѣдовать ненавистныхъ флорентинскихъ чиновниковъ, которымъ удалось спастись только благодаря заступничеству Карла VIII².

17 ноября 1494 года, Карль VIII торжественно вступилъ во Флоренцію. Знатнѣйшіе граждане несли надъ его головою золотой балдахинъ, передъ нимъ несли ключи отъ городскихъ воротъ. Онъ въѣхаль верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ, какъ завоеватель; народъ всюду привѣтствовалъ его радостными криками³. На дверяхъ храмовъ и другихъ публичныхъ зданій вездѣ красовалась надпись: *Rex, rex et restauratio libertatis*⁴. Такой торжественный приѣмъ вскружилъ голову Карлу VIII: онъ предложилъ Флорентинцамъ условія, отнимавшія у нихъ всякую тѣнь политической самостоятельности. Но какъ ни страшно было флорентинскимъ гражданамъ расположившееся въ стѣнахъ ихъ города многочислен-

¹Leo V. 83. Roscoe, Leon X, I 200 Guicciardini I. 91 sqq. Commines, 453. По справедливому замѣчанію Коммина, Карль VIII не имѣль никакого права такъ самовластно распоряжаться отношеніями Пизанцевъ къ Флорентинцамъ, потому что Пиза была уступлена ему только до окончанія военныхъ дѣйствій.

²Ibid. ibid. ibid.

³Commines, 457. Библ. для чт. 1860. № 9. 18 Guicciardini I. 95 sqq. Mem. d'un part. 186.

⁴Burchard, Diarium, 233 (Помѣщ. въ Archives curieuses de l'histoire de France, I-re serie, t. I.).

ное и хорошо вооруженное французское войско, они не хотѣли слышать о зависимости. Когда Карль VIII, въ засѣданіи флорентинской синьоріи, напрасно истощивъ всѣ увѣщанія, грозилъ затрубить въ трубы, „мы ударимъ въ набать!“ воскликнулъ депутатъ Петръ Каппони, и разорвалъ въ клочки договорный актъ, предложенный Карломъ¹. Устрашенный этимъ смѣлымъ поступкомъ, Карль VIII быстро умѣрилъ свои требованія. Условія, заключенныя имъ наконецъ съ синьоріей, признавали Флоренцію другомъ и союзницею Франціи, и подтверждали занятіе французскимъ гарнизономъ Пизы и Ливорно до окончанія неаполитанской кампаніи².

Съ этихъ поръ, быстрые успѣхи Карла VIII начинаютъ сильно беспокоить итальянскихъ государей. Раздѣленные взаимною враждою, ослѣпленные личными, временными интересами, они сначала съ безпечностью слѣдили за движеніемъ французскихъ войскъ и допустили чужеземного завоевателя проникнуть во глубину полуострова; но теперь, когда успѣхъ всюду слѣдовалъ за французскими орлами, когда итальянскіе города одинъ за другимъ подпадали, хотя и временно, подъ власть иностранцевъ, когда обнаружилось во всемъ объемѣ безграничное честолюбіе Карла VIII — теперь итальянскіе государи стали раскаиваться въ своей опрометчивости, и со страхомъ слѣдить за побѣднымъ шествіемъ Карла³. Въ особенности Людовикъ Моръ, хитрый и проницательный дипломатъ, былъ сильно встревоженъ успѣхами Французовъ; онъ первый понялъ, въ какую громадную ошибку впалъ онъ, призвавъ въ предѣлы Италіи честолюбиваго завоевателя, и принялся вести дѣятельныя интриги противъ своего союзника. Обстоятельства благопріятствовали ему: быстрые

¹Guicciaridini I. 97.

²Ibid. I. 98.

³Ibid. I. 99. Commynes, 485.

успѣхи и худо скрываемыя честолюбивыя замыслы Карла встревожили короля испанскаго, который боялся за Сицилію и Сардинію, и короля римскаго Максимилиана, который не безъ основанія опасался, чтобы Карль VIII не принудилъ папу вѣнчать его императорскою короною. Всѣ трое, Людовикъ Морь, Максимилианъ и Фердинандъ Католическій, король испанскій, движимые одинаковыми побужденіями, рѣшились совокупными усиліями остановить успѣхи Французовъ въ Италіи. Тетраграмъ переговоровъ избрана была Венеція. Туда съѣхались посланники трехъ договаривавшихся сторонъ и составили планъ лиги между Испаніей, имперіей, Миланомъ и Венеціей. Этотъ планъ начертанъ былъ передъ глазами Коммина, французскаго посланника въ Венеціи, который однакоже не сумѣлъ воспользоваться своимъ открытіемъ, и успокоенный простымъ увѣреніемъ, что союзъ заключается не противъ Карла VIII, а противъ Турокъ, ожидалъ сложа руки окончанія переговоровъ¹. Къ какимъ результатамъ привела эта первая международная лига, въ которой коренится источникъ идеи политическаго равновѣсія, мы увидимъ ниже. Между тѣмъ Карль VIII подвигался все далѣе на югъ полуострова. Пришло время встревожиться и задуматься папѣ, во владѣнія котораго вступалъ уже французскій авангардъ. На папскомъ престолѣ возсѣдалъ въ то время Александръ VI изъ дома Борджіа, со временъ Валтассара

¹Commines, 486 sqq. Образъ дѣйствія Коммина во время пребыванія его въ Венеціи въ качествѣ посланника всего лучше опредѣляетъ, какъ далеко опередили тогда итальянцы французовъ въ дипломатическомъ искусствѣ. Комминъ является здѣсь честнымъ добрякомъ довольно ограниченнаго ума, совершенно растерявшимся среди интригъ, которыми опутали его соотечественники Макиавелли. Онъ простодушно вѣритъ всѣмъ на слово, дѣйствуетъ безъ такта, горячится и важничаетъ, и заботится прежде всего о поддержаніи достоинства своего короля.

Коссы самый порочный изъ римскихъ первосвященниковъ. „Онъ былъ, говорить Гвиччардини, зараженъ пороками, которыхъ не могли искупить всѣ его достоинства. Онъ былъ одаренъ рѣдкими способностями и пронизательностью: блисталь въ совѣтахъ и, обладая искусствомъ вліять на умы посредствомъ убѣжденія, умѣль вести дѣла съ изумительною ловкостью и быстротою. Но эти качества были помрачены порочными нравами: лживый, безстыдный, хитрый, вѣроломный, безбожный, одержимый ненасытною алчностью, пожираемый честолюбіемъ, онъ былъ жестокъ выше варварства (*crudelia; più che barbara*) и думаль только о возвышеніи своихъ незаконныхъ дѣтей, ради которыхъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать“¹.

Вступленіе на папскій престоль Александра VI, приключившееся въ одинъ годъ со смертью Лоренцо Медичи, распространило панической страхъ между Итальянцами, хорошо знавшими характеръ новаго первосвященника. Принимая эту вѣсть, Фердинандъ неаполитанскій прослезился и пророчески предсказаль, что избраніе Александра VI нарушить покой не только Италіи, но всего христіанскаго міра². Дѣйствительно, съ 1492 года начинается для Италіи рядъ бѣдствій, разрушившихъ ея такъ недавно и такъ пышно расцвѣтшее благосостояніе, и въ которыхъ Александръ VI принималь зловѣщее участіе. Миръ, поддерживаемый до того времени стараніями Лоренцо Медичи, встрѣтилъ злѣйшаго врага себѣ въ Александрѣ VI. Новый папа, корыстолюбивый интригантъ, заботившійся только о земныхъ стяжаніяхъ и о возвышеніи своихъ nepoтoвѣ, которыхъ онъ не стыдись, открыто, называль своими дѣтьми, завязаль цѣлую сѣть интригъ, тяжело отозвавшихся на судьбахъ полуострова. Еще въ первый годъ

¹Guicciardini I. 7.

²Roscoe. Leon X. I. 141.

своего первосвященства, Александръ VI разсорился съ неаполитанскимъ домомъ за то, что герцогъ калабрійскій Альфонсъ, по смерти Фердинанда (21 января 1491) вступившій на престоль неаполитанскій, не согласился выдать свою дочь за одного изъ сыновей папы. Сверхъ того, Александръ VI боялся Альфонса, потому что тотъ имѣлъ на жалованьи Виргилія Орсино, сильнаго своей дружбой съ Петромъ Медичи и поддерживаемаго гвельфской партіей, и двухъ Колонна, Проспера и Фабриція, къ которымъ папа, какъ владѣтель Романьи, находился въ сузеренныхъ отношеніяхъ¹. Среди такихъ условій Александръ VI легко сдался на увѣщанія Людовика Мора, убѣждавшаго его заключить съ нимъ лигу для взаимной обороны своихъ владѣній, косвеннымъ образомъ направленную противъ неаполитанскаго дома. Къ этой лигѣ, заключенной 21 апрѣля 1493 года², приступила также Венеція, находившаяся въ то время въ зенитѣ своего могущества. Но Александръ VI, будучи дальновиднѣе своихъ союзниковъ, старался, на сколько это было возможно, воздерживаться отъ участія въ предпріятіяхъ лиги; такъ напр. предвидя, къ какимъ опаснымъ результатамъ можетъ повести похідь Карла VIII, онъ отказался присоединить свой голосъ къ посольству Людовика Мора, звавшаго французскаго короля въ Италію³. Такимъ образомъ, отношенія папы къ Карлу VIII были довольно неопредѣленны, и оба они недоувѣряли другъ другу и боялись одинъ другаго. Карлу VIII, имѣвшему въ виду завоеваніе Неаполя, было очень

¹Cuicciardini I. 15, Roscoe, Leon X. I. 149,

²Guicciardini I. 16.

³Гвиччардини и многіе др. современные лѣтописцы, напротивъ, говорятъ положительно, что Александръ VI одобрялъ и возбуждалъ Карла VIII къ неаполитанскому походу; но Роско (Leon X, I. 167. note) подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность этихъ свидѣтельствъ, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе основаніями, заслуживающими полнаго вниманія.

важно обезпечить себя со стороны римскаго первосвященника и обезопасить свой тылъ; Александръ VI, въ свою очередь, недовѣрчиво и подозрительно смотря на завоевательные планы Карла, и опасаясь, чтобы воинственный король не утвердилъ навсегда своего вліянія въ Италиі, не безъ боязни ожидалъ появленія его въ Римѣ. По мѣрѣ приближенія Французовъ къ вѣчному городу, этотъ страхъ все усиливался. Напрасно Карль VIII отправилъ къ папѣ посольство съ увѣреніемъ, что онъ ничего не желаетъ, кромѣ свободнаго пропуска французскихъ войскъ черезъ владѣнія первосвященника; Александръ VI, оставленный безъ друзей, безъ союзниковъ, окруженный непріязненными вассалами и негодующимъ духовенствомъ, мучимый угрызеніями совѣсти и страхомъ за свою участь, при вступленіи Карла VIII въ Римъ бѣжалъ изъ города и заперся въ крѣпости св. Ангела¹.

Карль VIII вступилъ въ Римъ 31 декабря 1494 г. верхомъ на конѣ, въ полномъ вооруженіи², всюду встрѣчали его съ великими почестями. Кардиналы, находившіеся въ Римѣ, спѣшили посѣтить его и заявить ему о своемъ уваженіи. Самъ же Карль VIII, упоенный быстрыми успѣхами, держалъ себя со всѣми гордо и пренебрегалъ правилами римскаго этикета, къ великому огорченію Бурхарда, церемоніймейстера папскаго двора, оставившаго любопытную хронику Александра VI³.

¹Guicciardini I. 101 sqq.

²Ibid I. 04.

³Burchard, 270 sqq. Diarium Бурхарда, до сихъ поръ еще не изданный вполне, представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ конца XV и начала XVI вѣка Съ достовѣрностью сообщаемыхъ имъ свѣдѣній онъ соединяетъ дѣтскую наивность изложенія, которая рѣзко отличаетъ его отъ дипломатическихъ и полныхъ резонерства разсказовъ Гвиччардини и Макиавелли. Мы пользовались этимъ

Французскіе солдаты также очень дурно заявили себя въ Римѣ: дневникъ Бурхарда наполненъ разсказами о насиліяхъ и безчинствахъ, которыя совершались ими ежедневно въ вѣчномъ городѣ. Они силою врывались въ дома, выламывали двери и окна, выгоняли оттуда людей и скоть, выбрасывали мебель, жгли дрова, пили и ѣли до пресыщенія, не платя денегъ¹. Французскіе квартирмейстеры распорядились въ Римѣ постоемъ, какъ въ завоеванномъ городѣ. „Однажды, разсказываетъ Бурхардъ, возвратившись къ себѣ послѣ обѣдни, я засталъ дома семерыхъ Французовъ которые, вопреки моему приказанію, но съ вѣдома и согласія Марка Себаляда, начальника нашего квартала, вошли въ мой домъ съ восемью лошадьми в выгнали муловъ и ословъ, находившихся въ моихъ конюшняхъ, чтобъ поставить тамъ своихъ коней, которые стали ѣсть мое сѣно. Одинъ виконтъ завладѣлъ моей комнатою; другой офицеръ занялъ комнату Андрея Арбурина, медика, жившаго у меня уже нѣсколько лѣтъ; зала внизу, гдѣ помѣщались мои люди, и остальные комнаты были заняты людьми этихъ Французскихъ дворянъ”². Подобныя сцены ежедневно во происходили всемъ городѣ. Солдаты бродили по улицамъ, грабя дома и убивая жителей; какъ мало обращали они вниманія на папу и его приближенныхъ, видно изъ того, что въ числѣ разграбленныхъ домовъ находился домъ Розы Ванотцы, любовницы Александра VI, матери его пятерыхъ nepoтoвъ³. Надо замѣтить, впрочемъ, что Карль VIII не оставался равнодушнымъ зрителемъ подобныхъ безпорядковъ: онъ приказалъ выставить на стѣнахъ города плакардъ, грозившій смертию всякому, кто силою ворвется

драгоценнымъ памятникомъ въ отрывкахъ, находящихся въ Archives curieuses de l'histoire de France и въ приложеніяхъ къ Гордону (Vie du pape Alexandre VI) и Роско (Leon X).

¹Burchard, 272.

²Ibid, 272 sqq.

³Ibid 274.

въ чужой домъ, и учредилъ полицейскіе суды въ нѣсколькихъ кварталахъ¹.

Между тѣмъ папа, запершійся, какъ мы сказали, въ крѣпости св. Ангела, завязалъ переговоры съ Карломъ VIII. Послѣ ряда взаимныхъ уступокъ и интригъ со стороны Александра VI, договоръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Папа уступалъ Карлу, впредь до окончанія неаполитанской кампаніи, Чивита-Веккію, Террачину и Сполето², объявлялъ амністію кардиналамъ и баронамъ церковной области, принявшимъ сторону Французовъ, и обязывался даровать Карлу VIII инвеституру королевства неаполитанскаго³. Къ этимъ тремъ условіямъ присоединялось еще четвертое, которому приписывали тогда великую важность, но которое осталось безъ всякихъ послѣдствій. Условіе это заключалось въ выдачѣ Карлу VIII Зизима (иначе назыв. Жемъ и Зизимъ), брата Баязета II, царствовавшаго въ Константинополѣ по смерти Магомета II. Судьба этого Зизима представляетъ печальный эпизодъ въ исторіи переходнаго времени. Бывъ, при жизни Магомета II, султаномъ Караманіи, онъ хотѣлъ и по смерти его удержать за собою эти владѣнія; но, разбитый братомъ Баязетомъ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ и бѣжать на островъ Родосъ. Пьеръ д'Обюссонъ, гроссмейстеръ іоаннитскихъ рыцарей, понимая всю выгоду, какую могъ извлечь его орденъ изъ царственного гостя, задержалъ его плѣнникомъ. Нѣсколько лѣтъ томился Зизимъ въ темницахъ ордена, перевозимый изъ замка въ замокъ, изъ города въ городъ, и возбуждая всюду любопытство и участіе. Баязетъ II предлагалъ Карлу VIII, во владѣніяхъ котораго содержался въ послѣднее

¹Ibid. 272 Foncemagne, 551 sqq.

²Сполето, вопреки договору, не былъ сданъ Французамъ.

³Guicciardini I. 105.

время Зизимъ, огромную сумму денегъ за выдачу злополучнаго плѣнника; но Карль отправилъ его въ Римъ, по настоятельной просьбѣ папы Иннокентія VIII¹. Во время неаполитанскаго похода, когда Карль VIII торжественно вступалъ въ Римъ, Александръ VI, спасаясь въ замкъ св. Ангела, захватилъ туда съ собою и Зизима; но Карль VIII, который смотрѣлъ на неаполитанскую кампанію только какъ на прологъ къ завоеванію Константинополя и Иерусалима, хорошо рассчиталъ, какую выгоду можетъ доставить ему обладаніе Зизимомъ въ этихъ предпріятіяхъ, и потому въ числѣ условій, предложенныхъ имъ папѣ, поставилъ на первомъ планѣ выдачу турецкаго принца. Злополучный Зизимъ не долго, впрочемъ, находился въ обладаніи Карла VIII: въ февраль 1495 года онъ умеръ жертвою отравы, въ которой голосъ современниковъ обвинялъ Александра VI².

Карль VIII находился еще въ Римѣ, когда достигла до него вѣсть о томъ, что Альфонсъ II, король неаполитанскій, отрекся отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда³. Современники не говорятъ опредѣлительно, что было причиною отреченія, но догадаться о томъ не трудно. Продолженіе дѣлъ въ Неаполѣ, въ виду грознаго приближенія Французовъ, было такъ затруднительно, что Альфонсу II не оставалось никакой надежды сохранить за собою государство, уже отдѣленное отъ него народною ненавистью. Арагонскій домъ, при своихъ послѣднихъ представителяхъ, потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ неаполитанскаго населенія. Всѣ историки единогласно говорятъ о безразсудныхъ и жестокихъ дѣйствіяхъ Фердинанда I и Альфонса II. Ком-

¹Michaud, Histoire des Croisades, IV. 34—40.

²Ibid. IV. 4G. Говорили, что Баязетъ обѣщаль папѣ большую сумму денегъ, если онъ избавитъ его отъ Зизима, опаснаго по своимъ притязаніямъ.

³Burchard, 502.

минь представляеть длинный списокъ жертвъ, погибшихъ мучительною смертью въ душныхъ темнипахъ Неаполя. Люди безъ религіи, безъ совѣсти, безъ благородія. Фердинандъ и Альфонсъ не заботились сдерживать свои порочные инстинкты. Фердинанду недоступно было чувство состраданія даже въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ родственникамъ и друзьямъ; мысль о благѣ народномъ не западала въ его голову. Корыстолюбіе его не знало границъ и побуждало его къ самымъ безчестнымъ поступкамъ. Богатыхъ подданныхъ онъ силою заставляль ссужать его деньгами, скупаль по дешевой цѣнѣ жатвы и потомъ продаваль хлѣбъ въ три дорога. Народъ заставляли силою покупать всѣ продукты у короля, и если кто пускаль свой хлѣбъ въ продажу по болѣе умѣренной цѣнѣ, того тѣми же насильственными средствами принуждали прекратить торговлю. У зажиточныхъ вассаловъ отбирали скотъ, и отправляли его пастись на чужія поля. Личность подданныхъ была также мало обеспечена, какъ и собственность. Альфонсъ II безъ суда, безъ законнаго предлога, заключаль въ темницы и казнилъ смертью знатныхъ вельможъ, мстилъ дѣтямъ за проступки отцовъ, насилываль женщинъ¹. Народъ, томившійся подъ гнетомъ невыносимой тираніи, платилъ за него правительству чувствомъ злобы и ненависти. Приближеніе Французовъ оживило его надеждою на лучшую участь: въ немъ воскресли воспоминанія о короляхъ Французской династіи, и эти воспоминанія, при сравненіи съ настоящимъ, принимали самый радостный колоритъ. Сочувствіе къ Франціи и ненависть къ настоящей династіи обнаружились съ такою угрожающею очевидностью, что Альфонсъ II потеряль присутствіе духа и рѣшилъ бѣжать изъ Неаполя. „Развѣ не слышите вы, какъ каждое дерево, каждый камень кричить: Франція! Франція!“ — говорилъ онъ своей тещѣ, когда та медлила отъѣздомъ. Съ крайнею поспѣшно-

¹Commines, 463 sqq. Guicciardini I. 25.

стью, едва успѣвъ захватить съ собою часть казны и кое-какія драгоцѣнности, бѣжалъ Альфонсъ II въ Сицилію, въ монастырь оливетанскаго ордена, и тамъ провелъ послѣдніе дни свои въ раскаяніи и религіозныхъ упражненіяхъ¹.

Сынъ Альфонса, Фердинандъ, немедленно занялъ упразднившійся престоль. Въ званіи короля онъ объѣхалъ Неаполь, торжественно принялъ присягу, освободилъ вельможъ, безъ вины заточенныхъ его отцомъ, возвратилъ имъ конфискованныя имущества, даровалъ многія льготы народу и казнилъ смерью нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ Французами². Ободренный надеждою, что съ отреченіемъ Альфонса II затихла народная ненависть къ арагонской династіи, онъ немедленно занялся приготовленіями къ защитѣ королевства. На пути, по которому должны были слѣдовать Французы изъ Рима въ Неаполь, находился сильно укрѣпленный городокъ Санъ-Жермано, хорошо приспособленный къ оборонѣ. Съ одного фланга защищали его болота, съ другой группа холмовъ, повелѣвавшая окрестностью; передъ нимъ протекала небольшая рѣчка, мѣстами глубокая, мѣстами представлявшая бродъ. Въ этой позиціи, служившей ключемъ къ королевству, расположился укрѣпленнымъ лагеремъ Фердинандъ. Собранныя имъ силы состояли изъ 6000 человѣкъ пѣхоты и пятидесяти кавалерійскихъ отрядовъ³. Какъ ни ничтожны были эти силы, но принякая въ соображеніе выгоды позиціи и начинавшееся уже на сѣверѣ полуострова грозное движеніе противъ Карла VIII, нельзя не предположить, что Фердинандъ имѣлъ возможность остановить наступательное шествіе Французовъ, и дать время членамъ лиги собраться съ силами

¹Commines, 467 sqq. Guicciardini I. 107-108.

²Burchard, 302. Roscoe, Leon X, I. 229.

³Roscoe I. 250. Commines, 469.

для соединенной борьбы съ завоевателемъ. Но въ характерѣ мододаго короля Неаполитанскаго не доставало личнаго мужества и энергіи. Узнавъ, что Карль VIII, 28 января 1495 года выступившій изъ Рима, приближается къ Санъ-Жермано, Фердинандъ покинулъ избранную имъ позицію и бѣжалъ въ Капуу¹. Онъ отступалъ съ такою поспѣшностью и въ такомъ безпорядкѣ, что Французы, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ, захватили часть его артиллеріи². Въ Капуѣ пришла къ Фердинанду вѣсть, что въ Неаполѣ вспыхнуло возмущеніе. Испуганный король, передавъ начальство надъ войскомъ генералу Тріульци, поспѣшилъ въ столицу; а Тріульци въ тотъ же день сдалъ Капуу Карлу VIII и перешелъ подъ его знамена. Такимъ образомъ, судьба королевства была рѣшена. Безъ войска, безъ денегъ, безъ союзниковъ, Фердинандъ не могъ долѣе оставаться въ Неаполѣ, которому грозило приближеніе непріятели, въ которомъ кипѣло народное волненіе, и бѣжалъ въ Сицилію, къ своему отцу³.

Съ удаленіемъ Фердинанда II, быстро покорилося Французамъ все королевство. Двѣ цитадели въ Неаполѣ, въ которыхъ заперлась часть гарнизона, сдались послѣ трехдневной каноннады⁴. Карль принялъ присягу отъ бароновъ и совершилъ торжественный въѣздъ въ Неаполь. Одѣтый въ широкій пурпуровый плащъ, съ императорскимъ скипетромъ и державой въ рукахъ, въ золотой коронѣ, осыпанной драгоценными камнями⁵, король объѣхалъ улицы завоеванной столицы, сопровождаемый радостными восклицаніями толпы.

Но пока Карль VIII торжествовалъ быстрые ус-

¹Commines 473. Roscoe, Leon X. I. 235.

²Ibid. ibid.

³Guicciardini I. 110—116.

⁴Ibid. I. 134.

⁵Mem. . d'un part. p. 187. 188.

пѣхи своего оружія, положеніе дѣль на сѣверѣ принимало грозный для него оборота. Непрерывный рядъ успѣховъ, сопровождавшихъ французское знамя, образумилъ наконецъ итальянскихъ государей. Честолюбивые замыслы Карла VIII, который не хотѣлъ вывести свои гарнизоны изъ уступленныхъ ему на время тосканскихъ и романскихъ городовъ; и отказался подъ разными предлогами дать Людовику Мору княжество тарентское, какъ это было обѣщано по предварительному договору, встревожили всѣхъ владѣтельныхъ князей въ Италиі. Священная лига, о которой мы упоминали выше, и къ которой присоединился папа Александръ VI, приступила наконецъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Карла VIII. Положено было, что Фердинандъ II, который началъ уже интриги въ Калабріи, воспользуется испанскимъ флотомъ для обратнаго завоеванія королевства; что Венеціанцы будутъ содѣйствовать ему при блокадѣ приморскихъ крѣпостей; что герцогъ Миланскій, для пресѣченія сообщеній Карла VIII съ Франціей, овладѣетъ городомъ Асти, въ которомъ стоялъ тогда съ малочисленнымъ гарнизономъ герцогъ Орлеанскій, будущій Людовикъ XII. Союзники предполагали, кромѣ того, снабдить деньгами короля Испанскаго и Максимилиана, которые обязывались за то внести войну въ предѣлы Франціи¹. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ смутила Карла VIII, который и безъ того чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи въ виду народнаго неудовольствія, открыто обнаружившагося по поводу его первыхъ распоряженій въ Неаполь. Карль VIII обманулъ ожиданія неаполитанскихъ бароновъ: они надѣялись получить отъ него больше лены въ вознагражденіе за свою измѣну аррагонской династіи, и вмѣсто того увидѣли, что владѣнія ихъ конфискованы и розданы генераламъ и миньйонамъ Карла². Французскіе

¹Guicciardini II. 141. Roscoe, Leon X, I. 245 sqq.

²Roscoe, Leon X. I. 247.

солдаты, разсѣявшись по провинціямъ, производили всюду безчинства и насилія, возбуждавшія народную ненависть. Самъ Карль VIII, пренебрегая мѣрами, необходимыми для упроченія его власти въ завоеванномъ королевствѣ, предавался развратнымъ увеселеніямъ¹. Офицеры и солдаты молодого короля слѣдовали его примѣру: пользуясь слабостью Итальянокъ и заводя съ ними непрерывныя интриги, они возбуждали чувство злобной ненависти въ неаполитанскомъ Народѣ, чувство, которое готово было принять грозные размѣры. Одинъ французскій хроникеръ рассказываетъ, что во время пребыванія Карла VIII въ Неаполѣ, какой-то итальянскій дворянинъ былъ казненъ за то, что убилъ французскаго пажа и сожралъ его сердце²: подобныя проявленія мести должны были служить грозными симптомами для Французовъ. Когда же критическое положеніе Карла VIII въ Неаполѣ усилилось, кромѣ того, вѣстью о намѣреніяхъ священной лиги, король рѣшился, не медля долѣе, вернуться обратно во Францію. Такъ какъ онъ оставлялъ въ Неаполѣ значительную часть своего войска, то очевидно, что онъ спѣшилъ во Францію только для того, чтобы усилить свои средства и вновь возвратиться въ Италію; извѣстно по крайней мѣрѣ, что даже и тогда, когда ни одного французскаго воина не оставалось уже въ Неаполѣ, Карль VIII не терялъ надежды вторично за-воевать разъ утраченное королевство.

Оставивъ часть войска въ Неаполѣ и главныхъ крѣпостяхъ королевства и передавъ управленіе завоеванной провинціей Гильберту Монпансье³, Карль VIII,

¹Ibid.

²Mem. d'un part. 185.

³Commines, 495. Guicciardini II. 146. Andre de Vigne, Vergier d'honneur du roy Charles VIII. (Помѣщено въ Archives curieuses de l'histoire de France, 1-re serie, t. I.) p. 364.

съ остальнымъ войскомъ, выступилъ изъ Неаполя. Но еще за нѣсколько дней до выступленія французовъ, Фердинандъ II, подкрѣпленный испанскими вспомогательными войсками, прибывшими къ нему въ Сицилію, высадился въ Калабріи. Городъ Реджіо немедленно сдался ему; значительная часть населенія приняла его сторону. Въ то же время Венеціанцы высадили въ Апуліи значительный десантъ, подъ предводительствомъ Антоніо Гримани¹. Кромѣ иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, подъ знаменами Фердинанда стояло до 6, 000 неаполитанскаго ополченія. Съ этими силами рѣшился онъ отвоевать у Французовъ свое королевство. Борьба велась съ переменными успѣхомъ. Фердинандъ овладѣлъ Реджіо и сосѣдними крѣпостями, вслѣдствіе чего почти половина королевства поднялась на его защиту; но вскорѣ Французы, подъ предводительствомъ д'Обиньи, нанесли жестокое пораженіе соединенному неаполитано-испанскому войску, предводимому самимъ Фердинандомъ и Гонзальвомъ Кордуанскимъ. Самъ король, подъ которымъ въ пылу битвы убита была лошадь, спасся только благодаря преданности одного пажы, пожертвовавшаго ради него собственной жизнью. Съ поля битвы Фердинандъ бѣжалъ въ Пальму, крѣпость на берегу моря, а оттуда немедленно переправился въ Сицилію. Тамъ снарядилъ онъ значительный флотъ и пошелъ съ нимъ къ Неаполитанской гавани. Монпансье, устрешенный приближеніемъ Фердинанда и враждебнымъ расположеніемъ умовъ въ городѣ, поспѣшилъ вывести французскія войска изъ Неаполя. Тогда Фердинандъ II высадился на берегъ и торжественно вступилъ въ свою столицу (7 іюля 1495). Жители всюду встрѣчали его съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Дамы усыпали цвѣтами дорогу, по которой шель король, и самыя знатнѣйшія изъ нихъ спѣшили обнять его и отереть потъ съ

¹Guicciardini II. 146.

его лица¹. Французы, потерявъ Неаполь, держались еще нѣкоторое время въ Кастельнуово, сильно укрѣпленномъ замкѣ, находившемся въ незначительномъ разстояніи отъ столицы; но скоро, доведенные до истощенія недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и деморализованные неудачнымъ покушеніемъ овладѣть Неаполемъ, принуждены были выйдти изъ крѣпости. Монпансье выступилъ изъ Кастельнуово съ 2500 ч. войска и удалился въ Салерно, а оттуда въ укрѣпленный городъ Ателлу. Здѣсь осадилъ его Гонзальво Кордуанскій и принудилъ къ капитуляціи. Французскій гарнизонъ былъ отведенъ плѣннымъ въ Неаполь, а оттуда на островъ Прочиду, гдѣ голодъ, чума и болѣзни истребили болѣе двухъ третей его. Въ числѣ погибшихъ такимъ образомъ находился и самъ Монпансье. Одинъ д'Обиньи, который нѣкоторое время счастливо боролся съ Фердинандомъ въ Калабріи, успѣлъ отвезти свое изнуренное войско во Францію². Такъ быстро потеряли Французы быстро завоеванное ими королевство Неаполитанское.

Между тѣмъ Карль VIII, выступившій, какъ мы уже видѣли, изъ Неаполя, медленно возвращался во Францію. Онъ шель тою же дорогою, по которой, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, съ надеждою и упованіемъ стремился къ выполненію своихъ честолюбивыхъ плановъ. Но теперь шествіе его было далеко не такъ торжественно. Своеволіе и буйство Французовъ научило Итальянцевъ ненавидѣть ихъ, а печальный исходъ предпріятія служилъ темою для насмѣшекъ. „Французы пришли на завоеваніе Неаполя съ мѣломъ въ рукахъ, чтобъ отмѣчать квартиры подъ построй", говорили Итальянцы, намекая на легкомысліе и самоувѣренность

¹Ibid. II. 178-180.

²Commines, 559. Roscoe, Leon X. I. 172—274. Guicciardini II. 183. sqq.

Карла VIII¹. Впрочемъ, страхъ французскаго оружія, и еще болѣе боязнь честолюбивыхъ замысловъ Карла, продолжали еще сильно дѣйствовать на умы итальянскихъ государей. Папа поспѣшилъ удалиться въ Орвieto при приближеніи Карла VIII; Флоренція выслала ему на встрѣчу Савонаролу, ходатайствовать о возвращеніи крѣпостей, занятыхъ французскими гарнизонами; Пиза ходатайствовала передъ нимъ о возвращеніи ей свободы, угрожаемой корыстолюбиемъ Флорентинцевъ. Карль VIII вель себя также, какъ и вначалѣ предпріятія: держалъ себя гордо съ итальянскими государями, безопасно выслушивалъ донесенія своихъ пословъ и предавался легкомысленнымъ увеселеніямъ. Не смотря на то, что, въ виду грозныхъ приготовленій, совершавшихся на сѣверѣ Италіи, каждый замедленный шагъ могъ служить гибелью для Французовъ, Карль VIII пробылъ безъ нужды нѣсколько дней въ Сіенѣ, гдѣ задержала его красота тамошнихъ женщинъ и роскошные праздники², Сюда прибылъ къ нему Филиппъ Комминъ, бывшій посломъ въ Венеціи, и сообщилъ ему о положеніи дѣлъ въ Ломбардіи. Доставленныя имъ свѣдѣнія должны были сильно встревожить Карла VIII. Члены священной лиги принимали дѣятельныя мѣры для того, чтобы воспрепятствовать Французскому войску возвратиться въ отечество. Людовикъ Моръ, душа лиги, приводилъ къ концу свои обширныя военныя приготовленія. Въ собственныхъ владѣніяхъ онъ собралъ многочисленное, хорошо вооруженное войско и снарядилъ четырнадцать судовъ для защиты Генуи; кромѣ того, онъ послалъ вербовать для себя въ Германіи 2000 ландскнехтовъ, которыхъ предназначалъ для взятія Асти, защищаемаго герцогомъ Орлеанскимъ³. Но силы Людовика Мора составляли только четвертую часть тѣхъ, которыя собраны

¹Mem. d'un part. 197. Commines, 466.

²Guicciardini II. 151. Soscoe, Leon X, I. 255.

³Guicciardini II. 152 sqq.

были Венеціанцами¹. Богатая республика не щадила денегъ для предпріятій лиги, которымъ она такъ сочувствовала. Она вооружила, кромѣ морской эскадры, значительное пѣхотное войско, и призвала подъ свои знамена 2000 страдіотовъ, легкихъ албанскихъ наѣздниковъ, на долго оставившихъ память по себѣ въ Италиі². Таковы были силы союзниковъ, въ іюль 1495 сосредоточившіяся въ пармскомъ округѣ, на берегахъ рѣки Таро, и рѣшившіяся пресѣчь здѣсь отступление Французской арміи.

4 іюля рано утромъ французскій авангардъ, предводимый маршаломъ Жіе, спустился съ отлогости Аппенинъ и завялъ позицію въ Форново³. Это было небольшое мѣстечко, похожее на деревню⁴ защищенное съ одной стороны горами, съ другой горнымъ потокомъ Таро, впадающимъ въ рѣку По. Итальянцы, которые еще прежде Французовъ прибыли въ Форново, не рѣшились занять этой позиціи, потому что она представляла мало выгодъ для генеральной битвы, и стали лагеремъ въ 3 миляхъ оттуда, въ долинѣ гіяруольскаго аббатства; но маршалъ Жіе, имѣя передъ собою многочисленнаго непріятеля, по необходимости долженъ былъ остановиться въ Форново и ждать здѣсь прибытія главнаго войска⁵. Союзники могли бы безъ труда истребить малочисленный авангардъ, запертый въ этомъ узкомъ дефилеѣ, но не имѣя точныхъ свѣдѣній о числѣ непріятеля и не зная, какъ далеко опередилъ авангардъ главную армію, не рѣшились произвести нападеніе. Маршалъ Жіе, съ своей стороны, понимая опасность своего положенія, старался выиграть время переговорами, и вы-

¹Ibid. II. 159.

²Ibid.

³Ibid.

⁴Desrey, 218.

⁵Guicciardini II. 159.

слалъ впередъ, для рекогносцировки, небольшой отрядъ кавалеріи; но Итальянцы, наблюдавшіе за движеніями непріятели, выслали на встрѣчу эскадронъ страдіотовъ, которые обратили въ бѣгство Французовъ и унесли съ собою нѣсколько отрубленныхъ непріятельскихъ головъ, за которыя Венеціанцы уплатили имъ по дукату. Тогда маршалъ Жіе, не рискуя болѣе подвергать себя опасности, отступилъ назадъ на высоты, гдѣ съ чагу на часъ ожидалъ прибытія короля¹. Карль VIII, между тѣмъ, былъ задержанъ въ своемъ пути трудностями, какія пришлось преодолевать на каждомъ шагу при перевозѣ артиллеріи черезъ Аппенины. Къ счастью его, служившіе у него на жалованьи Швейцарцы нашли средство помочь затрудненію: взявшись за руки и обвязавшись толстыми канатами, они запряглись подъ орудія, и силою своихъ крѣпкихъ мышцъ въ одинъ день перевезли черезъ горы всю артиллерію². Благодаря этому самоотверженному усердію нѣмецкихъ наемниковъ, въ полдень 5 іюля Карль VIII спускался уже съ аппенинскихъ высотъ въ плодородныя долины Ломбардіи. Взорамъ его представилось жавшееся у подошвы горы мѣстечко Форново, и за нимъ обширная, цвѣтущая поляна, перерѣзанная рѣчкой Таро, за которою былъ раскинутъ лагерь союзниковъ³. Приготовляясь къ большимъ битвамъ, Итальянцы имѣли обыкновение располагаться укрѣпленнымъ лагеремъ, который они раскидывали всегда такъ широко, чтобы палатки и ретраншементы не стѣсняли свободы военныхъ дѣйствій: они бились въ самомъ лагерѣ, или непосредственно передъ лагеремъ, который, такимъ образомъ, служилъ имъ вмѣстѣ и крѣпостью и бивуакомъ. Въ гіаруольской долиנѣ, ихъ лагерь былъ особенно обширенъ, потому что союзники сосредоточили здѣсь силы, какихъ давно уже не видала

¹Ibid. II. 160. Commines, 510.

²Commines, 509: Guicciardini II. 159.

³Gommines 513.

Италія. Подъ знаменами лиги стояло до 35.000 чел. войска, четыре пятыхъ котораго вооружено было на счетъ Венеціи¹. Лагерь былъ сильно укрѣпленъ. Главное начальство надъ союзными войсками вручено было Франциску Гонзаго, маркизу мантуанскому; арьберггардомъ предводительствовалъ Мельхиоръ Тревизано, членъ венеціанскаго сената; графъ Гаяццо начальствовалъ надъ войсками герцога Миланскаго². Видъ этого обширнаго лагеря, который, повидимому, вмѣщалъ въ себѣ гораздо болѣе войска, чѣмъ сколько дѣйствительно въ немъ находилось, смутилъ французовъ. Ихъ малочисленному³, изнуренному трудными переходами войску, предстояло бороться съ непріятелемъ, далеко превышавшимъ его въ силахъ, находившимся у себя дома, среди полнаго избылія припасовъ, и занимавшимъ несравненно болѣе выгодную позицію. Французы и не подозрѣвая, что они внушали непріятелю чувство страха еще въ большей степени. Итальянцы были поражены и уstraшены отвагою Французовъ, рѣшившихся, по видимому, оружіемъ проложить себѣ дорогу. До послѣдней минуты они надѣялись, что Карль VIII обойдетъ ихъ лагерь околѣннымъ путемъ, или отправится въ отечество моремъ; теперь же, при видѣ грозной рѣшимости, которую обнаруживали Французы, они упали духомъ⁴. Когда въ ихъ лагерь явились Французскіе парламентары, посланные

¹Ibid.

²Guicciardini II. 159.

³Въ точности нельзя опредѣлить, какъ далеко простиралась численность французскаго войска въ битвѣ при Форново. Andre de Vigne говорить, что въ этомъ кровавомъ сраженіи Французы бились одинъ противъ десяти (Verg'et d'honneur, 387); Mem. d'un part. (191) даетъ пропорцію одного противъ шести. Самымъ невыгоднымъ для Французовъ обстоятельствомъ было здѣсь то, что въ этой битвѣ почти не участвовала ихъ артиллерія, составлявшая главную силу Карла VIII. (Michelet, Renaissance, 226. Guicciardini 11. 172.)

⁴Guicciardini II. 160.

маршаломъ Жіе съ требованіемъ свободнаго пропуска для короля и его арміи и обѣщаніемъ не начинать враждебныхъ дѣйствій, союзники открыли совѣщанія. Людовикъ Моръ и венеціанскій посланникъ, которые, въ случаѣ пораженія, болѣе всѣхъ должны были опасаться мщенія Французовъ, изъявили согласіе принять предложенія маршала; но посланникъ короля испанскаго, который ничего не терялъ, еслибы союзники были разбиты, и очень много выигрывалъ, еслибы разбить былъ Карль VIII, успѣлъ настоять на томъ, чтобы отданъ былъ приказъ готовиться къ битвѣ¹.

Всю ночь съ 5 на 6 іюля шель проливной дождь, сопровождаемый громомъ и молніей, и вода высоко поднялась въ рѣкѣ Таро². На утро, съ разсвѣтомъ дня. Французы построились къ битвѣ. Начальство надъ авангардомъ удержалъ за собою маршалъ Жіе. Карль VIII, рассчитывая, что авангарду придется выдержать самый стремительный натискъ непріятели, отдалъ въ распоряженіе Жіе цвѣтъ своего войска; подъ его знамена стали 3000 Швейцарцевъ, 350 французскихъ копейщиковъ, 300 стрѣлковъ и болѣе половины всей Французской пѣхоты. Центромъ арміи предводительствовали самъ король. Въ мемуарахъ Коммина есть интересное описаніе наружности и убранства Карла въ день битвы; мы приводимъ его буквально, во всей его наивной безтолковости. „Я нашель короля въ полномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, какія я когда нибудь видѣлъ, и эта лошадь называлась Савойя, и многіе говорили, что то была бресчанская лошадь, подаренная Карломъ, герцогомъ Савойскимъ. Она была вороная, съ однимъ глазомъ, — посредственная (?) лошадь, но очень рослая для того, кто сидѣлъ на ней. И казалось, что этотъ, юный человекъ (т. е. Карль VIII) выглядѣлъ со-

¹Ibid. 11. 161.

²Commines, 517. Guicciardini II. 163.

всѣмъ не такимъ, какимъ дѣлала его его натура, ростъ и сложеніе: ибо онъ былъ очень робокъ, и остался такимъ и сегодня. Онъ былъ воспитанъ въ большомъ страхѣ, и среди маленькихъ людей, а на этой лошади казался онъ большимъ, и имѣлъ хорошій видъ, и хорошій цвѣтъ лица, и смѣлое слово, и казалось (я припоминаю это), что братъ Иеронимъ (т. е. Савонарола), говорилъ мнѣ правду, когда сказалъ, что Богъ направитъ его своею десницею, и что онъ будетъ имѣть много дѣла на пути, но что честь его останется съ нимъ"¹. При королѣ находился его совѣтникъ, Тремуйль, который долженъ былъ изъ за кулисъ управлять битвою. Арьергардомъ начальствовали Жанъ де Фуа, отецъ знаменитаго Гастона. За арьергардомъ находился богатый багажъ, оставленный безъ всякаго прикрытія — обстоятельство, даровавшее Французамъ побѣду².

Битва началась стычкою легкой кавалеріи и залпами съ обѣихъ сторонъ. Когда Французскій авангардъ, предводимый маршаломъ Жіе, приблизился къ непріятельскому лагерю, Гонзаго, взявъ съ собою 600 рыцарей, подкрѣпленныхъ отрядомъ страдіотовъ, и 5000 пѣхоты, переправился черезъ рѣчку, намѣреваясь атаковать центръ Французской арміи. Въ то же время онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы венеціанская кавалерія атаковала Французовъ съ Фланга, и далъ приказаніе страдіотамъ овладѣть непріятельскимъ багажемъ³. Въ одно время съ атакой Гонзаго, направленной противъ главнаго центра Французской арміи, графъ Гаяццо, предводительствуя 400 миланскихъ рыцарей, перешель р. Таро навстрѣчу маршала Жіе. Аннибалъ Бентивольйо съ 200 всадниковъ остался на томъ берегу, чтобъ по первому востребованію явиться на помощь графу Гаяццо.

¹Commines, 517.

²Guicciardini I. 164. Commines, 522.

³Guicciardini II. 165.

Въ самомъ лагерѣ оставлень былъ небольшой резервъ въ 200 всадниковъ и 1000ч. пѣхоты, подъ командою Медьхюра Тревизано¹.

Переправа черезъ рѣчку Таро, вода въ которой высоко поднялась вслѣдствіе проливнаго дождя, шедшаго всю ночь, значительно рязстроила ряды Итальянцевъ. Не смотря на то, Гонзаго съ отчаянною храбростію напалъ на центръ Французской арміи, къ которому Карль VIII успѣлъ уже примкнуть арьергардъ. Французы съ изумительною стойкостью выдержали первый натискъ непріятеля. Король бился въ первыхъ рядахъ съ необычайнымъ мужествомъ; онъ носился передъ непріятелями на своемъ горячемъ конѣ, который, по словамъ Гвиччардини, такъ метался и прыгалъ подь сѣдокомъ, что избавлялъ его отъ труда отпаривовать удары, наносимые непріателемъ. Король, сопровождаемый малочисленной свитой, носился передъ рядами, поспѣвая туда, гдѣ слабѣли Французы, гдѣ стремительнѣе напиралъ непріятель, и развозя всюду летучія приказанія. Кстати замѣтимъ здѣсь, что форновская битва ни мало не походила на тѣ, къ которымъ издавна привыкли въ Италіи. Въ прежнихъ битвахъ Итальянцы никогда не вводили въ дѣло разомъ всей арміи: одинъ батальонъ смѣнялся у нихъ другимъ по очереди, такъ что сраженіе длилось съ утра до ночи, и чаще всего оставалось нерѣшеннымъ. Теперь же, при первомъ столкновеніи, всѣ силы сражающихся разомъ введены были въ дѣло, и рукопашный бой завязался всюду послѣ перваго выстрѣла. Итальянцы, ободряемые примѣромъ Гонзаго, бились съ упорнымъ мужествомъ; даже лошади, по словамъ Гвиччардини, пришли въ ожесточеніе и дрались зубами и копытами. Французы, стойко выдержавъ первый натискъ непріятеля, начинали колебаться. Самъ король, увлекаемый отвагою, съ немногими спутниками отѣхалъ

¹Ibid. II. 166. Commynes, 519.

далеко отъ своего войска и былъ окружень непріателемъ. Съ отчаяннымъ мужествомъ отбивался онъ отъ многочисленныхъ враговъ, ежеминутно подвергаясь опасности потерять жизнь или свободу; только вовремя подоспѣвшая помощь спасла его¹.

Между тѣмъ страдіоты, которымъ поручено было завладѣть французскимъ багажемъ, съ успѣхомъ выполнили свое дѣло. Перебивъ находившуюся при багажѣ малочисленную прислугу, они предались грабежу, и нагружившись всѣмъ, что было поцѣннѣе, съ торжествомъ возвращались въ свой лагерь. Это обстоятельство было роковымъ для Итальянцевъ. Кавалерійскіе полки, посланные Гонзаго атаковать флангъ французской арміи, видя какъ страдіоты, обремененные богатой добычей, переправлялись обратно черезъ Таро, почувствовали жажду грабежа, и забывъ свое назначеніе, бросились на багажъ. Скоро ихъ примѣромъ увлеклись войска, вступившія уже въ дѣло. Итальянскіе отряды одинъ за другимъ оставляли поле битвы и бѣжали принять участіе въ грабежѣ. Видя это, Французы ободрились и отважно ударили на союзниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ, смятые однимъ натискомъ Итальянцы въ безпорядкѣ отступили за рѣку. Французы съ яростью преслѣдовали ихъ, не давая никому пощады. Напрасно Гонзаго силился остановить бѣгущихъ, или по крайней мѣрѣ сохранить порядокъ въ отступленіи: объятые паническимъ страхомъ, Итальянцы бѣжали безъ оглядки².

Между тѣмъ маршалъ Жіе, предводительствуя авангардомъ, такъ стремительно напал на шедшаго противъ него графа Гаяццо, что Итальянцы не выдержали натиска и обратились въ безпорядочное бѣгство. Преслѣдуемые по пятамъ непріателемъ, они отступили, за рѣку Таро и соединились съ бѣжавшею туда же арміей

¹Commines, 524 sqq. Guicciardini II. 166. sqq.

²Guicciardini II. 169—170.

Гонзаго. Союзнымъ генераламъ удалось привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ и ввести въ лагерь; но возобновить битвы они не рѣшились, Французы намѣревались сначала преслѣдовать Итальянцевъ за рѣкой, но крайнее утомленіе, какое чувствовали они послѣ этой жаркой битвы, заставило ихъ отмѣнить намѣреніе. Карль VIII отвелъ свои войска за милю отъ поля битвы и расположился лагеремъ, чтобы послѣ небольшого отдыха продолжать свой путь во Францію¹.

Если вѣрить свидѣтельству современниковъ, потеря со стороны Французовъ была самая незначительная, и не простиралась далѣе 200 челов. Что касается до Итальянцевъ, то они потеряли въ этой несчастной битвѣ, продолжавшейся не болѣе часу, до трехъ съ половиною тысячъ. Такая огромная разница въ числѣ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, достаточно показываетъ, какъ далеко превосходили Французы Итальянцевъ въ военномъ искусствѣ, особенно если принять въ соображеніе, что артиллерія, составлявшая главную силу Французскаго войска, на этотъ разъ почти не участвовала въ дѣлѣ².

Битва при Форново была послѣднимъ замѣчательнымъ дѣломъ Карла VIII въ Италіи. Преслѣдуемый по пятамъ непріателемъ и дорогою цѣною покупая перемиріе, среди постоянныхъ трудностей и неудачъ, онъ прошелъ Ломбардію и Піемонтъ. и въ октябрѣ 1495 года возвратился во Францію. Только четвертая часть его войска³ увидала опять свое отечество.

¹Ibid. II. 170 sqq, Commines 523 sqq.

²Ibid. ibid, Michelet, Renaissance, 226.

³Roscoe, Leon X. I 276.

Мы изложили въ общихъ чертахъ исторію итальянскаго похода Карла VIII, составляющаго прологъ Французско-итальянскихъ войнъ, одного изъ важнѣйшихъ явленій переходнаго времени. Мы обозрѣли передъ тѣмъ внутреннее состояніе Франціи, возрожденной реформою Людовика XI, и представили очеркъ великаго гуманистическаго движенія, охватившаго Италію въ концѣ XIV вѣка и долженствовавшаго скоро проникнуть отсюда до крайнихъ предѣловъ европейскаго міра. Мы сопоставили, такимъ образомъ, быть страны, едва начинавшей выступать изъ тѣсныхъ рамокъ средневѣковой жизни, съ бытомъ Италіи, которая вся, всѣми сторонами своего существованія, принадлежала новому времени, вѣку возрожденія. Понятно, что столкновение двухъ народностей, стоявшихъ на столь различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на ту изъ нихъ, которая стояла назади по своему духовному развитію. Французы прошли съ Карломъ VIII вдоль всю Италію; ихъ наблюденію представилась обширная страна, охваченная сильнымъ умственно-художественнымъ движеніемъ, которое въ то время успѣло уже выступить изъ области чистыхъ идей и начинало вліять на жизнь и всачиваться во всѣ поры народнаго организма. Въ концѣ XV вѣка, наука и искусство возрожденія существовали уже не въ формѣ юношескихъ, мало-сознанныхъ стремленій, не въ формѣ туманнаго чаянія античныхъ идеаловъ, какъ это было во время Данте и Петрарки, а въ формѣ положительнаго знанія и свободнаго творчества. Ученые XV вѣка изъ сферы гаданій и предчувствій перешли къ сознательной научной дѣятельности. Одни, какъ Помпоннацій, предались чистому отрицанію; другіе, какъ Пико де Мирандоль, изучивши все, стремились создать изъ этого богатаго матеріала нѣчто органически стройное. Искусство времени возрожденія, хотя и не достигшее еще полной

зрѣлости, успѣло уже выяснитъ свой идеаль и свои задачи. Древность была не только угадана и открыта, но и утилизирована современной жизнью. Ея духъ, ея смыслъ, ея геній были постигнуты художниками XV вѣка и воплощены въ ихъ великихъ произведеніяхъ. Взорамъ варваровъ, наводнившихъ въ 1494 году Италію, возрожденіе предстало во всеоружіи. Оно обнажило передъ ними богатство и глубину своихъ идей, и обольстительную прелесть формъ, въ которыя онѣ воплощались. Товарищи Карла VIII съ неподдѣльнымъ восторгомъ описываютъ роскошь и великолѣпіе итальянскихъ домовъ, въ особенности ихъ загородныхъ виллъ¹. Ихъ неизбалованный глазъ, привыкшій къ суровой просторе среднихъ вѣковъ, былъ пораженъ пышной, изнѣженной обстановкой итальянской жизни. Вотъ какъ описываетъ Мишле итальянскую виллу времянь возрожденія:

„Эти виллы были восхитительны по смѣси искусства съ природой, по своему сельско-хозяйственному характеру, который любятъ Итальянцы. Наши замки, чисто военные, въ своей феодальной смѣси, казалось, презирали, удаляли отъ себя поле и земледѣльческій трудъ, держались подалеже отъ земли рабовъ. Благородно-скучные, они, для прогулки своей пленной владѣтельницы, представляли только надоѣдающую террасу, безъ вида, безъ тѣни, где росла кое-какая желтая, печальная трава. Напротивъ того, виллы итальянскія, состоящіе музеи и далеко превосходившія эти замки относительно искусства, были украшены садоводствомъ и свободно раскидывались вокругъ парками и разнообразною культурою. Охраняемыя при входѣ нѣмымъ народомъ изъ альбаstra и порфира, окруженныя портиками съ миленькими окнами, эти очаровательныя жилища скрывали внутри не только ослѣпительную роскошь тканей, прекрасныхъ шелковъ, венеціанскихъ разно-

¹Мишле, Реформа, гл. XII.

цвѣтныхъ хрусталей, но и всякихъ изящныхъ предметовъ удовольствія и пользы, въ которыхъ было предусмотрено все: здесь были разные погреба, изысканныя кухни, аптеки, глубокія пуховыя постели, даже фландрскіе ковры, на которые, при пробужденіи, могла опуститься маленькая голая ножка, защищенная ими отъ холоднаго мрамора".

„Здѣсь были воздушныя террасы, висячіе сады и самые разнообразныя виды. Какъ разъ возлѣ идиллія сельскаго хозяйства: олень и корова, подходящіе вечеромъ безбоязненно къ брызжущимъ водамъ мраморныхъ фонтановъ; вдали — на валѣ пасущіяся стада, сѣнокосъ или сборъ винограда, виргилиевская жизнь мирныхъ трудовъ. И все это было окаймлено, въ спокойной дали, мраморными аппенинами, или альпами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ".

„Зима ничего не отнимаетъ у этихъ пейзажей. Даже запущенность и руины придаютъ имъ новую прелесть. Въ садахъ, гдѣ прекращается культура, въ большихъ виноградникахъ, оставленныхъ на свободѣ, сильныя растенія какъ будто радуются отсутствію человѣка. Они становятся хозяевами жилища, овладѣваютъ колоннадами, цѣпляются за мраморныя обломки и ласкаютъ одинокія статуи. Все это очень дико и вмѣстѣ очень пріятно, исполнено сладостно-суроваго характера, *soave auslerto*;— все это не возбуждаетъ недовѣрія, но слишкомъ могущественно дѣйствуетъ на душу, усыпляя ее, убаюкивая любовью и пустыми грезами"¹.

Понятно само собою, что вліяніе итальянской культуры на французскую, слѣды котораго, какъ мы убѣдимся, очевидны, не было результатомъ одного похода Карла VIII: оно было слѣдствіемъ цѣлаго ряда французско-итальянскихъ войнъ, приведшаго Италію

¹Ibid.

въ продолжительное столкновение не только съ Франціей, но съ выходцами почти всей Европы. Излагая походъ Карла VIII, мы имѣли въ виду представить очеркъ внутренняго состоянія Италіи конца XV вѣка въ общую характеристику французско-итальянскихъ войнъ, главныя черты которыхъ остаются почти неизмѣнными при Людовикѣ XII и Францискѣ I; излагать же исторію всѣхъ итальянскихъ войнъ этого періода мы не видимъ надобности, и не находимъ даже возможности, по недостатку собраннаго нами матеріала. Въ заключеніе нашего труда, мы обозначимъ только въ главныхъ признакахъ вліяніе, оказанное итальянскими войнами на внутреннее перерожденіе Франціи. Начнемъ съ искусствъ, такъ какъ въ этой области воздѣйствіе итальянской культуры оказывается наиболѣе осязательнымъ и плодотворнымъ.

Въ половинѣ XV вѣка, готическія формы средне-нѣвокаго искусства повсюду, и особливо во Франціи, приходятъ въ упадокъ. Аксессуары, орнаменты поглощаютъ все вниманіе художниковъ и заставляютъ ихъ забыть основную идею стиля. „Въ первый періодъ искусства, говоритъ одинъ французскій писатель, главное преобладаетъ надъ побочнымъ; орнаментовъ мало, и эта умѣренность сообщаетъ произведенію выраженіе величественной или меланхолической важности. Въ періодъ упадка, побочное преобладаетъ надъ главнымъ. Наклонность къ преувеличенію повреждаетъ существенныя формы стиля, декорація поглощаетъ, скрываетъ ихъ. Роскошь и кокетливость заступаютъ мѣсто болѣе высокыхъ достоинствъ. Таковъ былъ ходъ готическаго искусства"¹. Этотъ обезображенный стиль XIV вѣка, утратившій грандіозную величавость среднихъ вѣковъ, не могъ бороться съ итальянскимъ вліяніемъ. Античные

¹Moyen age et Renaissance, t. V. статья Lassus; Architecture civile et religieuse.

ідеали, возродившіся въ итальянскомъ искусствѣ, въ XV вѣкѣ начинаютъ проникать во Францію. При дворѣ, очарованномъ великолѣпіемъ итальянскихъ государей, пробуждается страсть къ постройкамъ, къ роскошной обстановкѣ, украшенной произведеніями живописи и ваянія. Комминъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о великолѣпномъ зданіи, постройку котораго предпринялъ Карль VIII по возвращеніи изъ Італіи. Такого зданія, говорить лѣтописецъ, не строили уже лѣтъ сто, въ немъ должно было совмѣститься все, что король видѣлъ прекраснаго въ чужихъ краяхъ. Для украшенія этого чуда архитектуры были призваны лучшіе художники изъ Неаполя, живописцы, ваятели, декораторы; король рѣшился не щадить никакихъ издержекъ¹. Впрочемъ, не смотря на непосредственное вліяніе итальянскаго возрожденія, готическій стиль во Франціи, какъ и вездѣ, не сразу уступилъ новымъ формамъ. Постройки Карла VIII и Людовика XII принадлежатъ къ смѣшанному стилю, въ которомъ прямолинейный, готическій остовъ зданій украшался античными аксессуарами и орнаментами². Только со временъ Франциска I, итальянскій стиль получаетъ рѣшиельный перевѣсъ надъ національнымъ, особливо въ королевскихъ и частныхъ постройкахъ. Пьеръ Леско, Жанъ Бюльянъ и Филибертъ Делормъ, лучшіе французскіе зодчіе XVI вѣка, своими великолѣпными созданіями утвердили чисто-итальянскій стиль во Франціи. Первый построилъ западный фасадъ Лувра; второй выполнилъ великолѣпный Экуэнскій замокъ коннетабля Монморанси, замокъ, въ которомъ не было уже ничего средневѣковаго. Этотъ домъ, этотъ великолѣпный палаццо былъ устроенъ для свиданій принцевъ королевской фамиліи съ придворными Фаворитками; тамъ, между прочимъ, Діана де Пуатье овладѣла сердцемъ Генриха II. Архитектура замка, располо-

¹Commines, 590.

²Clement, Jacques Coeur II. 50—51.

женіе комнатъ и убранство ихъ совершенно соотвѣтствовали такому назначенію. Все здѣсь дышало сладострастіемъ и чувственностью, все было направлено къ возбужденію похоти. Краска выступала на лицѣ беззащитнаго Рабле, когда онъ разсматривалъ картины, украшавшія; этотъ роскошный дворець Монморанси¹. Въ томъ же направленіи выполнялъ свои постройки Делормъ, замѣчательнѣйшее произведеніе котораго — Анэ, замокъ Діаны де Пуатье. Нельзя не упомянуть также о королевскомъ замкѣ Шамборѣ, постройку котораго Францискъ предпринялъ скоро по возвращеніи изъ мадридскаго плѣна. Замокъ этотъ, сооруженіе котораго относится къ болѣе раннему времени, представляетъ, вмѣстѣ съ церковью св. Евстахія въ Парижѣ, совершеннѣйшій образецъ того смѣшаннаго антично-готическаго стиля, который характеризуетъ Французское зодчество начала XVI вѣка. Высокая средневѣковая крыша, окруженная великолѣпной группой башенъ, надъ которыми господствуетъ одна центральная, колокольни и трубы въ видѣ восточныхъ минаретовъ — это гармоническое сочетаніе германскихъ и арабскихъ формъ придаетъ наружному виду замка средневѣковый характеръ. Но его готическій остовъ всюду итальянизированъ. Античные орнаменты смягчаютъ суровость средневѣковаго контура. Всюду пестрое, причудливое, разнообразное смѣшеніе. Расположеніе комнатъ, внутренняя конструкція зданія совершенно новая. Шамборъ внутри не похожъ ни на Феодальный замокъ, ни на итальянскій палаццо. Въ немъ нѣтъ тѣсноты, грубости, воинственной обстановки; по нѣтъ также длинныхъ необитаемыхъ залъ съ амфиладами, нѣтъ безконечныхъ колоннадъ, отличающихъ итальянскія постройки. Это огромный монастырь съ длинными рядами келій, лѣстницъ и переходовъ. Удобство жизни, причудливыя условія комфорта здѣсь на

¹Lubke, Geschichte der Architektur, 543. Мишле, Реформа, гл. XXI. стр. 102.

первомъ планѣ. На всемъ замѣтны слѣды личнаго характера короля. Комнаты расположены такимъ образомъ, какъ это казалось удобнѣе Франциску. Они не соединены одна съ другою, онѣ независимы: каждая представляетъ отдѣльное помѣщеніе. Все приспособлено такимъ образомъ, чтобы можно было жить и ходить въ этомъ замкѣ среди многочисленнаго и населенія и, въ случаѣ нужды, не быть никѣмъ видимымъ. Всюду сказываются временныя потребности короля, который любилъ жить среди шумнаго общества, и въ то же время былъ влюбленъ, слѣдовательно нуждался въ уединеніи¹. "Королю, говорить Мишле, нуженъ былъ замокъ — не укрѣпленный замокъ старыхъ временъ, сжатый и сдавленный какъ солдатъ въ своихъ латахъ; не мрачная и негостеприимная башня, откуда владѣтельница, по своей прихоти, изгоняетъ дамъ, общество, всякую прелесть жизни. Нѣтъ, нуженъ былъ не столько замокъ, сколько большой монастырь, который, при своихъ башняхъ и Феодальной наружности, скрывалъ бы и вмѣщалъ въ себѣ множество комнатъ, прелестные кабинеты, таинственныя кельи. Такова идея шамборскаго Замка"². „Планъ этого блистательнаго сооруженія, продолжаетъ Мишле, былъ сдѣланъ однимъ умнымъ архитекторомъ въ Блуа, который былъ вдохновленъ гениемъ дворовъ и, можетъ быть, руководился указаніями господина, царственнаго аббата будущаго монастыря. Никакія издержки не казались великими для дѣла столь полезнаго и необходимаго. Среди общественныхъ бѣдствій, среди крайнихъ финансовыхъ затрудненій, надъ этимъ замкомъ работали 1800 человекъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Фаворитки этого царствованія, южная брюнетка и сѣверная блондинка, мадамъ де Шатобріанъ и мадамъ д'Этампъ — торжественно фигурируютъ тамъ въ видѣ каріатидъ Вензель Франциска I красуется вездѣ съ начальною буквою

¹Lubke, 543. Мишле, Реформа, гл. XIV.

²Мишле, Реформа, гл. XIV.

имени Діаны, Д. поставленною неизвѣстно кѣмъ — отцомъ или сыномъ.

"Это назидательное убѣжище занимало всѣ мысли короля. Онъ безпрестанно приѣзжалъ изъ Тура, изъ Блуа, смотрѣть на воздвигаемое зданіе. Дѣла Европы отошли далеко на задній планъ. Изъ Блуа, гдѣ находилось казначейство, деньги, естественнымъ образомъ, шли прямо въ Шамборъ, на постройки, на издержки двора. Иногда нѣкоторая часть ихъ употребляема была на дѣла, на итальянскую войну, но въ маломъ количествѣ, неохотно и всегда слишкомъ поздно"¹. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ, вмѣстѣ съ итальянизациею готическаго стиля, мы видимъ во французскомъ зодчествѣ новое направленіе, стремившееся создать удобства жизни, комфортъ, изящную и покойную обстановку. Жилище, сдѣлавшееся болѣе безопаснымъ отъ вторженія грубой силы, получило новое значеніе для домохозяина. Въ немъ искали уже не одного убѣжища отъ хищнаго врага — оно стало пріютомъ спокойной семейной жизни.

Царствованіе Франциска I совпадаетъ съ самымъ блистательнымъ періодомъ французскаго возрожденія. Не одна архитектура встрѣчала покровительство короля-художника. Живопись и ваяніе нашли пріютъ въ его роскошныхъ дворцахъ. Онъ былъ влюбленъ въ Италію, которая стоила ему столькихъ радостей и столькихъ огорченій; онъ захотѣлъ перенести ее къ себѣ, въ свой Шамборъ, въ свое Фонтенбло. „Усталый отъ войнъ, разочарованный въ своихъ мечтахъ объ Италиі, король, говоритъ Мишле, создалъ для себя Италію Французскую. Онъ устроилъ галереи, роскошныя гульбища, удобныя и открытыя, ломбардскія виллы, которыхъ ему не суждено увидѣть опять"². Онъ призывалъ къ себѣ итальянскихъ художниковъ, осыпалъ ихъ милостями королев-

¹Ibid.

²Ibid. гл. XX.

ская казна была открыта для Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Россо, Андреа дель Сарто. И они пользовались ею не даромъ: они перенесли Италію во Францію. „Леда" Микель Анджело, единственная масляная картина этого великаго художника, въ которой нѣга, сладострастіе и горделивая скромность были чудно сгармонированы, украсила Фонтенбло Франциска I и оставалась тамъ, пока въ XVII вѣкѣ, одна лицемѣрная Фаворитка не приказала ее уничтожить. „Разграбленіе Рима въ 1527 г., паденіе Флоренціи въ 1532 — (слова Мишле) были въ нѣкоторомъ смыслѣ эпою разсѣянія Итальянцевъ по землѣ. Централизація была уничтожена. Итальянскія искусства разбрелись на всѣ четыре стороны. Джуліо Романо отправился въ Мантую, построилъ тамъ виллу съ дворцомъ, съ живописью рухнувшаго міра, съ изображеніемъ борьбы гигантовъ противъ боговъ. Другіе художники удалились въ глубину сѣвера, и вдохновясь его варварскимъ геніемъ, построили Кремль для государства Ивана Грознаго. Нѣкоторые явились во Францію, и здѣсь, въ матеріалѣ самомъ непокорномъ, въ песчанникѣ Фонтенбло, они находятъ неожиданные эффекты, страннымъ образомъ соотвѣтствовавшіе таинственному характеру пейзажа, темной и мрачной загадкѣ политики королей. Отсюда — эти Меркурии, эти страшныя хари „Овальнаго двора", отсюда эти изумительныя Атланты, которые стерегутъ купальни на дворѣ „Бѣлой лошади", люди-утесы, которые въ теченіе 300 лѣтъ все еще ищутъ для себя Формы и души, свидѣтельствуя по крайней мѣрѣ, что въ камнѣ есть грѣза бытія и стремленіе осуществить ее"¹. Фонтенбло, наводненный итальянскими художниками, преобразился въ какой то заколдованный, волшебный мірокъ, наполненный чудесами искусства, Россо создалъ тамъ свою Фантастическую галерею, этотъ странный художническій фарсъ, причудливый, капризный, какъ король, для кото-

¹Ibid.

раго онъ былъ сыгранъ. Здѣсь все набросано, накидано, здѣсь ничего нельзя разобрать. Идиллія и сатира, трагедія и комедія, антики и жанръ — все сгруппировано здѣсь въ какомъ то фантастическомъ хаосѣ. Жрецы, весталки, герои, атлеты, нимфы, французскія дѣвушки съ рѣзкимъ національнымъ типомъ, дѣти, животныя — всѣ эти разнохарактерныя Фигуры тѣснятся на стѣнахъ, поражая своимъ разнообразіемъ и причудливой группировкой. Старый и новый свѣтъ глядятъ здѣсь со стѣнъ другъ на друга. Здѣсь есть странныя, невиданныя животныя, только что вывезенныя изъ Америки и Индіи. Здѣсь есть индюшка, необычайная птица, о которой до тѣхъ поръ не имѣли понятія въ Европѣ здѣсь есть слонъ, красующійся въ великолѣпномъ нарядѣ султанши все возбуждаетъ любопытство и удивленіе Франциска¹. Плодотворный духъ, повѣявшій во Францію изъ Италіи, пробудилъ въ народѣ художественную творческую силу. Рядомъ съ именами великихъ Итальянцевъ, въ эпоху Франциска I мы встрѣчаемъ уже, въ списокѣ художниковъ, два-три французскія имена. Въ Фонтенблоскомъ дворцѣ есть небольшая комната, бывшая любимымъ мѣсто пребываніемъ Франциска. Эту комнату отдѣлывалъ Жанъ Гужонъ, молодой Французъ, самородокъ. Архитектура и убранство ея принадлежатъ къ тому же направленію, какъ и галлерейя Россо, но въ ней нѣтъ такого разнообразія, такой тѣсноты и давки изображеній. Она также въ фантастическомъ родѣ, но въ ней дано больше мѣста простотѣ и гармоніи. Все убранство ея заключается въ каріатидахъ, причудливыхъ, стройныхъ, граціозныхъ каріатидахъ, составленныхъ изъ группъ высокихъ нимфъ, необыкновенно легкихъ и миловидныхъ².

Таково было быстрое развитіе пластическихъ

¹Мишле, Реформа, гл. XX.

²Ibid.

искусствъ во Франціи, результатъ близкаго знакомства съ Италіей. Что касается до литературы, то и въ этой области обнаружилась не менѣ существенная реформа. Французскій языкъ, неуклюжій, тяжелый, темный въ мемуарахъ Коммина, въ произведеніяхъ Рабле является до того гибкимъ и правильнымъ, что канцлеръ Пойе нашелъ возможнымъ ввести его въ судопроизводство, гдѣ до того времени царила средневѣковая латынь¹. Вотъ какъ опредѣляетъ Мишле значеніе услуги, оказанной Рабле Французскому языку: „Христофоръ Колумбъ открылъ новый свѣтъ, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отроду, Рабле былъ почти въ тѣхъ же лѣтахъ, когда открылъ свой новый свѣтъ. Новизна содержанія высказалась въ новизнѣ Формы. Французскій языкъ явился въ величіи, котораго онъ не имѣлъ ни прежде, ни послѣ того. Совершенно справедливо говорятъ, что Рабле оказалъ французскому языку такую же услугу, какъ Дантъ итальянскому. Онъ употребилъ въ дѣло и сплавилъ вмѣстѣ всѣ нарѣчія, элементы всѣхъ временъ и всѣхъ провинцій, которые представляли ему средніе вѣка, прибавивъ еще множество техническихъ терминовъ, взятыхъ изъ области наукъ и искусствъ. Другой не сѣмѣлъ бы справиться съ такимъ безконечнымъ разнообразіемъ, но Рабле сгармонировалъ все. Знаніе языковъ, какъ древнихъ (въ особенности греческаго), такъ и новѣйшихъ, помогло ему совладѣть съ языкомъ французскимъ, охвативъ его во всей его цѣлости”². Что касается до содержанія произведеній Рабле, то здѣсь также всюду сказывается идея возрожденія — близость къ природѣ, возвращеніе къ естественному быту. Но это естественное состояніе, по понятіямъ Рабле, очень далеко отъ первобытной дикости, воспѣтой Ж. Ж. Руссо. Рабле до того возвышаетъ науку, что дѣлаетъ ее, въ лицѣ Гаргантюа, героемъ эпопеи. Онъ воспѣваетъ новый міръ — міръ открытій, міръ возрож-

¹Ibid. XXII.

²Ibid. гл. XX.

денія, обломки середневѣковаго быта преданы имъ поруганію. Новое прославлено, старое оскорблено, унижено. Лирическій гимнь и сатира идутъ у него рука объ руку. Это пѣснь возрожденія, эпопея переходнаго времени, гражданскій эпосъ.

Изъ всего, что мы нашли возможнымъ сказать о развитіи изящныхъ искусствъ во Франціи, перенесенныхъ сюда съ итальянской почвы, очевидно, что это развитіе, какъ слѣдствіе королевской инициативы, тотчасъ приняло придворный характеръ и должно было привести къ результатамъ, благопріятнымъ усиленію королевской власти. Мы видѣли, что всѣ замѣчательнѣйшія произведенія архитектуры, скульптуры и живописи, украсившія Францію XVI вѣка, были созданы по волѣ и при личномъ участіи королей. Шамборъ, Фонтенебло, галерея Россо, каріатиды Гужона, замки Діаны де Пуатье и Монморанси, все это было предназначено для того, чтобы окружить болѣе пышной обстановкой короля и его дворъ, и придать, такимъ образомъ, новый блескъ и новый авторитетъ монархическому началу. Пока въ народѣ не возникаетъ протестъ противъ всепоглощающей роскоши двора, до тѣхъ поръ эта роскошь, ото великолѣпіе, служатъ для государей источникомъ силы и вліянія. 1789-й годъ далеко отстоялъ еще отъ Франціи XVI вѣка. Въ эту эпоху, пышная придворная обстановка, итальянскій этикетъ, итальянскіе дворцы возбуждали въ массахъ только чувство благоговѣнія и восторга. Народъ боялся Франциска I и уважалъ его, не смотря на то, что этотъ король очень мало заботился о благѣ подданныхъ, и что его частная жизнь была соблазномъ для всей Европы. Массы были ослѣплены падавающимъ великолѣпіемъ его двора. Никогда король, съ своими приближенными, не стоялъ такъ высоко надъ прочими. Все, что было въ государствѣ великолѣпнаго, изящнаго, умнаго, стремилось во дворець. Не только образовательныя искусства, даже поэзія и литература приняли придворный характеръ. У каждаго изъ послѣднихъ Валуа, былъ свой

поэтъ: у Франциска I Маро; у Генриха II Сень-Желе: у Карла IX Ронсаръ; у Генриха III Депортъ. „Ничто не могло сравниться съ блескомъ и шумомъ этого двора (говоритъ Мянье), введенными Францискомъ I, который привлекъ къ нему цвѣтъ французской аристократіи, воспитывая здѣсь молодыхъ дворянъ изо всѣхъ провинцій, въ качествѣ пажей¹, и украсивъ его почти двумястами дамъ и дѣвиць, принадлежавшимъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства.” Вся эта толпа придворныхъ безпрестанно переселялась то на берега Сены въ роскошные дворцы Фонтенбло и Сень-Жермена, частью выстроенные вновь, частію передѣланные Францискомъ I; то въ увеличенные имъ замки Блуа и Амбуаза на берега Луары, гдѣ проводили время предки его. Подражая отцовскому примѣру, Генрихъ II удержалъ то же великолѣпіе и при своемъ дворѣ, которымъ съ дѣятельностью и увлеченіемъ руководила ловкая итальянка Катерина Медичи. Она привыкла къ этому при Францискѣ I. принявшемъ ее въ „маленькій отрядъ своихъ дамъ фаворитокъ”, съ которыми онъ ѣздилъ охотиться за оленями и нерѣдко проводилъ время одинъ въ своихъ увеселительныхъ домахъ. Но по большей части мушкетеры смѣшались съ обществомъ дамъ почти непрерывно. Королева и ея дамы присутствовали на всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ Генриха II и его придворныхъ, сопровождали его на охоту; король также съ своей свитой приводилъ по нѣскольку часовъ утромъ и цѣлые вечера на половинѣ Катерины Медичи. „Тамъ, говоритъ Брантомъ, всегда находилась толпа земныхъ богинь, одна прекраснѣе другой: каждый вельможа, каждый придворный говорилъ съ тою, которая ему нравилась больше всѣхъ, между тѣмъ какъ король съ своими приближенными бесѣдо-

¹При Францискѣ I, также и при Генрихѣ II, такихъ пажей было около 130, изъ нихъ ежегодно до 50 чел. выходили въ пѣхоту, въ тяжелую и легкую кавалерію. Брантомъ, т. 11, стр. 350 и 354. *Прим. Минье.*

валь съ королевою, или занималъ разговоромъ свою сестру, королеву дофину (Марію Стюартъ) и другихъ принцессъ". Имѣя официальныхъ фаворитокъ, короли хотѣли, чтоб и подданные тоже имѣли ихъ. "И тѣхъ, кто этого не дѣлалъ, говоритъ Брантомъ, считали фатами и глупцами". Францискъ I взял. себѣ въ фаворитки сначала графиню Шатобрианъ, а потомъ герцогиню д'Этампъ; Генрихъ II былъ также рыцарски-страстнымъ поклонникомъ жены великаго сенешаля Нормандіи, Діаны де Пуатье. Но кромѣ этихъ извѣстныхъ всѣмъ фаворитокъ, были и другія. Францискъ I, прославившійся своею безнравственностью, отличался тѣмъ, что самъ любилъ просвѣщать дамъ, поступавшихъ къ его двору. Его товарищемъ въ этихъ подвигахъ вольнодумства и разврата былъ дядя Маріи Стюартъ, богатый и разгульный кардиналъ Лотарингскій¹. Таковъ былъ дворъ, изъ жизни котораго Брантомъ заимствовалъ большую часть безнравственныхъ примѣровъ, приведенныхъ имъ въ своихъ „Свѣтскихъ женщинахъ". Объ испорченности этого двора можно судить даже изъ стихотворенія, которое духовникъ Генриха II, поэтъ Меленъ де Сень-Желе, посвятилъ одной изъ красавицъ двора:

Si da parli de celle voulez être,
Par qui Venus de la cour est bannie,
Moi, de son fils ambassadeur et pere,

¹Я слышалъ, что какъ только ко двору являлася какая нибудь красивая дѣвица или молодая дама, онъ тотчасъ же сближался съ нею, и чтобы склонить ее, обыкновенно говорилъ, что самъ хочетъ заняться ея образованіемъ. Прекрасный наставникъ!.. Тогда говорили также, что изъ числа состоявшихъ при дворѣ и поступавшихъ туда вновь дѣвицъ и дамъ почти вовсе не было такихъ, которыхъ не развратило бы или собственное корыстолюбіе, или щедрость кардинала и очень немногія, а можетъ быть и ни одна изъ нихъ не оставила этого двора с незапятнаннымъ именемъ". Брант. Т. VII с. 540. *Прим. Минье.*

Savoir vous fais, qu'il vous excommunie.
Mais si voulez a leur foy etre unio,
Meltre vous faut le coeur en leur puissance,
Pour repondant a velre obeissance.
Car on leur dit qu'en vous, mes demoiselles,
Sans gage sur y a peu ile fiance,
Et que d'amour n'avez. ren que les ailes"¹.

(Т. е. если вы хотите принадлежать къ той партіи, которая изгнала придворную Венеру, то я, посланникъ и жрецъ ея сына, объявляю вамъ, что вы отлучены имъ. Но если вы хотите быть съ ними за одно, то вы должны предать свое сердце въ ихъ власть, порукою вашего повиновенія. Потому что, говорятъ, на васъ, мои дѣвушки, безъ вѣрнаго залога положиться нельзя, и что отъ Амура вы не имѣете ничего, кромѣ крыльевъ).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ, также точно бывшимъ результатомъ французско-итальянскихъ войнъ и оказавшимъ гибельное вліяніе на ходъ Французской цивилизаціи. Мы нѣсколько разъ имѣли уже случай говорить о глубокой испорченности нравовъ въ Италіи, которая, будучи отчасти слѣдствіемъ знакомства съ языческою древностью, поддерживаемая сангвиническимъ темпераментомъ народа и продолжительной анархіей въ политической и общественной средѣ, шла здѣсь рука объ руку съ побѣдоноснымъ движеніемъ разума. Мы видѣли пышность и великолѣпіе итальянскихъ дворовъ, прообразъ "просвѣщеннаго деспотизма" XVIII вѣка, видѣли рѣзкіе примѣры безнравственности, позорившіе всѣ классы итальянскаго общества; понятно само собою, что эти соблазнительные примѣры не могли остаться безъ вліянія на Французовъ въ ихъ долговременномъ пребываніи въ Италіи. Французы, во главѣ которыхъ, при первомъ столкновеніи съ Итальянцами, стоялъ легкомысленный и развратный

¹Минье; Исторія Маріи Стюартъ, ч. I. гл. I. стр. 16—18.

Карль VIII, увлеклись заразительнымъ примѣромъ своихъ враговъ: они предались сладострастью съ необузданностью, изумлявшею самихъ Итальянцевъ. „Примѣръ государя говоритъ Роско, совратилъ всѣхъ его придворныхъ. Развратъ дошелъ до неистовства. Никто не слушал, голоса религіи и нравственности; и рука провидѣнія, почти видимо для всѣхъ, наказала эту необузданность постыдной и жестокой болѣзною. Итальянцы и Французы взаимно обвиняли другъ друга въ распространѣніи этой заразы, и названія язвы — неаполитанская и французская, хорошо показываютъ, какъ обѣ націи старались навязать одна другой позоръ происхожденія болѣзни. Можно думать, что изъ всѣхъ послѣдствій похода Карла, VIII, это будетъ памятно долѣе всѣхъ¹. Тѣ же явленія необузданнаго разврата сопровождали походы Людовика XII и Франциска I. Послѣдній не уступалъ Карлу VIII въ испорченности нравовъ. Мы упоминали уже о его интригахъ съ Діаною де Пуатье и графинею Шатобрианъ; Діана перешла по наслѣдству къ его сыну, Генриху II. Эти Фаворитки создали при французскомъ дворѣ новую, очень важную роль — официальныхъ королевскихъ метрессъ, поглощавшихъ значительную часть государственныхъ доходовъ и нерѣдко управлявшихъ судьбою страны.

Переходя къ реформамъ въ политической и соціальной средѣ, бывшимъ болѣе или менѣе непосредственнымъ слѣдствіемъ французско-итальянскихъ войнъ, мы должны указать прежде всего на то, какъ эти войны нарушили національную изолированность, составлявшую одно изъ характеристическихъ отличій средневѣковаго государственнаго быта. Въ средніе вѣка, международныя сношенія, мирныя и враждебныя, на каждомъ шагу встрѣчали препятствія: имъ полагали преграду в естественные предѣлы страны, и разрознен-

¹Roscoe, Leon X, 1. 277.

ность династическихъ интересовъ, и слабость центральной власти, которой были не по силамъ обширныя и отдаленныя предпріятія и скудость географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Внѣшнія средневѣковыя войны носили или религіозный, или юридическій характеръ. Мотивомъ ихъ были или ненависть къ врагамъ вѣры, потребность защитить и прославить свою рлигіозную святыню, или тяжба вслѣдствіе нарушенія феодальныхъ отношеній. Крестовые походы, борьба съ Маврами въ Испаніи, военныя предпріятія противъ еретиковъ, запечатлѣны религіознымъ характеромъ; война между составными частями франкской и германской имперіи имѣють характеръ тяжебный, какъ борьба за династическіе или сузеренные интересы. Единственная международная война средневѣковаго періода — тридцатилѣтняя война Франціи съ Англіей также имѣеть свой источникъ въ феодальномъ нравѣ: эго распря сузерена съ своимъ вассаломъ, случайно достигшемъ независимаго положенія. Французско-итальянскія войны были мотивированы совершенно иначе. Они были слѣдствіемъ завоевательной политики французскихъ королей, которые, обезсиливъ феодальную стихію, нашли въ своей обновленной власти средство для обширныхъ внѣшнихъ предпріятій. Здѣсь политика расширяеть свой кругозоръ, переступаеть предѣлы страны и входитъ въ область обще европейской системы: государствъ. Положеніе сосѣднихъ, и даже отдаленныхъ державъ входитъ въ соображеніе правительствъ. Въ борьбѣ принимаютъ участіе, кромѣ нѣсколькихъ итальянскихъ государствъ, Франція, Англія, Испанія, Германія, Швейцарія. Всѣ смотрять другъ на друга, слѣдятъ другъ за другомъ, и сознають солидарность, связывающую ихъ въ одну систему. Эпоха крестовыхъ походовъ, междоусобныхъ войнъ и династическихъ споровъ кончается; настаеть эпоха общеевропейской политики, великихъ международныхъ войнъ и союзовъ. Дипломатія, это дитя новаго времени, вступаетъ въ свои права

на ряду съ мечемъ и пушкой.

Къ сожалѣнію, характеръ этой дипломаціи съ самаго начала парализируетъ ея силы и лишаетъ ее возможности принести всю ту пользу, которой челоѳчество вправѣ было ожидать отъ нея. Макиавеллизмъ, растлившій политическую нравственность Итальянцевъ, простеръ свое пагубное вліяніе и за Альпы. Иностранная политика дворовъ, принимавшихъ участіе въ французско-итальянскихъ войнахъ, запечатлѣна отсутствіемъ прямоты и честности. Это цѣлая сѣть интригъ, увертокъ и уловокъ. Не говоря уже о томъ, что общее благо всюду приносится здѣсь въ жертву частнымъ интересамъ государства, въ дипломатическихъ сношеніяхъ европейскихъ дворовъ XVI вѣка мы непрерывно встрѣчаемъ нарушеніе клятвъ и договоровъ, произвольное, казуистическое толкованіе обязательствъ, стремленіе провести, обмануть, перехитрить противника. „Старались, говоритъ Кортюмъ, то усиливать, то ослаблять другъ друга лигами и контръ-лигами, въ исполненіи обѣщаній и обязательствъ не знали ни нравственной гордости, ни твердой воли; собственная польза и выгода значили гораздо болѣе, чѣмъ добросовѣстность. Съ двусмысленностями и увертками толковали трактаты, или отдѣльные пункты ихъ, старались отгадать намѣренія противниковъ, и затѣмъ перехитрить ихъ. Кто съ особенною тонкостью и счастіемъ дѣлалъ это, тотъ пріобрѣталъ цѣну опытнаго и искуснаго государственнаго челоѳека“¹.

Что касается собственно Франціи, то въ государственномъ быту ея вліяніе итальянскихъ войнъ, или, лучше сказать, итальянскаго возрожденія, со многихъ сторонъ отразилось благодѣтельно. Мы говорили уже о возвышеніи королевскаго авторитета, которое, усиливъ центральную власть, дало ей возможность съ большей

¹Kortüm I. 230.

энергіей и большимъ успѣхомъ трудиться надъ водвореніемъ порядка въ государствѣ. Еще о Карлѣ VIII говоритъ Комминъ, что по возвращеніи изъ Италіи онъ захотѣлъ править народомъ по волѣ Божіей, „и ввести порядокъ въ судопроизводство, и устроить дѣла церковныя, и устроить также финансы, такъ чтобы не взимать съ народа болѣе милльйона-двухъ-сотъ-тысячъ франковъ въ видѣ подати¹, кромѣ доходовъ съ своихъ доменовъ. Самъ Карлъ VIII, по свидѣтельству Коммина, не хотѣлъ обращать государственной казны на свои расходы, а желалъ жить доходами съ собственныхъ помѣстьевъ. „Онъ усиленно старался, продолжаетъ лѣтописецъ, уничтожить злоупотребленія бенедиктинскаго ордена, и другихъ духовныхъ корпорацій. Онъ приближалъ къ себѣ хорошихъ людей изъ духовенства, и бесѣдовалъ съ ними. Онъ имѣлъ доброе желаніе, чтобы каждый епископъ имѣлъ, если можно, одно епископство, если не былъ кардиналомъ; кардиналы же чтобы имѣли по два”². Особенно на благосостояніе низшихъ классовъ и преимущественно земледѣльческихъ, обращали вниманіе Карлъ VIII и его ближайшіе преемники. Въ началѣ нашего труда мы имѣли случай говорить о бѣдственномъ положеніи французскихъ крестьянъ въ половинѣ XV вѣка. Оно было слѣдствіемъ продолжительной политической анархіи, обуревавшей Францію въ царствованіе Карла VI и Карла VII. Злоупотребленія помѣщиковъ, Фиска и королевскихъ чиновниковъ, разбои бродягъ, грабежи и своеволие солдатски, все это обрушилось тогда на крестьянское сословіе. Вслѣдствіе всего этого, крестьяне бѣгутъ съ полей, на которыхъ никакая охранительная власть не обезпечиваетъ за ними жатвы; голодъ, вызванный прекращеніемъ полевыхъ работъ, производитъ чуму; бѣдствій является столько, что на сеймѣ 1484 года

¹Людовикъ XII уменьшилъ эту цифру наполовину. См. Doniol, Histoire des classes rurales en France, 275.

²Commines, 591.

ораторы считали рабство болѣе обеспеченнымъ состояніемъ, чѣмъ тогдашнее крестьянское. Ближайшимъ источникомъ всѣхъ этихъ бѣдствій было ослабленіе центральной власти, безсильной для поддержанія порядка и справедливости въ государствѣ. Паденіе королевскаго авторитета допустило утвердиться въ селахъ лихоимству и ростовщичеству, которыя привели крестьянъ къ потерѣ собственности, а та, въ свою очередь — къ прекращенію земледѣльческихъ работъ. Затѣмъ наступили войны, внутреннія и внѣшнія, соединенныя съ опустошеніями солдатески. Какъ велико было необузданное и жестокое своеволие солдатъ, видно изъ того, что въ королевскихъ указахъ того времени запрещалось между прочимъ; „грабить по дорогамъ, захватывать земледѣльцевъ и ихъ скоть, уничтожать хлѣбъ, вино и другіе припасы, портить ихъ, бросать въ колодези, косить хлѣбные посеы и рубить ихъ на солому рубить плодовые деревья, жечь, дома и службы, рубить крыши и утварь на дрова" и т. д. Людовикъ XI старался возвысить земледѣліе, но его непрерывныя войны съ феодалами опустошали страну. Число поземельныхъ собственниковъ всюду быстро уменьшалось, даже въ Лангедокъ, который находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ¹.

Это тягостное, безвыходное положеніе дѣль существенно изменяется при Карлѣ VIII и его преемникахъ. Война, перенесенная за предѣлы государства и сама въ себѣ находившая необходимыя денежныя средства, перестала опустошать Францію. Въ то же время, внутри страны совершалось преобразование всѣхъ вообще гражданскихъ и соціальныхъ формъ жизни. Феодалы, укрощенные политикой Людовика XI и вызванные изъ отечества внѣшними войнами, перестали тяготѣть надъ земледѣльческими классами. Легисты получаютъ большій вѣсъ, законы приобрѣтаютъ болѣе силы и опре-

¹Doniol, Histoire des classes rurales en France, 249—254.

дѣленности, весь государственный строй приводится къ большему порядку. Правительство обнаруживаетъ дѣятельную заботливость объ улучшеніи быта крестьянскаго сословія. Францискъ I, въ одномъ изъ своихъ ордонансовъ, поставляетъ спеціальною цѣлью правительства: „охраненіе, возвышеніе и защиту низшаго сословія я самаго слабаго и униженнаго, и потому болѣе другихъ подверженнаго притѣстеніямъ и обидамъ, и естественно болѣе другихъ нуждающагося въ охраненіи, поддержкѣ и защитѣ“.

Благодаря дѣятельнымъ усиліямъ правительства, которымъ руководили такія благородныя желанія и соображенія, благосостояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи высоко поднялось въ царствованіе Людовика XII и Франциска I. Народонаселеніе быстро увеличивалось; трудъ, повсюду вступивъ въ свои права, превратилъ дымящіеся пустыри въ веселыя, оживленныя селенія. Земледѣліе, бѣжавшее прежде съ плодородныхъ нѣкогда полей, теперь захватывало каждый клочекъ земли, удобный къ обработкѣ. Земли показалось мало — стали вырубать лѣса и сушить рѣки, такъ что понадобились строгія мѣры, чтобъ остановить чрезмѣрный разливъ агрокультуры, грозившій превратить всю Францію въ одну обширную пашню. Благосостояніе крестьянъ сильно возвысилось, и ростовщичество не грозило имъ болѣе нищетою. Въ это время крестьяне всѣхъ провинцій стремятся упрочить за собою поземельную собственность, и число независимыхъ крестьянскихъ участковъ возрастаетъ по всей Франціи¹.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія преобразованія, внесенныя въ умственную, художественную, политическую и экономическую жизнь Франціи итальянскимъ вліяніемъ.

¹Ibid. 271-281.

Въ заключеніе, повторимъ въ немногихъ словахъ содержаніе нашего труда. Въ половинѣ XV вѣка, въ Европѣ совершается важный политическій переворотъ. Основной принципъ средневѣковой эпохи — единство, всемірная централизація — уступаетъ мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Развитие учреждений, обнимавшихъ своими притязаніями весь европейско-христіанскій міръ, останавливается. На обломкахъ императорской власти возвышается власть королевская, источникъ и сила которой коренятся въ элементѣ народности, національной самобытности и особенности. Въ этомъ новомъ движеніи, инициативу и первенствующую роль принимаетъ на себя Франція. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля-централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ жестскаго собирателя своей земли. Онъ задумалъ политически переродить Францію и на развалинахъ Феодализма устроить свое собственное хозяйство. Онъ устремился къ этой цѣли съ высокимъ практическимъ тактомъ, съ шагъ осторожною, выжидательною хитростью. Онъ истощилъ и привелъ въ трепетъ дворянъ, конфисковалъ ихъ лены, смирилъ парламентъ, университетъ, духовенство. Такимъ образомъ, за шагомъ, онъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между Феодальными единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народнаго единства, сплотилась въ одну національность. Реакція противъ этого новаго порядка вещей, созданнаго Людовикомъ XI, обнаруживается тотчасъ по вступленіи на престолъ малолѣтняго Карла VIII; но умная правительница Анна Божѣ, сестра Карла VIII, побѣждаетъ реакцію, и первыя десять лѣтъ своего регентства заботится о сохраненіи порядка вещей, въ которомъ оставилъ Францію Людовикъ XI. Но съ 1494 года, положеніе дѣлъ измѣняется. Вмѣсто дальнѣйшаго развитія новыхъ началъ, положенныхъ Людовикомъ XI въ основаніе внутренняго быта государства, Франція устремляется во внѣшнія предпріятія. Наступаетъ эпоха

французско-итальянскихъ войнъ, которыя, будучи тѣсно связаны съ реформою Людовика XI, указываютъ начато му имъ движенію новый исходъ. Борьба монархическаго начала съ сословными и корпоративными стихіями, приведенная Людовикомъ XI къ исходу, благопріятному для центральной власти, прекращается. Побѣжденное въ этой борьбѣ феодальное начало перестаетъ быть значительнымъ факторомъ французской исторіи; остатокъ неугомонныхъ феодальныхъ силъ, пережившихъ критическую эпоху борьбы, находятъ исходъ въ итальянскихъ войнахъ. Цвѣтъ французскаго рыцарства падаетъ въ битвахъ; храбрый, великодушный Баярдъ, послѣдній представитель средневѣковыхъ витязей, истекаетъ кровью въ битвѣ при Романьяно. Короли, не тревожимые болѣе безпокойными средневѣковыми стихіями, направляютъ свою дѣятельность въ другую сторону. Очарованные пышнымъ цвѣтомъ итальянской культуры ослѣпленные идеей свѣтскаго абсолютизма, такъ широко и разнообразно развившейся на итальянской почвѣ, они стремятся перенести въ предѣлы своего государства итальянскую цивилизацію временъ возрожденія. То, что коварствомъ, угрозою, грубою силою пріобрѣлъ Людовикъ XI, они стремятся сохранить за собою силою нравственнаго вліянія. Ставъ во главѣ цивилизующаго движенія, они пріобрѣтаютъ новый авторитетъ въ глазахъ народа: они являются передъ нимъ среди пышной придворной обстановки, окруженные всѣми тонкостями итальянскаго этикета. Что касается до итальянской цивилизаціи, которой предстояло имѣть такое сильное вліяніе на Францію, то главныя отличительныя черты ея были слѣдующія:

а) Въ религіозной сферѣ: вызывается къ жизни античный сенсуализмъ, проповѣдуется возвращеніе къ естественному, непосредственному быту. Христіанскій аскетизмъ предается порицанію, и ему противопоставляются требованія чело вѣческой природы. Паганизмъ всюду или вытѣсняеть христіанство, или безобразно пе-

реплетається съ нимъ.

б) Въ научной сферѣ: средневѣковому Аристотелю арабской редакціи противопоставляется сначала оригинальный, классическій Аристотель, а потомъ Платонъ. Схоластика предаётся осмѣянію, отъ науки требуется содержанія и жизненности. Изученіе древнихъ языковъ почитается единственнымъ путемъ въ міръ классической цивилизаціи.

с) Въ художественной сферѣ: вызываются къ жизни античные идеалы. Техника быстро совершенствуется. Задачею искусства полагается воплощеніе средневѣковыхъ идеаловъ въ античныхъ формахъ.

д) Въ политической сферѣ: вызывается къ жизни государственная идея, забытая въ средніе вѣка. Свѣтскій авторитетъ противопоставляется духовному. Національность возводится въ принципъ.

Таковы были духъ и характеръ итальянской цивилизаціи временъ возрожденія. Что касается до политическаго состоянія Италіи въ эту эпоху, то оно представляло мало отраднаго. Силы страны были парализованы отсутствіемъ національнаго единства. Разнородныя, большія и малыя, государства Италіи, были разъединены взаимными антипатіями, и для своихъ частныхъ интересовъ жертвовали благомъ цѣлаго полуострова. Всюду въ Италіи кипитъ междуусобная борьба между государями съ одной, и между государями и подданными съ другой стороны. Подъ радужной оболочкой цивилизаціи гноятся смертельныя язвы, порожденныя политической разрозненностью и деспотизмомъ.

Карль VIII вступилъ въ Италію съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ, безъ труда завоевалъ Неаполь, но, не будучи въ силахъ удержать его за собою, предпринялъ обратный путь во Францію. Итальянцы, составившіе лигу противъ Карла VIII, хотѣли задержать его, но послѣдній, разбивъ ихъ при Форново, оружіемъ про-

ложилъ себѣ путь въ отечество.

Это было началомъ французско-итальянскихъ войнъ.

Исторія этихъ войнъ сопоставляетъ бытъ страны, едва начинавшей выступать изъ тѣсныхъ рамокъ средневѣковой жизни, съ бытомъ Италіи, которая вся, всѣми сторонами своего существованія, принадлежала новому времени, вѣку возрожденія. Понятно, что столкновение двухъ народностей, стоявшихъ на столь различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на ту изъ нихъ, которая стояла назади по своему духовному развитію. Взорамъ варваровъ, наводнившихъ въ 1494 Италію, возрожденіе предстало во всеоружіи. Оно обнажило передъ ниши глубину и богатство своихъ идей, и обольстительную прелесть формъ, въ которыя онѣ воплощались. Вліяніе, воздѣйствіе, было неизбѣжно. Оно обнаружилось:

а) Въ художественной сферѣ: средневѣковое готическое искусство во Франціи, съ XV в. приходившее въ упадокъ, было итальянизировано. Постройки Карла VIII и Людовика XII относятся еще къ смѣшанному стилю, въ которомъ готическій остовъ украшается античными орнаментами, но сооруженія Франциска I, за исключеніемъ Шамборскаго замка, принадлежатъ новому стилю. Эти зданія украшаются произведеніями скульптуры и живописи, созданными итальянскими художниками, или по ихъ образцамъ. Французскіе художники подражаютъ Итальянцамъ.

б) Въ политической сферѣ: королевская власть, возвышенная реформою Людовика XI, возвышается еще болѣе среди роскошной и блистательной обстановки, бывшей результатомъ итальянскаго вліянія. Великолѣпіе двора, соединившееся вскорѣ съ испорченностью нравовъ, ослѣпляетъ, подавляетъ воображеніе массъ. Столкновение многихъ народностей во французско-

итальянскихъ войнахъ расширяетъ кругозоръ европейской политики, которая создаетъ систему европейскихъ государствъ. и идею политическаго равновѣсія. Раждается и приобрѣтаетъ важное значеніе дипломатическое искусство.

Собственно во Франціи, возвышеніе центральной власти облегчаетъ водвореніе въ странѣ порядка и правосудія. Уровень народнаго благосостоянія возвышается, земледѣліе достигаетъ процвѣтанія, число крестьянъ-собственниковъ быстро увеличивается.